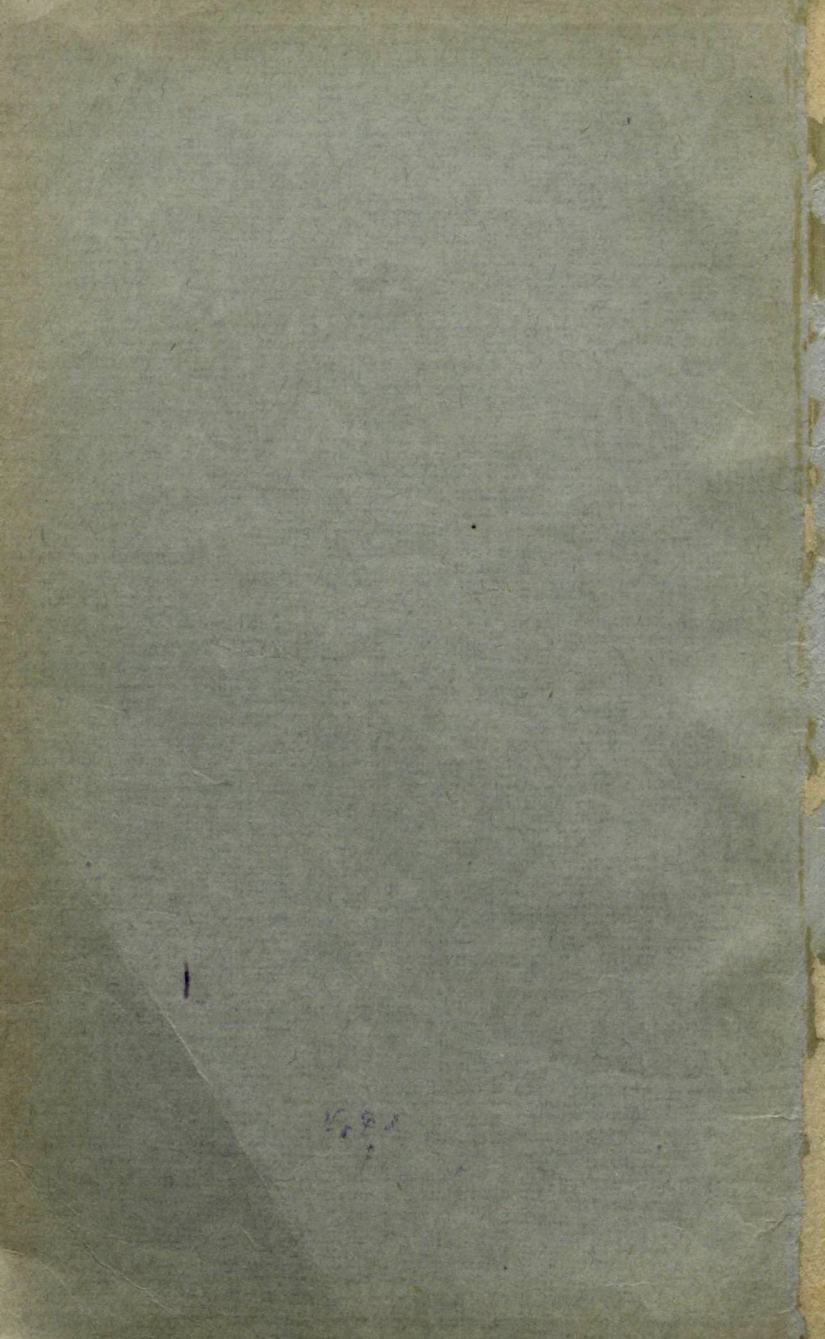

Звезда Востока

4-6
3

3 4
1961

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМИЛЕТКА В ДЕЙСТВИИ

Д. Протопопов. Ирригация — ключ к успеху	3
Гафур Гулям. Так Ленин советскую юность нарекал... <i>Стихи</i> . Перевел с узбекского Вяч. Костыря.	11
Шухрат. Человечнейший. <i>Поэма</i> . Авторизованный перевод с узбекского Вяч. Костыря.	12
Хамид Гулям. Рассказы о Кубе. Перевел с узбекского А. Рахими.	18
Шамиль Алядин. Если любишь... <i>Роман</i> . Продолжение. Авторизованный перевод с татарского А. Одицова.	42
Андрей Иванов. Новые стихи	85
А. Воронцов. В осеннюю пору. <i>Рассказ</i> .	90

ПУБЛИЦИСТИКА

Евг. Блок. Африка расправляет плечи	98
О. Авербух. Лицом к будущему	107

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Г. Михалевич. В. И. Ленин в персидской поэзии	117
---	-----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Л. Гершберг. Индия и Ленин.	124
М. Салье. Русские писатели о переводе	126
В. Непомнин, кандидат исторических наук. Значительный труд о происхождении узбекской социалистической нации	130

ИСКУССТВО

Х. Абдуллаев. Узбекский народный театр кизикчи	134
--	-----

САТИРА И ЮМОР

Акмаль Пулат. Трутни. Перевел с узбекского Мих. Пругер.	145
Л. Белов. Живые козыри. <i>Рассказ потерпевшей</i> .	146
Николай Субботин. Короткие басни.	148
Самир Абдукаххар. Две встречи. Перевел с узбекского Мих. Пругер.	149
Мих. Мелкумов. Из записной книжки	150
А. Солдина. Читательская рецензия. Не всем прощается... Приятное заблуждение. Почти по примеру Феникса	151
М. Ушаков. Самоуверенный автор. «Старатель-новатор». Терпеливая натура	152
Дмитрий Крятов. Радикальное средство	152

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Вл. Богатырев. Новое о Закирджане Фуркате	153
А. Любарский. Голоса друзей	154
Новые книги	158

Редактор А. А. УДАЛОВ.

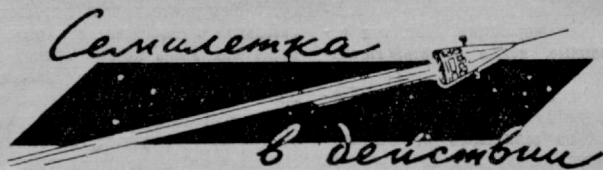
Редколлегия: С. П. БОРОДИН, Г. П. ВЛАДИМИРОВ, А. М. ИВАНОВ,
В. А. КОСТЫРЯ, Р. ФАЙЗИ, М. И. ШЕВЕРДИН.

Рукописи объемом менее печатного листа не возвращаются.

Адрес редакции «Звезда Востока»: Ташкент, Первомайская, 20. Телефон 32689.

Сдано в набор 25/II 1961 г. Подписано к печати 4/IV 1961 г.
Бумага 70×108^{1/16}. Физич. печ. л. 10,0. Условных печ. л. 13,7. Уч. изд. л. 15,58.
Тираж 3200. P06911. Изд. № Б-2364. Заказ № 331. Цена 50 коп.

Ташкент, Типография Объединенного издательства «Қизил Ўзбекистон»,
«Правда Востока» и «Ўзбекистони Сурх».

Д. ПРОТОПОПОВ

ИРРИГАЦИЯ — КЛЮЧ К УСПЕХУ

«На наш взгляд, самым надежным средством получения гарантированных урожаев, пока мы еще не научились управлять погодой, является ирригация — орошение и обводнение миллионов гектаров земель».

Н. С. Хрущев

Благодатная Фергана... Золотая долина... Край цветущих садов... Житница белого золота... Солнечная республика...

Эти и многие другие слова, которые мы ежедневно читаем в газетах и слышим по радио, выражают собой огромные преобразования, совершившиеся за годы Советской власти в сельском хозяйстве Узбекистана. В основе этих преобразований лежит начатое уже на седьмом месяце после Октябрьской революции по инициативе и указанию В. И. Ленина орошение новых земель.

В двадцатых годах это были Дальверзинские и Баяутские совхозы на берегах Сырдарьи, южнее Беговата. В конце тридцатых годов появились Большой, Северный и Южный ферганские каналы, Каттакурганское водохранилище, канал имени Ленина в Каракалпакии и другие ирригационные сооружения, возведенные методом народной стройки.

В итоге орошаемые площади в Узбекистане, по сравнению с 1913—17 годами, возросли на две трети. Много ли это? Да, конечно, много! Ведь не только новые земли орошены. Ликвидировано маловодье на сотнях тысяч гектаров. И в этом одна из главных причин того, что повысилась урожайность и хлопчатника и всех других культур. Хлопка Узбекистан производит сейчас во много раз больше, чем до революции.

Но, с другой стороны, это мало. Почему? Да взгляните на карту Узбекистана! Орошаемые угодья тянутся то широкими, то узкими полосками зелени лишь вдоль голубых артерий рек и каналов. Вокруг них — степи, пустыни, горы. Загляните в справочники и вы узнаете, что орошаемое земледелие занимает в Узбекистане всего около восьми с половиной процентов его территории.

Однако, быть может, исчерпаны водные

ресурсы рек и это препятствует дальнейшему развитию ирригации? Нет, эти ресурсы огромные, можно сказать, гигантские!

Вот почему, говоря на январском пленуме ЦК КПСС о развитии орошаемого земледелия, не зависящего от капризов погоды, которой люди еще не научились управлять, Никита Сергеевич Хрущев называл в первую очередь районы Средней Азии, где в ирригации накоплен ценнейший многовековой опыт, сила которого сейчас удваивается и утраивается достижениями советской науки и техники.

Еще в конце 1947 года, вскоре после пуска Фархадской ГЭС, мне пришлось побывать на строительстве Баяутского канала — ныне первого головного участка Южного Голодностепского. Там я впервые увидел, как работает современный электрический многоковшовый экскаватор. Его «работоспособность» меня просто поразила. С одной стороны у него был опущен вниз хобот с бесконечной лентой острых ковшей, а на противоположной — поднята многометровая стрела транспортера, сбрасывающего в отвал землю. Все его механизмы приводили в движение несколько десятков разнообразных электромоторов. И всей этой машиной величиной с трехэтажный дом управляли три человека. Со стороны «хобота», по линии его наклона, со скоростью одного метра в две минуты образовывалось русло канала глубиной в пять и шириной в двадцать метров, а под стрелой транспортера с такой же скоростью вырастала ровная насыпь вынутаго грунта. Экскаватор заменял собой около полутонна тысяч землекопов. За какие-нибудь три-четыре месяца эта машина сделала четырнадцать с половиной километров готового канала. А этот канал перевел на самотечное орошение все Баяутские совхозы, и на его берегах вырос новый чудесный, лучший в Голодной степи уголок. Сейчас там пять совхозов и два крупных колхоза возделывают более сорока тысяч гектаров вновь орошенной целины. Этот уголок защищен от суховея широкой лесной полосой, в нем зеленеют рощи, сады, виноградники, крупные массивы хлопковых плантаций, люцерновых лугов и кукурузных полей. А среди них манят к себе уютом благоустроенные поселки, сверкающие по ночам яркими ожерельями электрических огней.

Таков этот уголок сейчас. Но в год

пуска Баяутского канала там были лишь небольшие посеы ячменя и джугары, а около них вдоль первых арыков ютились землянки да камышовые шалаши, где жили первые освоители целины, спустившиеся в степь с предгорий Туркестанского хребта. На освоение, на строительство потребовалось около десяти лет.

Обо всем этом я вспомнил, когда ехал недавно по новой ровной и прямой, отлично гудронированной дороге на запад от города Янгьера в глубь Голодной степи. Еще лет пять тому назад в описанный мною уголок Голодной степи приходилось ездить по целине или по разбитому грейдеру. А здесь пока еще не засеяно ни одного гектара орошаемой земли, но уже есть прекрасная дорога!

В «Котловане», как до сих пор называют местность, орошенную Баяутским каналом, много лет стояли глиняные мазанки, освещавшиеся керосиновыми лампами, хотя Фархадская ГЭС была рядом; а вдоль гудронированной дороги, по которой я ехал, возвышались добротные кирпичные дома, тянулась на ажурных мачтах линия высоковольтной электропередачи.

В районе «Котлована» мне приходилось много лет подряд наблюдать, как упорно трудились вручную люди, чтобы содержать в порядке распределительные каналы и арыки. Здесь же, где я теперь ехал, оросительная сеть прокладывалась или в виде железобетонных лотков, покоящихся на таких же основаниях, или под землей в виде асбоцементных труб, а для выхода воды на поверхность устанавливались гидранты, казавшиеся зоркими стражами орошаемой целины.

Все это было именно тем **комплексным, индустриальным** освоением орошаемых земель, о котором говорил мне в Янгьере главный инженер Главголдностепстроя Евгений Иванович Озерский.

— Ведь прежде, — рассказывал Евгений Иванович, — ирригационное строительство заключалось только в сооружении магистральных каналов и основных отводов от них. Все остальное возлагалось на тех, кто получал новые земли для эксплуатации. Поэтому настоящее полное освоение орошаемой целины растягивалось на долгие годы. У нас же в Голодной степи это исключено, так как со-

оружаются не только каналы, но вся сеть, по которой пойдет вода на поля, строятся жилья, культурно-бытовые учреждения, производственные помещения, словом, весь комплекс того, что необходимо тем, кто будет обрабатывать орошенную землю и собирать с нее урожай.

Евгений Иванович перечислил действующие предприятия Главголодностепстроя, обеспечивающие индустриальные способы строительства на новой земле: заводы железобетонных изделий, завод силикатных блоков для возведения жилых домов, деревообделочные мастерские, ремонтно-механические заводы, экскаваторные и автотранспортные базы и многое другое.

Он обратил внимание на то, что именно индустриальная основа позволяет строить прочно, быстро и сравнительно недорого.

— И главное, — сказал он, — ручной труд у нас совершенно отсутствует! Возьмите наш главный объект — Южный Голодностепский канал. Это целая степная река, протянувшаяся уже на 93 километра. Понесет она в Голодную степь 300 кубометров воды в секунду — вдвое больше, чем несет сейчас Каракумский канал в Туркмении. При его сооружении вынута 19 миллионов кубометров земли. И ни одного метра вручную, все машинами, механизмами. Сделал эту работу коллектив экскаваторщиков и бульдозеристов численностью немногим более ста человек за какие-нибудь три года. А на строительстве Фархадской ГЭС для выполнения такого же объема земляных работ потребовалась целая армия землекопов в 25 тысяч человек, работавшая примерно тот же срок!

Огромная сила комплексного индустриального метода строительства в Голодной степи вставала передо мной и на самом канале, где еще работали шагающие электрические экскаваторы, заканчивая мелкие недоделки на водовыпусках, и в самом городе Янгиере, уже почти сомкнувшим свои новые улицы с поселком станции Урсатьевская, и в усадьбах строящихся совхозов, где рядами возвышались двухэтажные жилые дома, добротные помещения мастерских, гаражей.

Совхоз номер шесть, куда лежал мой путь, произвел на меня большое впечатление. Казалось, что люди живут и работают здесь по меньшей мере года два —

так было все здесь прочно, хозяйственно. А на самом деле первые освоители целины появились здесь всего месяцев шесть тому назад. Но я несколько забежал вперед. Начну по порядку.

Первая весточка о Шестом совхозе появилась на большой Янгиерской дороге. Это была аккуратная черно-белая табличка, прикрепленная к бетонному столбу. На ней была стрелка и надпись «Совхоз № 6 — 8 км.».

Не доезжая до этой развилки, я остановился. Хотелось посмотреть спокойно на необъятные просторы уже вспаханной целины. Вдали рокотал трактор, и казалось, что тянет он за собой не плуг, а культиватор. Я представил себе это поле месяцев через шесть-семь, когда его покроет изумрудный ковер хлопчатника. Вот она зеленая улица для хлопка, о которой говорил Н. С. Хрущев на январском Пленуме ЦК КПСС! Широка и просторна она здесь, в Голодной степи! Только в Узбекистане она займет скоро на голодностепских землях шестьсот пятьдесят тысяч гектаров!

Мое раздумье прервал оклик. С пашни на дорогу вышел человек в спецовке. Он спрашивал, куда я еду и не подвезу ли я его в Шестой совхоз. Я с готовностью согласился. Познакомились. Он оказался трактористом, сдавшим смену на пашоте.

— Назар Каримов, — сказал он. — Приехал из Джизакского района вместе с семьей — отцом, матерью, братом. Сразу по приезде получил квартиру. Отец — Карим — работает сторожем, а брат — Мураткасым, как и я, трактористом.

— Ну и как, надолго? — спрашиваю.

— Да навсегда, — отвечает. — Здесь не просто хорошо, а здорово. Совхоз еще только готовится к первому севу, а сколько в нем уже людей, какие постройки, и повсюду успели уже посадить деревья!

Назар показал на дорогу, уходившую к совхозу. За нее кюветами, с обеих сторон, в четыре ряда были высажены двух-трехлетние деревца.

— В нашем совхозе, — продолжал Назар, — не только жилья хорошее есть, но и школа, и клуб, и столовая, и магазины. Всюду электричество. И, главное, где в другом месте столько

земли сразу орошают и пахут! Жизнь идет большая, щедрая!

Рассказ Назара как бы продолжил директор совхоза Улугбек Юсупов, которого я застал в «конторе». Это была небольшая комната в нижнем этаже клубного здания, где разместилась также управление строительного участка, сооружающего совхозные постройки. Улугбек Юсупов — молодой энергичный агроном с высшим образованием. Приехал сюда, как и многие другие работники совхоза, не по назначению, а по доброй воле. В присутствии только что принятых на работу и сидевших тут же на чемаданах механизаторов он рассказывал:

— У нас, — говорил он, — всего будет орошено 11 тысяч гектаров. В этом году засеем хлопчатником больше половины этой площади. Так что по размерам посевов хлопчатника наше хозяйство будет уже в первый год своего существования побольше самого крупного в стране хлопкового совхоза Пахтаарал. Механизация возделывания и уборки хлопка будет высокая. Уже в текущем году каждый рабочий совхоза должен произвести не менее как по 15 тонн сырья. Основа намечаемой высокой производительности труда — зеленые квадраты, механические способы орошения и машинная уборка урожая с бестарной его перевозкой. Народ, как видите, прибывает, технику получаем. Уверены, что по экономическим показателям оставим позади передовые совхозы республики. Да, после январского Пленума ЦК партии на хлопковой целине иначе работать и нельзя! Нам дают все, что нужно, и молодой коллектив входит в работу на полную силу. Правда, вот строители ирригационных сетей — лотков и подземных водоводов — несколько запаздывают, но мы «наступаем им на пятки» и они подтягиваются.

Это подтвердил находившийся тут же секретарь партийной организации главный агроном совхоза Иван Вуколович Тодоров.

— В нашем совхозе, — заговорил он быстро, жестикулируя руками, — механизация будет и на земле, и под землей, и в воздухе! Вносить удобрения, бороться с сельскохозяйственными вредителями готовимся с помощью самолетов, заводим собственную авиацию. А поливы полей в дальнейшем будут и ав-

томатизированы: поливальщиков не требуется!..

Дальше разговор пошел о производственном профиле совхоза. Я поинтересовался: что, кроме хлопка, намечается выращивать здесь.

— Помимо хлопка, — ответил Иван Вуколович, — совхоз будет производить шелковичные коконы. Мы не только обсаживаем тутовником все оросители, но и отдельные тутовые рощи закладываем. Несмотря на то, что недалеко от нас организуется специальный овощной и плодоягодный совхоз, у нас и овощи, и бахчи, и фруктовые сады, и виноградники значительные площади займут. Уже в этом году овощеводством займемся.

— А с животноводством как?

— Какое же хозяйство без животноводства! — воскликнул Тодоров. — Молочное животноводство будет обязательно. Нынешней весной засею кукурузой около шестисот гектаров, потому что осенью к нам начнут прибывать породистые телочки.

— В общем совхоз наш, — подытожил Иван Вуколович, — будет вполне современным, передовым, высокомеханизированным предприятием по производству хлопка, молока, овощей, фруктов, шелковичных коконов и другой сельскохозяйственной продукции. Комбинат целый!

Иван Вуколович с увлечением рисовал захватывающие по своим масштабам картины производственной деятельности совхоза в недалеком будущем. В совхоз от проложенного неподалеку трубопровода Бухара—Ташкент придет природный газ. Здесь будет тепличное хозяйство и, быть может, консервный завод. Совхозный поселок превратится в прекрасный агрогород, по удобствам быта и по культуре не уступающий лучшим районам узбекской столицы. И все это — дело ближайших трех-четырёх, самое большее пяти лет...

Таков Шестой совхоз — один из первых трех, что готовится к своей первой весне на новых землях Голодной степи. Всем им предстоит нелегкая задача — освоить ныне двадцать пять тысяч гектаров орошенной целины. А к концу семилетки освоители голодностепской целины должны поставить на службу на-

роду, стране не менее двухсот тысяч гектаров вновь орошенных плодородных земель. В недалеком же будущем эта площадь расширится более чем в три раза. Голодная степь зацветет и в прямом и в переносном смысле этого слова. По урожаем хлопка она станет равной Ферганской долине. И, конечно, к тому времени народ станет звать ее уже по-иному.

* * *

Большую воду сейчас ожидают не только земли Голодной степи. Ее ожидают в Центральной Фергане и в долине Зеравшана, в степях под Бухарой и за перевалами Гиссарских гор на юге Узбекистана. Этой водой оживляют сейчас пустыни в Туркмени, о ней говорят, зная, что она придет обязательно, в Таджикистане, в Южной Киргизии и в Южном Казахстане. Перспективы, планы орошения новых земель в республиках Средней Азии нынче открываются захватывающие, поистине грандиозные. Проектов много, они крупные. И что характерно, решают они проблемы орошения не с точки зрения интересов отдельных республик, а в большом общегосударственном масштабе, имея перед собой задачи общенародные.

Вот это и привело меня в Ташкентский государственный проектно-исследовательский институт «Средазгипроводхлопок», к его главному инженеру, одному из старейших и опытейших ирригаторов нашей страны Иосифу Дмитриевичу Лебедеву. Это скромный и даже немного застенчивый человек. Один из его замечательных трудов — проект знаменитого Большого Ферганского канала — канала, заставившего обновиться, помолодеть всю древнюю культуру орошаемого земледелия Ферганской долины от киргизского Нарына до таджикского Ленинабада.

Спокойно, не спеша, иногда задумываясь, Иосиф Дмитриевич вел свой рассказ у хорошо знакомой карты республики Средней Азии.

— Начать следует, конечно, с Голодной степи, — сказал Лебедев, беря в руку карандаш в качестве указки. — Потому что на сегодня это основной и самый крупный объект ирригационного строительства и освоения орошаемых зе-

мель. В перспективе — это прирост орошаемых площадей до одного миллиона гектаров, две трети из которых принадлежат Узбекистану, а одна треть — Казахстану и Таджикистану. Разумеется, для того, чтобы оросить этот миллион гектаров, Южный Голодноостепский канал, первая очередь которого уже построена, будет недостаточно как с точки зрения его пропускной способности, так и в смысле его командования над окружающей местностью. Для этого необходимо построить ряд новых ирригационных сооружений. В частности, два таких уже почти построены. Это — машинные каналы № 1 и № 2, берущие воду так же, как и Южный Голодноостепский канал, из напорного бассейна Фархадской ГЭС. Разница только в том, что Южный Голодноостепский канал идет из бассейна самотеком, а в машинные каналы вода подается насосными станциями.

Но эти два канала по своей мощности небольшие. Более мощными будут Джизакский и Фаршский. Каждый из них будет обладать способностью оросить 200 тысяч гектаров. Однако для того, чтобы в этих каналах была вода в сезон орошения, необходимо зарегулировать сток Сырдарьи. Воду, сбрасываемую этой рекой в период паводков в Аральское море, надо задерживать, накапливать в искусственных бассейнах. Водохранилища Фархадской и Кайраккумской гидроэлектростанций частично выполняют эту задачу, но недостаточно. Поэтому сейчас на Сырдарье и предпринято строительство Чардаринского водохранилища. Это — вот здесь, где река делает поворот на север. Водохранилище крупное, его емкость 5 миллиардов кубометров. И все же это не удовлетворит возросшие требования орошаемого земледелия. Поэтому вместимость Чардаринского водохранилища намечается увеличить примерно раза в три.

Однако и увеличенная Чардаринская плотина не решает полностью задачи регулирования стока Сырдарьи. В связи с этим предполагается соорудить еще одно такое же крупное водохранилище — вот здесь, в верховьях бассейна Сырдарьи, на реке Нарын, у подножья Сусамырского горного хребта в Южной Киргизии. При водохранилище намечено построить гидроэлектростанцию большой мощности. Это водохранилище проектировщики назы-

ваши прежде Кетменьтюбинским, а теперь оно именуется Карасуйским.

Так вот, эти два водохранилища — Чардаринское и Карасуйское, способные накапливать свыше 30 миллиардов кубометров сьрдаринской воды, и станут основой дальнейшего развития орошаемого земледелия в бассейне этой великой среднеазиатской реки и, прежде всего, в Голодной степи и в прилегающих к ней районах, в частности в Кызылкумах на территории Южного Казахстана. А мощная гидроэлектростанция при Карасуйском водохранилище даст в избытке электроэнергию, необходимую как для строительства, так и для подъема воды на те земли, которые находятся выше уровня воды в реке.

Ко всему этому следует добавить, что оба водохранилища позволят еще оросить около города Кызыл-Орда до ста тысяч гектаров рисовых посевов. Наш институт разработал также проект Казалинского плотинного гидроузла, который даст возможность развить рисосеяние в самых низовьях Сырдарьи.

Склонявшийся над картой Иосиф Дмитриевич выпрямился.

— Вот, собственно говоря, — заключил он, — и вся наша основная схема использования водных ресурсов Сырдарьи, если не считать Чирчик-Ангренского бассейна, где имеется в виду построить Чарвакское водохранилище емкостью до полутора миллиардов кубометров и на этой базе оросить в Узбекистане и Казахстане еще до 150 тысяч гектаров новой земли. Прибавьте к этому еще такую же площадь, которая сейчас орошается и осваивается в Центральной Фергане, — и тогда по бассейну Сырдарьи будет все.

Слушая Иосифа Дмитриевича, я все время внимательно смотрел на карту. Рядом с извилистой лентой Сырдарьи там пролегла, рассекая сперва горы, а потом пустыни, Амударья — многоводная «Река человечества». Я смотрел на ее очертания, припоминал, где и что она орошает, и пришел к выводу, что свое название в нашу эпоху она уже не оправдывает. Небольшие оазисы у Керков, у Халача, около Чарджоу, русло молодого Каракумского канала, потом Хорезм, Ташауз, Каракалпакия, ну и плюс еще Вахшская долина в Таджикистане. И это — все! Для такой могучей реки, если поставить рядом площади, орошенные Сырдарьей, — это мало.

Я высказал эти соображения Иосифу Дмитриевичу. Он согласился.

— Вот наша вторая задача и заключается сейчас в том, чтобы шире и больше использовать воды Амударьи, — сказал он и возобновил свой рассказ.

— Прежде всего я остановлюсь на том, что уже практически делается в этом направлении. Начну с верхней части бассейна. У Термеза, на советско-афганской границе, в Аму впадает Сурхандарья. В период паводков это довольно многоводная река. А на правом ее берегу лежит, томясь от зноя и безводья, Ширабадская степь. Она пользовалась вниманием еще в дореволюционное время. Ее хотели оросить, но проект не осуществился. Сейчас эта проблема успешно разрешается. В Шурчинском районе на Сурхандарье возводится плотина, которая впоследствии образует Южносурханское водохранилище. Вот из него и будет орошаться Ширабадская степь. Но чтобы привести туда воду, нужно пересечь Хаудагскую возвышенность. В целях экономии средств, сокращения объема земляных работ, магистральный канал от водохранилища пройдет через эту возвышенность по туннелю длиной в пять с половиной километров. Всего здесь будет орошено 115 тысяч гектаров целины. На них намечено высевать и выращивать хлопчатник ценных тонковолокнистых сортов.

Иосиф Дмитриевич повел карандаш вниз по течению Амударьи и остановил его чуть подальше от того места, где река перестает быть границей между Афганистаном и Советским Союзом. Я прочел на левобережье: «Кызялак», «Келифский Узбой».

— Вот отсюда сейчас начинается русло строящегося Каракумского канала, — продолжал Лебедев. — Пока забор воды в канал производится без каких-либо сооружений, но скоро здесь встанет инженерный гидроузел. Как известно, Каракумский канал уже доведен в Туркмении до реки Теджен и общая его протяженность составляет около 550 километров. Канал будет продолжен до туркменской столицы — Ашхабада. В перспективе же Каракумский канал намечается вывести на Мессарианское плато. Это — берег Каспийского моря.

Иосиф Дмитриевич оторвал карандаш от голубой полоски реки и перенес его к

Сталинабаду, к тому месту, где Вахш вырывается из гор на широкую долину.

— Вот здесь, — сказал он, — начато строительство знаменитой Нурекской ГЭС. Я упоминаю ее потому, что она будет производить очень дешевую электроэнергию, а эта энергия является ключом к широкому использованию вод Амударьи на орошение. Я имею в виду мощные электронасосные станции, поднимающие воду туда, куда она не может идти самотеком.

Иосиф Дмитриевич вновь перенес свою указку на среднее течение Амударьи.

— Смотрите, какие здесь просторы, — воскликнул он, очертив дугу по правому берегу реки от Чарджоу на Бухару и к Гиссарским горам. Это — Каршинская степь — около миллиона гектаров. Она-то и нуждается для своего орошения в энергии Нурекской ГЭС. Наш институт уже закончил технико-экономический доклад по орошению и освоению этого крупнейшего в Узбекистане целинного массива. Предлагаются две схемы орошения Каршинской степи. Первая — Аму-Бухарский канал с забором воды от Келифского плотинного гидроузла; вторая — машинные каналы с забором воды из Амударьи насосными станциями. Какая из этих схем будет принята, еще не решено, но обе они требуют и для строительства и, главным образом, для эксплуатации большое количество электроэнергии, которую даст Нурекская ГЭС.

Орошение Каршинской степи водой из Амударьи одновременно решает вопрос нового развития орошаемого земледелия в долине Зеравшана. Дело в том, что если амударьинская вода придет в Каршинскую степь, то ее будет очень легко и выгодно перебросить в нижнюю часть бассейна Зеравшана, расположенную в Бухарской области. Освободившейся же водой Зеравшана можно оросить дополнительно несколько сот тысяч гектаров в верхней и средней части этой реки. Решить проблему орошения Каршинской степи и расширить орошение в долине Зеравшана — значит получать ежегодно дополнительно 1,5—1,7 миллиона тонн хлопка и много другой продукции от тех отраслей сель-

ского хозяйства, которые неизменно сопутствуют хлопководству.

— В связи с Амударьинским бассейном, — продолжал Лебедев, — выдвигается сейчас еще одна крупная ирригационная проблема. Это низовья реки. Там предполагается развить орошение на узбекской и туркменской территориях на площади свыше миллиона гектаров. Земли как по своему качеству, так и по водообеспеченности очень перспективны и для хлопководства, и для рисоводства. Только в пределах Хорезмской области и Каракалпакской республики можно будет получать дополнительно свыше миллиона тонн хлопка и два с половиной миллиона тонн риса.

Для этого на Амударье намечается соорудить два плотинных гидроузла, — Иосиф Дмитриевич показал на излучины реки, — Туямуюнский и Тахиаташский. Проект последнего в институте уже разрабатывается.

Наше «путешествие» по двум величайшим рекам Средней Азии, я чувствовал, подошло к концу, и я попросил Иосифа Дмитриевича подвести итог тому, что может дать большая вода из этих голубых артерий. Лебедев ответил:

— По Узбекистану около трех миллионов гектаров; по Южному Казахстану, только в бассейне Сырдарьи, — до трехсот тысяч гектаров; по Туркмении — до полумиллиона гектаров. А всего — почти четыре миллиона гектаров вновь орошенных земель. Для Узбекской республики это означает расширение орошаемого земледелия по меньшей мере в два раза. Возникает реальная возможность увеличить во столько же раз производство хлопка и других продуктов сельского хозяйства.

— Но для успешного осуществления всех этих проектов, — подчеркнул Лебедев, — необходимо создать колоссальные производственные базы — заводы, домостроительные комбинаты, проложить хорошие дороги. Все строительство должно вестись комплексно, индустриальными ме-

тодами, принципиально так, как оно ведется сейчас в Голодной степи. Только тогда от орошения новых земель можно будет в короткий срок получить отдачу, то есть продукцию сельского хозяйства.

И вновь Иосиф Дмитриевич упомянул, как о важнейшем условии, о дешевой электроэнергии, которую дадут в первую очередь Нурекская ГЭС в Таджикистане, а впоследствии Карасуйская в Киргизии.

— В этой связи, — добавил Лебедев, — хочется обратить внимание на то, что залогом успешного осуществления всех этих проектов является братское содружество народов советских республик Средней Азии, объединенных общими задачами и

целями в развитии сельскохозяйственного производства, в создании изобилия продуктов земледелия и животноводства.

Уже прощаясь, я спросил Иосифа Дмитриевича о сроках.

— До сих пор, — ответил он, — все это укладывалось у нас лет в 25—30. Но январский Пленум ЦК КПСС принял по развитию орошаемого земледелия такое постановление, что сроки эти, по-видимому, сильно сократятся. Природа Среднеазиатских республик богата и теплом, и солнцем, и водой, и плодородными землями. Все эти богатства надо поскорее заставить служить советскому народу.

Так Ленин
советскую юность
нарек...

Какое бы дело ни начала Партия,
Повсюду помощник ее Комсомол.
На стройку сзывая, в набат лишь ударьте,
И первым примчится на зов Комсомол.

В делах наших — Партии мудрость в основе.
Бойцом рядовым — Комсомол, смел и строг.
Грядущего зори живут в этом слове,
Так Ленин советскую юность нарек.

Вот парень в спецовке... На «Ташсельмаше»
Машину для хлопка-сырца мастерит...
Другой — восседая на тракторе, пашет...
А третий — с каналом на «ты» говорит...

Четвертый — стремится мечтой вдохновенной
В межзвездные дали, в маящийся зенит...
И тот, кто на Марс полетит, непременно
Билет комсомольский у сердца хранит!

Известно, у полюса льды, непогода,
И долгая ночь, и ветров произвол.
В команде же «Ленина», атомохода,—
Не знающий страха в борьбе Комсомол.

А наш МГУ! Над ним словно зарево —
Так парней и девушек пылки сердца.
Юнцы — как цветы. Молодежный розарий
Горстями шлет звезды-цветы без конца!

Люблю! Мне о вас не писать — невозможно.
Ревную!.. Без шутки мне тоже нельзя.
От сердца желаю цвести молодежи,
И счастье мое — ваше счастье, друзья!

Идет Комсомол на дела боевые.
Вперед, к Коммунизму! — то Партии клич.
На вас поглядев, как на нас в дни былые,
Я знаю, порадовался бы Ильич.

Человекнейший

Поэма

Нева!..
 Седа, крута, вольна,
 В века устремлена
 Волна..
 Ты кровью тех обаяна,
 Кому обязана страна
 Историей своей
 Сподна!..
 «Авроры» славный залп гремит
 В тебе, державная стихия,
 Когда ты бьешься о гранит,
 Вздыхая волн витки тугие.
 Ильич беседовал с тобой,
 Твой нрав испытывая целью:
 Для Революции самой
 Быть богатырской колыбелью.
 Не верится, что здесь вот я
 Иду вдоль берега, счастливый..
 Живут здесь братья и друзья,
 Деянья их неисчислимы.
 Один — учёный, знаменит
 Открытий дерзких урожаем.
 Другой — поэт, строка звенит,
 Жемчужным блеском поражая.
 Будь токарь это, будь артист,
 Боец, свершивший подвиг, — тема.
 Здесь в каждом — только приглядишься! —
 Живет о Ленине поэма,
 Вот друг мой, Шубин.. Как-то раз,
 На лад лирический настроясь,
 О молодости без прикрас
 Повел бесхитростную повесть:
 — Ох, было!.. На беде беда
 Сидит, бедою погоняя..
 Винтовка на плече всегда —
 Мозоли нажил от ремня я..
 Бывало, поглядишь — туман,
 Порой просвета я не видел,

Что ни деревня — атаман
И что ни город — свой правитель.
И юг, и север польхал,
Повсюду насмерть шло сраженье,
Все яростней борьбы накал,
У горла враг, мы — в окруженье..
Дрались отважные сыны
России новой — юной, нашей,
Им знамя алое страны
Ценнее жизни, солнца краше!..
Осьмушка хлеба — весь паек,
В боях одежда поистлела,
Но победить их враг не мог:
Их дело — праведное дело.
Пусть враг — то в двери, то в окно —
Пусть лезет злобная Антанта,
Пусть голод, холод — все равно,
Исход один для оккупанта!
Сгущались вражки тучи зря,
Все ближе, ближе час рассветный,
Свободы ясная заря
Звала на подвиг беззаветный.
Я ж был... Ну... Искра из огня!..
Всех впереди, охоч до драки.
Ох, стегануло же меня!..
И, как назло, в разгар атаки...
Упал, ни жив, ни мертв лежу,
Тельняшка обагрилась кровью.
Ну, положеньице, скажу!..
Смерть, словно страж, у изголовья.
Не час, не два — десяток лет
Как будто проболел в постели.
Сожму кулак, а силы нет,
Винтовка — пудом, в самом деле...
Врач прикусил губу... Вот так...
Что ж, видно, время закругляться...
Сказал, вздохнув: «Крепись, моряк!..
Придется, братец, повалиться...
В Москву поедешь, — говорит, —
Скорей к хорошим докторам бы...»
А рана все сильнее горит,
И я решил по-флотски: «Амба...»
Прошла неделя, месяц, два...
И осень... Все бинты и вата,
Военный госпиталь. Москва.
Лекарства. Белая палата.
Вопрос решался: жить — не жить?
И днем, и ночью боль тупая.
Смерть неотступно сторожит,
А молодость, знай, наступает...
И надо же! Как раз в те дни
Мне из дому письмо прислали,
В нем не слова — огни, огни,
Что сердце заживо сжигали.
Как будто в полымя попал!..
К болезни, значит, приложенье.
И ел — не, ел, и спал — не спал,

В груди не сердце — жженье, жженье!..
И, словно бьют в колокола
Над самым ухом — гуд стозвонный..
Глаза мне мгла заволочла..
Но, в руки взяв себя, со стоном
Я приподнялся, взял письмо,
Ища хоть искорку надежды.
А в нем-то: «...Хоть иди с сумой..
С тобой бы повидаться прежде..
Уж ты, сынок, поторопись,
А то ведь, знаешь, час неровен..
Коль сможешь — приезжай, простишь,
Коль нет — будь счастлив, будь
здоровым..
Уж бабушка совсем слегла.
Ни встать, ни сесть от голодухи.
А матушка — белым-бела,
Чуть ходит.. С посохом старухи..
Опухли — где уж им играть! —
Два шалуна, два младших братца..
Невмоготу перо держать,
Прости, отписываю вкратце..
Когда-то будет урожай!
Сегодня так... А завтра что же?!
Сынок, не мешкай, приезжай,
Лишь на тебя у нас надежда!»
Нутро пылает, впору взвыть.
Наслала горя мне судьбина!
Ну, что тут делать? Как тут быть?
Не жди пощады все едино..
И показался в этот миг
Мне белый свет клетушкой малой.
И злость такая обуяла
К врагам, что... ну... Эх, черт возьми!
Народу б не пришлось терпеть
Мук столько, если бы не лезли!
Везде разруха, кровь и смерть..
Они ж все прут ордой железной!
И в правом гневѣ кулаки
Сжимались... Только нет в них силы!..
Твердели камнем желваки.
В деревню мысли уносились.
Чем им помочь? Нет ни гроша.
Тельняшка, клеш и бескозырка.
Горит матросская душа..
Бинты... А под бинтами — дырка!..
Несладко было, что скрывать..
Головушку, как волны камень,
Пошла беда полировать..
Хватайся с горя-то руками!
Но!.. Не спеши идти на дно,
Коль знаешь толк в мечте высокой.
Устроен человек чудно:
Лишь поддержи — вспарит, как сокол.
Уж так! Удел мой был тяжел,
Но все ж настало просветленье.
Однажды в госпиталь пришел...

Кто, думаешь?.. Товарищ Ленин!
Вот, соблюдая тишину,
Идет на цыпочках вдоль коек...
Глазам не верим... Ну и ну!..
Ведь занят... Время-то какое...
С ним — Крупская... Конечно, он!
Лежачие — и те привстали.
Тем, кто без рук, ну, тем — поклон,
Нам — осторожно руки жали...
В глазах — сочувствие, тепло,
И бодрое: «Не падать духом!»,
Мол, выдюжим врагам назло,
Прикончим голод и разруху!
Сказал: «Поправки скорой вам!
Здоровье ваше архи-важно,
Ведь вы — страны хозяева!
Вас ждут дела, заводы, пашни».
С надеждой слушая вождя,
Томились мы в плену постельном.
Затем, прощаясь, уходя.
Он с каждым говорил отдельно.
Вот мой черед.. Ну, как сейчас,
Звучит, улыбкою согрето:
«Товарищ, что печалит вас?
Причина?.. Нет ли в ней секрета?..»
Что молвить — не могу постичь...
О доме?.. Как-то прямо слишком...
И тут сосед сказал: «Ильич...
Какой секрет? Прочти письмишко».
«А можно?» Я кивнул. «Так, так», —
Промолвил он, письмо читая,
Черкнул в блокнотике: «моряк».
Заметка самая простая.
Пожал мне руку, мол, крепись,
Всего хорошего, товарищ!
И встала голубая высь
Над мглой и чернотой пожарищ.
И вмиг воспрянула душа,
И отодвинулись печали,
Как будто, крыльями шурша,
Лечу я в солнечные дали...
Уж позади война, нужда,
Готовится деревня к жатве...
Меня согрело навсегда
Тепло его рукопожатья.
Меж тем и месяц промелькнул.
Письмо приходит... Но какое!
Листок тот счастье мне вернул,
А боль — ну, словно снял рукою.
Он каждой строчкой исцелял.
Крылат, стою у перевала!..
И показалось: вся земля
Со мной в тот час возликовала.
Лучами солнца озарен,
Иду счастливейший на свете...
Цветы, цветы со всех сторон —
Весенний праздник на планете!..

Меня Грядущее само
Ведет волшебною дорогой..
А ведь причиной-то — письмо!
Листок лишь, но содержит много..
Я сотни раз его читал,
А почему?— меня спросить бы.
Взгляну — и вдаль ведет мечта,
Раскрою — и в душе: «Спасибо!».
Ты лишь представь: сам военком —
Губернский! — побывал в деревне.
Известно, в кожанке, с клинком,
Он гостем был в избушке древней.
Привез мучицы старикам!
Представь лишь только впечатление,
Когда сказал он: «Это вам
Ильич прислал, товарищ Ленин!»
Как будто сам великий вождь
Зашел в избушку той порою
И молвил голоду: «Не трожь!..
Им — жить, им — Будущее строить!
Они — хозяйева земли,
Их ждут сияющие дали!»
Тогда мне в сердце и вошли
Те мысли, что в письме звучали,
Мечтой душа окрылена!
И — быстро на ноги я поднят.
— А ну, приказывай, страна,
Куда на бой идти сегодня! —
Но мне сказали: «Не спеши,
С такими вот — одно расстройство..
Пока что воздухом дыши,
Два месяца тебе, матросик..
В деревню! Все! Вопросов нет?
Добро!.. А по дороге к дому —
Есть от Калинина пакет —
Заедешь в город, к военкому..»
Заехал, ясно... Передал.
И, что ж ты думаешь, в итоге?
Мне военком: «В такую даль
Пешком?.. Не подвели бы ноги..»
И тут же ослепил меня.
Своей улыбкою зубастой:
«Бери зерно, бери коня
И поезжай, матрос, хозяйствуй!..»
Не сон ли, право?.. Я — в седло,
Куль приторочил и — в дорогу!..
В душе, как и вокруг, светло,
Весна-то подошла к порогу!
Набухли почки, их ротки
Раскрылись чуть, в улыбке нежной..
И трав проклюнулись ростки,
И забелел смельчак-подснежник..
Поля вспарились на холмах..
Гляжу-гляжу и все мне мало!..
Все хорошея на глазах,
Меня земля очаровала!
В деревню въехал сам не свой

От радости большой, нечастой.
К груди прикинув головой,
Мать плакала слезами счастья.
И все поверили в тот час:
Пришло от смерти избавленье!
И только слышно: «Ленин спас...
Родной Ильич... Товарищ Ленин...»
Он спас от нищеты — страну!
Дал все — голодным и раздетым.
...Прокляв разруху и войну,
Я в плуг коня впрягал с рассветом...
И думал-думал об одном,
Взрезая сталью пласт крученный,—
Об Ильиче, о нем, родном,
Его поступком восхищенный:
Средь тыщи неотложных дел —
Дела-то ранга мирового!—
Мое письмишко разглядел...
И тут же делом стало слово!
Отец народа — вот кто он.
Его вовеки не забуду.
В пунцовом отсвете знамен
Я вижу дел и мыслей груды.
Он — человечнейший из всех
Живых и живших на планете!..
Путь Ленина — путь славных вех, —
Вам говорю, юнцы и дети:
Пусть всегда живут с людьми —
Из поколения в поколение —
Свобода, честь, достаток, мир —
Короче, это значит: Ленин!

Авторизованный перевод с узбекского Вяч. Костыри.

Рассказы о Кубе

Делегация Союза писателей СССР в составе русского прозаика С. С. Смирнова, украинского поэта Дмитро Павлычко, специалиста по латиноамериканским литературам Елены Колчиной и автора этих строк посетила Кубинскую республику.

Наше пребывание на Кубе — конец декабря 1960 года и начало января 1961 года — совпало с наиболее тревожными днями для ее народа. Над страной нависла угроза вторжения североамериканского империализма. На защиту своей родины поднялся тогда весь кубинский народ.

Мы проехали по всей стране, знакомясь с жизнью ее провинции, ее городов и сел, беседовали с разными людьми — простыми крестьянами и членами правительства. Прекрасный остров Куба и героический кубинский народ здвоевали наши сердца.

Рассказы, предлагаемые вниманию читателей, лишь часть задуманной автором книги о людях Кубы. Эти рассказы мало чем отличаются от очерков, так как в них ничего не придумано — живые люди, реальные события.

КОМАНДАНТЕ ФИДЕЛЬ

Каждый, кто приезжает на Кубу, прежде всего жаждет увидеть команданте¹ Фиделя Кастро. Естественно, что и мы по дороге на этот легендарный остров желали встречи с вождем героического народа.

Мы поселились в гостинице «Хабана либра» — «Свободная Гавана». До революции она принадлежала крупному богачу, Хилтону, и называлась «Хабана Хилтон». Теперь одна из красивейших гостиниц — достояние народа; здесь обычно останавливаются иностранные гости.

¹ Команданте — высшее воинское звание в революционной армии Кубинской республики.

Последние дни декабря. На Кубе — зима, температура воздуха понизилась и колеблется между плюс двадцать пять — плюс тридцать градусов, временами идут дожди. Кубинцы уже не купаются в море: зима! Но мы купаемся, потому что солнечная кубинская зима жарче московского лета. Купаемся в бассейне с морской водой, расположенном прямо на террасе одного из этажей гостиницы. Потом одеваемся и спускаемся в зал первого этажа.

Огромный зал напоминает потревоженный муравейник. Здесь многочисленные гости, прибывшие для участия в торжествах по случаю второй годовщины кубинской революции. Одни еще только знакомятся друг с другом, другие уже оживленно беседуют. Вот делегация из Китайской Народной Республики во главе с Го Мо-жо; вот чилийский поэт Пабло Неруда; вот американский журналист Жозеф Норт; гаитянский поэт Алексис; общественные деятели из Эквадора и еще множество друзей, знакомых и незнакомых, горячо приветствуют нас — обнимают, жмут руки.

Первый вопрос наш, как и других, только прибывших в Гавану, к тем, кто приехал раньше, — видели ли они Фиделя Кастро и что нужно предпринять, чтобы увидеться с ним?

Алексис — высокий, темнолицый, молодой, оказавшийся к нам поближе, на нетерпеливое: «Каким образом увидеться с команданте?», блеснул веселыми черными глазами и ответил:

— Опоздали! Всего полчаса назад Фидель был здесь.

— Неужели?!

— Да! — улыбнулся Алексис. — Команданте Фидель пришел в сопровождении своего адъютанта. Поднялся в столовую, что на втором этаже. Пока повара жарили ему огромный — с конскую голову! — бифштекс, Фидель успел познакомиться и поговорить с теми, кто хотел с ним познакомиться и поговорить. И всех пригласил к обеду. За столом было шумно — разговаривали, смеялись, шутили...

Из рассказа Алексиса мы сделали соответствующий вывод и на следующий день явились в зал для гостей задолго до обеда. Нам опять не повезло — в тот день он не приехал. Поняв, что и сегодня нам не увидеть Фиделя, мы отправились по своим делам. А наутро звонит наш американский друг — журналист Жозеф Норт — и спрашивает:

— Почему вас не было вчера вечером?

— Где?

— В зале второго этажа.

— А что там было?

Убедившись в том, что мы действительно ничего не знаем, Жозеф сказал:

— Фидель приехал поздно вечером. Иностранные гости, конечно, окружили его. Он повел их на второй этаж. Было не меньше ста пятидесяти человек, сидели прямо на полу, на ковре. Все задавали вопросы; Фидель охотно отвечал. Встреча затянулась почти до утра... Да что говорить! Такую интересную встречу я видел впервые в жизни...

Дважды упустили мы возможность встретиться с Фиделем. Было очень досадно, но надежды мы не теряли. И оказались правы: нам прислали приглашительные билеты на новогодний прием, который устраивало правительство.

Прием устраивался в одной из бывших казарм, расположенной на окраине города. Теперь это здание передано в ведение Министерства просвещения. К слову сказать, почти все военные казармы переоборудованы под школы.

...Неспокоен Мексиканский залив, накатывающий громадные волны на прибрежные дороги Гаваны. Не утихая ни на минуту, рычат и ре-

вут черные волны в белых гребнях. Непокойно на Кубе, по всему побережью пушки и пулеметы. Они молчат, но они готовы заговорить при малейшей опасности.

На крышах домов стоят зенитки, обратившие дула в небо. В ячеях противовоздушной обороны несут службу бдительные бойцы революционной армии. На улице проходящих окружают девушки с автоматами на плечах, одетые в зеленую форму Народной милиции.

— Сеньор,— говорит одна из них,— янки собираются напасть на нас. Раненым понадобится кровь... Много крови. Не дадите ли немного своей крови, сеньор?

И сеньор — если даже он вовсе не сеньор, а мистер, герр, компаньеро, товарищ — направляется в медицинский пункт, расположенный где-нибудь поблизости, за зеркальными стеклами. Отдает кровь...

Вот и конец пути. Перед воротами у нас проверяют приглашительные билеты, осветив их ручным фонариком. Затем люди с мужественными лицами и автоматами на груди, высоко подняв сжатый кулак, пропускают нас, напутствуя:

— Да будет счастливым для вас Новый год, сеньоры!

Площадь ярко освещена. Звучат кубинские народные мелодии. На полотнищах, протянутых в аллеях между раскидистыми липами, слова Фиделя Кастро: «Каждый кубинец должен научиться читать слово «Счастье!»» Все знают, что это значит — каждый кубинец должен стать грамотным.

На площади стоят столы, сервированные для одиннадцати тысяч человек. Столько революционное правительство пригласило на новогодний вечер — десять тысяч учителей и тысячу иностранных гостей. На белоснежных скатертях одиннадцать тысяч кулчков из тонкой бумаги — в них хлеб, колбаса, сыр. Одиннадцать тысяч бутылок, в которых искрится... апельсиновый сок. Одиннадцать тысяч стаканов посеребрили кусочки льда. Одиннадцать тысяч металлических дудочек — обычных детских дудочек, в которые любят дудеть наши мальчишки. И одиннадцать тысяч катушек с цветными лентами серпантина. Озорное веселье охватило поголовно всех. Взрослые люди пили сок, дули в дудочки, опутывали друг друга цветным серпантином, который вскоре переплел всех — знакомых и незнакомых, белых и черных, кубинцев и иностранцев. Символично получилось.

Фиделя не было. Его ждали... Ждали десять тысяч учителей, которые завтра — через несколько часов после приема у команданте — наденут форму Народной милиции и отправятся в горы, в далекие селения, чтобы охранять страну от диверсий и учить народ грамоте. Его ждали бойцы-зенитчики, что стояли на крыше Министерства просвещения, готовые в любой момент отразить вторжение врага с воздуха. Его ждали иностранные делегации, многие из которых пересекли большую половину земного шара, чтобы засвидетельствовать свое восхищение мужеством маленького, но героического народа Кубы.

Фидель Кастро и его соратники появились за столом ровно за час до наступления Нового года. Фиделя мгновенно окружили корреспонденты, фотокорреспонденты и кинооператоры. Команданте Фидель фотографировался с советскими, китайскими, чилийскими, эквадорскими, аргентинскими делегациями, с представителями многих других стран.

Фидель оказался таким, каким мы его представляли по фотографиям: рослый и крепкий, с широкими плечами и высоким лбом, с светлым лицом и черной бородой. В черном берете. И все же не таким: трудно не только представить, но и передать силу его обаяния, его жизнерадостность и неутомимость, его готовность со всеми говорить, со всеми шутить. Ему почти не пришлось сидеть, потому что каждому

хотелось перекинуться с ним словом, он ходил от стола к столу. И там, где он находился, громче звучал смех.

Советской делегации было предоставлено место, что называется, в красном углу, неподалеку от стола президиума. Я сидел, глядя на сцену, где шел концерт негритянских артистов, обмениваясь мнениями с друзьями. Вдруг ко мне обратилась девушка:

— Сеньор, подержите, пожалуйста, эту адскую машинку! Я только сфотографирую Фиделя...

И протянула мне свой автомат. Не растолковывать же мне воинский устав этой экспансивной девушке-милиционеру! Я взял у нее «адскую машинку». А она, подойдя к самой трибуне, направила объектив на команданте, требовательно крикнув ему:

— Фидель, посмотри сюда! Я тебя сфотографирую!

Команданте широко улыбнулся и подошел к девушке. Сфотографировав его, девушка звонко прокричала:

— Фидель! Фидель! Фидель!

Ее возглас повторили сначала те, что стояли рядом, а затем и вся огромная площадь.

Ровно в двенадцать раздался орудийный залп. С треском взорвались фейерверки в ночном небе. Из конца в конец площади лилась песня «Марш 26 июня», десять тысяч учителей стоя пели революционный гимн Кубы.

Наступил Новый год.

Фидель Кастро поздравлял иностранных гостей, поздравлял своих соратников, учителей и нетерпеливо оглядывался, видимо, кого-то ожидая.

Наконец команданте увидел того, кого ждал, и кинулся навстречу. В сопровождении двух автоматчиков к трибуне подходил друг и соратник Фиделя команданте Эрнесто Че Геварра. Под ликующие возгласы гостей два друга крепко обнялись.

Только очень близких друзей на Кубе ласково называют: «Че!», что в переводе на русский язык означает: «Эй, друг!». Геварра все кубинцы зовут «Че!».

Четырех национальных героев создала последняя кубинская революция: Фидель Кастро, Камило Сьенфуэгос, Эрнесто Че Геварра и Рауль Кастро.

Мудрые глаза Камило Сьенфуэгоса глядят с его портретов... Он погиб прошлым летом, вылетев в штормовую ночь по важным делам за пределы страны. Могила его в океане.

Команданте Рауль сейчас далеко. Он держит оборону в горах Сант-Яго близ американской военной базы Гуантанамо.

Че Геварра и Фидель Кастро обнимаются, счастливо улыбаясь...

Много раз приходилось нам слышать об ораторском таланте Фиделя Кастро, о притягательной силе его речей. Люди рассказывали, что команданте случается выступать по четыре, пять, а то и шесть часов подряд, но слушающие не замечают времени — так умеет он держать любую аудиторию.

Теперь я сам, своими глазами, видел, как он выступает, сам, своими ушами, слышал, что он говорит. Правда, я не знаю языка, а перевод, как известно, даже самый лучший, не в состоянии передать все тонкости речи. И все-таки я понял, как велико его ораторское искусство — это настоящее чародейство. Мне и моим друзьям захотелось разгадать его секрет, понять в чем его сила. И мы разгадали: чародейская сила речей команданте Фиделя — в неприкрытой правде, в цельности мысли, в несокрушимой логике и, наконец, в его голосе — звучном, выразительном.

В новогоднюю ночь Фидель Кастро говорил, казалось, только о народном просвещении. И он действительно во главу угла своей речи поставил народное образование, связывая с ним наиболее острые проблемы и положения.

Начал Фидель речь с того, что третий год революции станет годом ликвидации неграмотности. Не случайно, значит, на новогодний прием приглашено десять тысяч учителей! Сообщил он, что на каждом трех неграмотных страна подготовила по одному учителю. Если и этого окажется мало, революционное правительство согласно подготовить на каждого неграмотного по учителю. Чего бы это ни стоило, неграмотность на Кубе будет ликвидирована в течение двух лет.

Говоря о Перу — о нуждах его народа и о том, что представляет собой его правительство, как раз в канун Нового года порвавшее дипломатические отношения с Кубой, Фидель спросил:

— Сколько же лет потребуется правительству Перу для ликвидации неграмотности своего народа?

Такой же вопрос задал Фидель, подытоживая разговор об Уругвае, сенат которого в те дни обсуждал вопрос: порвать или не порвать отношения с Кубинской республикой. Он не ответил ни на первый, ни на второй вопрос, потому что каждому из слушавших его было ясно: при нынешней ситуации и десяти лет будет мало.

Заклучил свою мысль Фидель Кастро одной фразой:

— Куба является примером для всех народов Латинской Америки!

Площадь скандировала: «Куба — территорию либре де Америка!» — «Куба — свободная страна на Американском континенте!»

Фидель говорил, и его пламенную речь слушали бойцы революционной армии и Народной милиции, зорко охраняющие Кубу на берегах Гаваны, в горах Сьерра Маэстра, в деревнях Камагуэя.

— Если мы ослабим свою бдительность, история нам этого не простит! — сказал всем кубинцам Фидель Кастро.

Потом он поздравил с Новым годом своих соотечественников, находящихся в окопах, и закончил речь словами:

— Патриа о муерте! — Родина или смерть!

И вся площадь повторила вслед за ним:

— Родина или смерть!

Команданте Фиделя мы снова увидели на следующий день. Не просто видели, а провели с ним весь день — с утра и до поздней ночи.

Напоминаю, время было тревожное, контрреволюция подняла голову. В кафе «Флогар», расположенном на одной из центральных улиц Гаваны, взорвалась бомба. Несколько человек, в том числе и дети, были ранены. Газета «Революсьон» опубликовала слова тяжело раненого мальчика, лежавшего в больнице: «Фидель, не жалея врагов!» На окраине города был обнаружен завод, где тайно изготовлялись бомбы. В ряде провинций загорались плантации сахарного тростника. Захватили оружие, сброшенное американцами на парашютах для приверженцев Батисты. В штате Флорида стояли готовые напасть на Кубу отряды голворезов. С аэродрома военной базы США в Гуантанамо взлетают самолеты. Эйзенхауэр одобрил план интервенции.

Вот в какие дни праздновали кубинцы вторую годовщину своей революции...

На площади, где стоит памятник национальному герою и великому поэту Кубы Хосе Марти, все трибуны полны задолго до начала парада.

Фидель Кастро прибыл на площадь в восемь утра, хотя парад назначен на одиннадцать. Два часа иностранные делегации, туристы, девушки-милиционеры и корреспонденты держали его в тесном окружении.

Парад продолжался восемь часов. Шли героические батальоны Сьерра Маэстра, войсковые части, подразделения Народной милиции, женские батальоны, ехала артиллерия, военная техника.

Наступил вечер. Вечер в Гаване сам по себе явление незабываемое. А тут еще гирлянды разноцветных огней, красные факелы прибрежных маяков... И вот в эту прекрасную ночь на площадь с памятником Хосе Марти въехала грузовая машина, в кузове которой находилась исковерканная, перекореженная американская ракета.

— Вся площадь — нет, что площадь! — весь город разразился аплодисментами и криками.

Эта ракета, запущенная США, упала на острове, придавив чью-то корову, в связи с этим крестьяне устроили перед зданием американского посольства демонстрацию протеста.

И вдруг над площадью взвился «Интернационал». Сотни тысяч людей стоя пели гимн мирового пролетариата.

Молодая рослая женщина в форме Народной милиции подняла высоко над головой курчавого малыша и крикнула команданте:

— Фидель, вот он, твой будущий солдат!

Фидель улыбнулся, помахал обоим рукой и сказал громко:

— Для счастья родился он у тебя!

На трибуну поднялись ветераны войны против испанских захватчиков 1895 — 1898 годов, сражавшиеся под началом национальных героев Кубы — Антонио Масео и Хосе Марти. У Фиделя сверкнули слезы...

Фидель начал говорить... Он коротко рассказал о завоеваниях революции за два года — о том, что двести тысяч безработных получили за это время работу...

— Пусть все, кто получил работу, поднимут руки! — обратился он к народу.

Лес мозолистых рук поднялся над огромной площадью. Было видно, что Фиделя взволновала эта картина — тысячи поднятых рук. Он сказал:

— Вот за что американский империализм хочет задушить нас!

Гул прокатился над площадью:

— Нас не задушить!

— Фидель! Фидель! Фидель!

— Венсеремос! Мы победим!

— Мы будем защищать каждый дом! — продолжал команданте. — Если дома будут превращены в развалины, мы и развалины будем защищать!

Фидель говорил три часа. И каждая его мысль, каждое слово находили отклик в сердцах слушавших его кубинцев. Он умеет говорить с народом, команданте Фидель. Он говорил просто, страстно и убедительно, с примерами, не требующими комментариев.

Фидель Кастро любим своим народом. Он вождь, знающий нужды и чаяния своего народа, он носитель идей своего свободолюбивого народа. Он везде, он со всеми — там, где зенитчики, проводящие ночи на крышах домов, там, где девушки-бойцы Народной милиции, охраняющие улицы городов, там, где вооруженные крестьяне, ночи напролет сторожащие плантации сахарного тростника, там, где учителя, открывающие в далеких селениях школы... Он с ними и среди них. Со своим народом, который полон решимости отстоять завоевания революции.

Э тот год запомнится надолго. Гнет режима Батисты усиливался, а терпение кубинского народа истощалось. Сахарный тростник и сахарные заводы, банки и отели, магазины и даже рыба в море — все было продано американским монополиям.

Тяжелые дни настали для рыбаков Мансанильо: попробуй, сунься в море за рыбой — полиция тут как тут! Но рыбаки не хотят быть рабами янки. Они не хотят быть ничьими рабами. Они стали собираться по ночам в доме Карлоса Гарсиа.

Карлосу лет сорок пять; он высок ростом и худощав, лицо у него продолговатое и глаза чернее угля. Говорит он не торопясь, обдумывая и взвешивая каждое слово.

Домик Карлоса, построенный из пальмовых ветвей и листьев, имеет две крохотные комнатки: в дальней комнатке они спят — он сам, его жена Марта и тринадцатилетний сын Тони, спят прямо на полу; в первой же комнатке, где стоит мангалка и в чугунном котелке варятся черные бобы или кипит кофе, они едят, принимают гостей.

Гостей в доме Карлоса становится все больше, они приходят все чаще, а в конце 1956 года — каждую ночь. Это рыбаки. Они молча усаживаются на полу и молча достают длинные коричневые сигары. Огоньки зажженных сигар ярче пламени копилки.

Разговор обычно начинается с охоты на акул. Пока Батиста не продал рыбную ловлю, рыбаки Мансанильо промышляли акул: кости продавали китайцу Чану, а мясо — мыловару, — тем и жили эти рыбаки. Теперь же жить нечем, полиция рыбаков караулит. Особенно усердствует сержант, уши и глаза его всегда на острие. Не то чтобы он не пускал рыбаков в море, — пускает. Но возвратиться свободно — не возвратишься, если с добычей. Вытащил рыбак акулу на берег, сержант — вот он: или тюрьма, или штраф.

Рыбаки в хибарке Карлоса говорят об акулах и о сержанте. Искра надежды теплится в их сердцах: они видят, что Карлос что-то знает. Но Карлос молчал. То, о чем нужно сказать рыбакам, пока глубоко запрятано: огонек костра под золой. Стоит подуть ветру — огонь разгорится пламенем. Но раздувать костер рано, Карлос Гарсиа осторожно обнадеживает рыбаков.

— Будьте начеку! Я вам сообщу.

Ждут рыбаки сообщения...

Тони знает и о разговорах рыбаков, и об обещании отца. Но он, как и рыбаки, не знает, что это будет за сообщение.

Тони уже много раз выходил с отцом на охоту в море. Он считает, что в ловкости, сноровке не уступает отцу. Беда лишь в том, что — отличие от отца — он небольшого роста и в руках меньше силы. Ему ведь известно: рыбак должен быть непременно высокого роста и с сильными руками, чтобы вытащить пойманную акулу на берег.

Тони очень огорчается, что отец без работы и ему, Тони, тоже ничего другого не остается, как слоняться без дела по побережью. Дело для Тони находится, лишь когда по ночам у них в доме должны собраться друзья отца. Тогда он обходит лачуги рыбаков, сзывая людей, а потом, когда все придут, Тони спускается на берег: если полиция заинтересуется их домом, надо опередить полицейских.

В одну из дождливых зимних ночей отец возвратился из порта Мансанильо необычайно взволнованный. Тони хотел было за домом разрубить пару поленьев для очага, но услышал голос отца и поспешил в дом. Однако прежде чем войти, он постоял на пороге, пытаясь разглядеть берег и дорогу. И берег, и дорога были пустынно. Даже сержанта, который всегда торчал на берегу, и того не было видно.

Раздался голос отца:

— Антонио!

Тони вошел в дом.

Отец, сидя возле мангалки, обжигаясь, пил кофе, мать не отрывала от него удивленного взгляда.

— Антонио, сбегай к рыбакам! Скажи, чтобы все шли в порт!

— Бегу!

— Подожди! — остановил его отец. — Скажи рыбакам, чтобы взяли с собой то, о чем я им говорил. И передай, чтобы не в самый порт шли, а к рыбному складу, к будке папаши Хулио!

— Понял, отец!

— Беги стороной, чтобы не наткнуться на сержанта!

— Хорошо, отец!

И Тони, спустившись на прибрежную дорогу, помчался по ней. Он летел, словно на крыльях, взволнованный. Наконец-то отец сообщает рыбакам, что обещал, а он, Тони, несет это сообщение. А еще Тони думал: этой ночью должны произойти какие-то очень важные события.

И вдруг Тони увидел сержанта.

Толстый сержант с толстыми губами, с бородой, покрывавшей все лицо, стоял на берегу и разговаривал с коротышкой-полисменом. Разговаривал с полисменом, а сам не спускал с Тони глаз.

Тони замедлил шаги и беззаботно засвистел какую-то веселую мелодию: будто он никуда не спешит и никакого дела не имеет.

— Тони!

— Слушаю вас, сеньор сержант!

— Куда ты направился?

— К товарищу.

— К какому товарищу?

— А к Наварро-голубятнику...

— Вон что! Наварро, говоришь? — Сержант как-то непонятно засмеялся. — Что ты там делать собираешься?

— Наварро, сеньор сержант, хотел показать мне голубей, которых он сманил с чужих стай.

— В самом деле? — Сержант внимательно посмотрел на Тони. — Ну, беги...

Тони снова побежал. Ему хотелось оглянуться назад, но оглядываться было нельзя — он чувствовал, что сержант не спускает с него глаз.

А сержант действительно не спускал с удаляющегося Тони глаз и говорил полисмену:

— Что-то зашевелились рыбаки... Они частенько собираются в до-

ме Карлоса. Я не удивлюсь, если Карлос окажется коммунистом. Будь начеку. Не спускай с них глаз!

— Слушаюсь, сеньор сержант!

— Я должен сообщить обо всем сеньору военному губернатору.— И сержант пошел вдоль берега.

Полисмен с полчаса походил, взвалив ружье на плечо, да видно, устал, присел на камень и закурил. Сидел, курил, смотрел в сторону порта, где американский пароход, груженный мешками с сахаром, дважды прогудел — длинно и надрывно — и стал отчаливать. Небо над портом за клубилось черным дымом. В иллюминаторах сторожевого катера, бороздившего прибрежные воды, вспыхнули огни.

Полисмен сидел, не шелохнувшись. Прошло еще около часа. Дождь кончился, и в прорезях темных туч зажглись яркие звезды. С моря подул свежий ветер, о берег забились крупные волны. Полисмен поежился.

Прибрежной дорогой прошли какие-то люди. Будь сержант здесь, он непременно остановил бы их, проверил — кто они, куда направляются, а полисмен либо не отважился сделать это, либо поленился. Скорее, конечно, не отважился: рыбаки народ бедовый, сам сержант считает, что надо о них доложить сеньору губернатору.

А сержант, как ушел, так и не вернулся больше. И прохожих даже нет.

Наступила глубокая ночь. Полисмену кажется, не будь на сторожевом катере ярких огней — прибрежная тьма его проглотит.

В полночь, словно из-под земли, предстал перед полисменом Тони. Усевшись на другом конце камня, он спросил:

— Сеньор полисмен, вы не замерзли?

— Ну, ты! — оборвал его полисмен, почему-то испугавшись. — Что ты ночью делаешь здесь?

— А пришел проведать вас! Думаю, не скучно ли сеньору полисмену?

— А ты ничего парень, — проговорил полисмен, успокаиваясь. — Ты, верно, заметил, что стало холодней? Хорошо бы выпить чашку горячего кофе!

Тони сделал вид, что не понимает полисмена, спросил:

— Ваше ружье стреляет, сеньор полисмен?

— Еще как стреляет! За двести шагов пробивает лоб! — расхвастался полисмен.

— А вот я в жизни не держал в руках ружье! Сеньор полисмен, дайте мне его подержать, я бы вам принес из дома горячего кофе за это!

— Нет, — полисмен, видимо, боролся с искушением. — Еще выстрелит ненароком!

— А я не дотронусь до курка! — упрашивал Тони. — Эх, замечательное ружье! А сейчас моя мама как раз заваривает крепкий-крепкий кофе...

— Ну, ладно, — сдался полисмен. — Подержишь — и тут же вернешь!

— Я так и сделаю, сеньор полисмен!

Полисмен снял с плеча ружье и протянул Тони:

— Будь осторожен, не выстрели!

Тони, взяв в руки ружье, повертел его, подержал и вдруг направил дуло на полисмена.

— Руки вверх! И ни звука!

Полисмен поднял руки.

— Ступай впереди меня, если хочешь остаться жив!

Полисмен зашагал впереди Тони.

Когда они приблизились к будке папаша Хулио возле рыбного склада, то увидели подходивший к берегу пароход с потушенными огнями. Полисмен, как он ни был испуган, удивился: впервые за свою жизнь видел пароход, идущий ночью без огней. И ему стало совсем страшно.

Тони привел полисмена в будку.

— Ну, теперь пошли! — скомандовал Карлос рыбакам. — Папаша Хулио, полисмена вручаем вам!

— Садись! — обратился папаша Хулио к полисмену, держа в руках ружье. — Побеседуем честь по чести!

Рыбаки во главе с Карлосом спускались в порт, куда подходил пароход с потушенными огнями. Он уже миновал небольшую бухту.

— Сторожевой катер! — воскликнул Карлос.

Катер стремительно шел наперерез кораблю без огней.

— А много ли людей на катере? — озабоченно спросил кто-то из рыбаков.

— Больше двадцати. Вооруженные полисмены, — ответил Карлос и позвал: — Антонио!

Тони, с ружьем полисмена за плечом, подбежал к отцу:

— Здесь я, отец!

— Куда направился сержант?

— К военному губернатору.

— Беги к берегу. Будет возвращаться — стреляй в него!

— Понял, отец!

Тони взобрался на высокий берег и, укрывшись за большим камнем, на котором не так давно сидел полисмен, стал наблюдать за дорогой. Сержанта не было, и вообще никого не было. Он посмотрел в море: освещенный катер гнался за черным силуэтом парохода без огней.

Пароход, видимо, отказался от первоначального намерения — войти в порт; он ушел в сторону, к болотистому берегу. В двухстах метрах от берега пароход стал. Вооруженные люди впотьмах прыгали в воду. А приближающийся к пароходу сторожевой катер непрерывно гудел, оглушая порт, берега и все Мансанильо. Полисмены с катера открыли огонь из автоматов. С парохода отвечали. Перестрелка все разгоралась. Рыбаки, покинув порт, поспешили на помощь людям с парохода.

Тони скорее догадывается, чем видит, что происходит на болоте. Он разволновался и едва не прозевал сержанта. Хорошо, что сержант кричал — то ли звал кого, то ли грозил кому. Тони, прицелившись, спустил курок. Сержант свалился.

Перепрыгивая через камни, скользя и оступаясь, Тони берегом побежал к месту боя. Присоединившись к рыбакам, стал стрелять по сторожевому катеру. Он стрелял до тех пор, пока не вышли все патроны...

И тут его окликнул отец:

— Антонио! Беги на дорогу! Увидишь сторонников Батисты — сообщи нам!

Тони быстро, по-кошачьи, взобрался на высокий берег и спрятался у дороги, ведущей в город.

Перестрелка прекратилась. Вооруженные люди, прибывшие на пароходе без огней, и рыбаки, помогавшие им, стали выбирать на берег. И тут появились они — солдаты Батисты, подкатившие на грузовиках. Тони не помнит, долго ли он стрелял по солдатам на машинах из винтовки, взятой им у одного раненого рыбака. Чем-то острым ожгло ему плечо, и рука словно отнялась. Вторая пуля зацепила ухо. Тони потерял сознание...

Правительство Батисты бросило против людей, прибывших на пароходе без огней, несколько батальонов солдат гарнизона Мансанильо. Бой продолжался до рассвета.

Революционеры, высадившиеся с парохода без огней, после неравного боя вынуждены были уйти в горы Сьерра Маэстра...

* * *

Прошло четыре года.

В порту Мансанильо мирно покачивается на воде пароход «Гранма», который кубинцы называют кубинской «Авророй».

Вы поднимаетесь на этот пароход-музей. Семнадцатилетний капитан Антонио Гарсиа рассказывает вам славную историю «Гранмы», ставшей вестником революции. Нам тоже удалось в один из январских дней побывать в Мансанильо и послушать рассказ Тони Гарсиа.

...В ту памятную дождливую ночь 1956 года на пароходе «Гранма» из Мексики в Кубу прибыл Фидель Кастро с соратниками. Было их всего восемьдесят два. Вместе с Фиделем, после тяжелого боя, ушел в горы Карлос Гарсиа и унес с собой раненого сына.

Как мы уже знаем, Батиста и его покровители подвергли горы Сьерра Маэстра жестокой бомбардировке. Но два года спустя революционные отряды, спустившись с гор, взяли власть в свои руки. Об этом и о том, как живет свободная Куба, рассказывает Тони Гарсиа на пароходе «Гранма».

— Здоров ли ваш отец?— спросили мы юного капитана.

— Отец — команданте,— ответил Тони.— Он командует батальоном в горах Минас дель Фрио.

Он гордится своим отцом и своим народом. Вот он какой, сеньор капитан Тони Гарсиа.

ЭТОТ ДОМ—МОЙ ДОМ...

Город Сант-Яго-де-Куба раскинулся у подножья Сьерра Маэстра. Он считается одним из самых красивых городов на побережье Карибского моря.

Прибыли мы туда поздней ночью и потому ничего, кроме ярко освещенных витрин магазинов да огней маяков, не увидели. А утром мы поднялись на гору. Даже поэту во сне не приснится эта чарующая красота: воды в голубой бухте под яркими лучами раннего солнца переливаются перламутром; на мачтах пароходов реют флаги революционной Кубы с красной звездой на полотнище; белые трубы сахарных

заводов на берегу кажутся серебряными колоннами сказочных дворцов. А россыпи домов внизу напоминают огромный ковер: дома окрашены в различные цвета и окружены белоствольными пальмами и раскидистыми липами; ветви апельсиновых деревьев никнут под тяжестью золотых плодов. А пляжи! Словно из мрамора выложены они. Волны Карибского моря накатываются и бьются, бьются о берега...

На берегу моря, напротив города, высятся крепость Моро — цитадель испанских колонизаторов. Теперь крепость Моро — цитадель свободы. Команданте Рауль Кастро, в дни нашего пребывания в Сант-Яго руководивший обороной города, сопровождал нас в Моро. В одной из комнат нижнего этажа он показал колодец, сообщавшийся с морем. В прежние времена кубинцев, поднявшихся на борьбу, сбрасывали в этот колодец. Люди становились добычей акул...

Рауль Кастро говорил нам, что решением революционного правительства в крепости Моро будет открыт музей, что дворцы на побережье будут превращены в санатории для народа, в школы, в детские сады...

С горы был виден и другой Сант-Яго. По ту сторону сахарного завода темнели лачуги, тесно прижавшиеся друг к другу, узкие кривые улочки, по которым едва ли пройдет тележка с запряженным в нее осликом, и топкие болота.

Команданте Рауль Кастро, провожая нас к лачугам, рассказывал по дороге следующую печальную историю.

В мрачные годы правления диктатора Батисты сотни тысяч людей на Кубе влачили нищенское существование — ни работы, ни крова. Особенно тяжелым было положение негров. Гонимые голодом, люди промышляли по мусорным ящикам в поисках съедобного. Результат этого: болезни, смерть, мор...

Мы осмотрели старые дома в негритянском квартале. Жалкие лачуги, слепленные из отбросов железа, бумажных лоскутов, тряпок, высушенных комков болотной глины, пальмовых листьев. Полог, сшитый из цветных лоскутов, заменяет входную дверь, вместо стекол на крошечных окнах — бумага...

Сердце щемит от этой картины.

Рауль Кастро рассказывал нам о случаях, какие происходили у мусорных ящиков. Многие негры, не имея работы и не надеясь когда-нибудь ее получить, становились старьевщиками. Причем они строго разделялись по роду, так сказать, занятий: бутылочники, тряпичники, железники и другие. Первые не имели права вторгаться в область вторых и третьих, вторые — в область первых и третьих. Но бывали случаи, когда особая нужда заставляла человека нарушить этот неписанный закон, и тогда дело кончалось дракой, а нередко — кровопролитием...

Только теперь над темными головами расцвело светлое счастье. Негры боролись за него многие десятки лет — за свое счастье и за свои человеческие права; из их среды вырос национальный герой Кубы Антонио Масео; они провожают своих лучших сыновей в революционную армию Фиделя.

Революционное правительство обеспечило безработных Сант-Яго работой. Фидель Кастро сказал им:

— Выстройте себе за счет государства самый красивый городок на берегу Карибского моря!

Вечерело, когда мы прибыли в этот городок; тут и там зажигались огни. Широкие улицы. Большая площадь, окантованная молодыми деревьями. Двухэтажное здание школы в стиле народного зодчества, как и гостиница «Версаль» в Сант-Яго, где мы живем. Одноэтажные коттеджи, выкрашенные в белые, голубые, красные, оранжевые, кремовые цвета.

Входим в один дом. Нас встречает Кустина Кастильяна, окруженная толпой детей и внуков. Рукой одного из внуков, недавно выучившегося грамоте, на дверях написано: «Этот дом — мой дом, его дала мне революция. Чтобы отнять его у меня, сначала надо меня убить».

Эти слова нас взволновали. Наша взволнованность передалась женщине: в глазах старой Кустины блеснули слезы радости.

Мы вошли и в другие дома. Весть о том, что команданте Рауль Кастро водит советских гостей, мгновенно разнеслась по городку. Едва мы вышли из дома Кустины Кастильяны, сразу попали в густую толпу. На улице раздавались радостные возгласы, приветствия. Команданте окружили босоногие ребятишки. Рауль Кастро спросил у худенького мальчугана с кудрявой головой:

— В каком ты классе учишься?

Чистым, звонким голосом мальчик ответил:

— Во втором, сеньор команданте! — И добавил: — Большое спасибо революционному правительству!

Тут зашумели остальные ребята:

— И я во втором классе, сеньор команданте!

— А я в первом!

— А я получил «пять» по письму!

— А я уже умею читать слово «счастье»!

Пока мы дошли до школы, толпа утроилась. Мы с трудом продвигались вперед, а люди, окружавшие команданте, без устали сыпали вопросы.

— Рауль, а я когда перееду в новый дом?

— Команданте, скоро пустят завод?

— Рауль, когда же наконец уймутся американцы?

Рауль Кастро рассказывал нам, что из запланированных шестисот пятидесяти домов в этом городке четыреста уже выстроены и что остальные дома будут готовы в самое ближайшее время.

Здесь же, в негритянском городке, революционное правительство строит шарикоподшипниковый завод, на строительстве завода занята большая половина местных жителей. А как только завод сдадут в эксплуатацию, работой будут обеспечены все.

На третий вопрос команданте ответил не сразу. Он задумался, а мы припомнили, что утром несколько минут провели в его кабинете и что за эти несколько минут ему доставили два важных сообщения: североамериканский военный самолет нарушил воздушные границы Кубы и вторгся в ее пределы, истребители революционной армии отогнали его — сообщение первое; из другого американского самолета над Сьерра Маэстра якобы сброшены на парашютах вооружение и боеприпасы «для контрреволюционных сил» — сообщение второе.

При первом сообщении команданте улыбнулся, но второе сообщение возмутило его.

— На Сьерра Маэстра контрреволюционные силы?! Провокация! Сьерра Маэстра — колыбель нашей революции!

Видимо и команданте вспомнил оба эти донесения. Когда старый негр спросил: «Когда же наконец уймутся американцы?», он ответил:

— Уймутся, когда мы их проучим! Мы должны как зеницу ока бечь за завоевания революции. Родина или смерть!

Огромная толпа, наполнившая площадь перед школой, гордо повторила след за ним:

— Да, родина или смерть!

Затем команданте повел нас к дому Антонио Масео.

...В столице Кубы Гаване, на берегу Мексиканского залива, высится над городом монумент всадника на постаменте из черного мрамора. Это — Антонио Масео, герой революционной борьбы кубинского народа против испанских захватчиков. А дом его стоит здесь в старой

части Сант-Яго-де-Куба. Нас встретила темнолицая женщина лет пятидесяти, Фалесита Масео, внучатая племянница Антонио Масео.

Пили кофе, сидя на террасе. Команданте рассказывал нам: в этом доме в революционные дни 1958 года находился штаб коммунистов. Потом Рауль и Фалесита рассказывали об Антонио Масео, о самоотверженности тетушки Марианны, его матери.

Шестеро сыновей Марианны Грахалес, Антонио в том числе, уже пали в неравной борьбе с врагами. Тогда старая женщина вручила седьмому сыну, еще очень молодому, оружие и сказала ему: «Иди, стань на место своих старших братьев!»

В дни нашего пребывания на Кубе женский батальон имени Марианны Грахалес, находился в Сьерра Маэстра, готовый дать сокрушительный отпор врагу.

Меня до глубины души тронула история жизни Антонио Масео и его матери Марианны Грахалес. Это их потомки продолжили борьбу за свободу и отвоевали ее. Я и сейчас, вспоминая о Кубе, прежде всего вижу слова, выведенные на дверях нового дома в негритянском городке: «Этот дом — мой дом...» — выведено крупными буквами, еще не очень умелой, но твердой рукой человека, который знает, чего он хочет.

МАРИЯ ТЕРЕСА

Мария Тереса Фрейре де Андраде фанатично любит книги. Как видно из ее длинного имени и приставки «де» перед фамилией, она из семьи родовитого дворянства. Воспитана Мария Тереса школой европейского классицизма, долгие годы провела она в специальном католическом училище для девушек.

Но как бы ни воспитывалась она, какие бы убеждения у нее ни были, Мария Тереса с детства пристрастилась к книге. Она скоро перчитала все книги в отцовском доме, а потом — в домах своих подруг. Любовь к книге привела Марию Тересу в библиотеку...

Здесь требуется небольшое разъяснение. Приставка «де» к фамилии Марии Тересы, если и подтверждала ее принадлежность к именитому роду, то вовсе не утверждала наличие больших капиталов.

Семья эта вела жизнь более чем умеренную. А то, что Мария Тереса стала работать в библиотеке, тут, кроме любви к книге, была необходимость помогать семье.

Национальная библиотека... Самое большое здание в центре Гаваны. Правда, в городе, особенно на берегу Мексиканского залива, есть и большие здания: в двадцать и в тридцать этажей. А в библиотеке всего пятнадцать. Зато здание библиотеки стоит рядом с памятником Хосе Марти на высоком холме и потому кажется самым высоким.

Мария Тереса вошла в это здание, охваченная глубоким душевным трепетом. Ее повели на прием к директору.

Директор оказался человеком неразговорчивым. Окинув Марию Тересу взглядом, он сказал:

— Подойдете!

Знакомясь с библиотекой, Мария Тереса обходила этаж за этажом. Она знала, что здание это построено на налогах, которыми облагались крестьяне, и потому книги, расставленные на полках, казались ей соленым потом тружеников, собранным воедино. Люди проливали пот, но не пользовались плодами своего труда. Читальные залы пустовали—редко-редко можно было видеть монаха в черном одеянии, который неслышно перелистывал книгу, или ученого, рассматривающего уникальную рукопись через выпуклое стекло лупы. И никого больше. Чудилось: дремлют устало книги, дожидаясь кого-то, кто еще блуждает по дальним дорогам.

Марию Тересу определили в отдел беллетристики. Каждое утро входила она сюда бесшумной поступью и неслышной тенью садилась за стол в углу большого зала. Перелистывала Гомера — певца античного мира, или, взяв в руки Данте, брела вместе с ним по семи кругам «Ада». Изредка появлялся начинающий поэт, спрашивал книги о божественной любви, или какой-либо исследователь, разыскивавший старую книгу.

Где же читатель, где народ Кубы? Неужели тем, кто наполняет с утра до позднего вечера улицы Гаваны, нет дела до книг, до редчайших сокровищниц человеческой мысли, собранных здесь?

Марию Тересу мучают эти вопросы, а ответа на них она не находит.

В библиотеке работает много девушек. Но говорить с ними Мария Тереса не смеет. Одна девушка, заговорившая здесь в голос, была изгнана. И директор, однажды беседуя с сотрудниками библиотеки, сказал: в стране не спокойно, босяки поднимают головы; он предупредил — всякий, кто окажется замешанным в политике, будет немедленно уволен с работы.

Месяцы и годы один за другим шли через пустые залы Национальной библиотеки. Состарилась Мария Тереса. Когда остров охватило пламя революции, ей было за пятьдесят...

В провинциях и городах, на дорогах от порта Мансанильо до гор Сьерра Маэстра и от Гаваны до Сант-Яго-де-Куба — повсюду шли сражения.

Храбрых бородачей, обосновавшихся в горах и громивших войска палача Батисты, директор Национальной библиотеки называл презрительно дикарями, а сам не без страха и любопытства по целым дням не отходил от приемника: что они за люди и чем это кончится?

И вот в библиотеке появился один из этих бородачей. Вошел в лифт, надавил кнопку, какая подвернулась под руку, и вышел там, где лифт остановился. В огромном пустующем читальном зале он увидел Марию Тересу.

— Здравствуйте, сеньора! — сказал бородач и снял с головы берет.

Мария Тереса встала и так стояла неподвижно, не зная, подавать ему руку или не надо.

— Не бойтесь, сеньора, — сказал бородач. — Я не акула. Не вы ли будете Мария Тереса Фрейре де Андраде?

— Да... это я... — ответила Мария Тереса, запинаясь.

— Я попрошу вас, пригласите сюда директора и всех сотрудников библиотеки.

— Хорошо, сеньор.

Пока Мария Тереса собирала сотрудников, бородач рассматривал книги на полках, некоторые из них брал в руки и перелистывал.

Между тем сотрудники собирались. Вошел и директор — некогда наводивший ужас на подчиненных, он испуганно и подобострастно глядел на бородача.

Но бородач не смотрел на директора. Он смотрел на сотрудников библиотеки и ободряюще им улыбался. Потом достал из кармана гимнастерки какую-то бумажку, развернул ее.

— Революция победила, — сказал он. — Власть перешла в руки революционного правительства. Сейчас я зачитаю вам декрет правительства о передаче Национальной библиотеки в ведение государства.

И бородач зачитал декрет. Только теперь он посмотрел на директора.

— Вам все понятно, сеньор директор? — спросил бородач.

— Вполне, сеньор команданте, — попробовал тот иронизировать, но ирония не получилась.

— В связи с тем, что библиотека передана в ведение Министерства экономики, а министром экономики являюсь я, — продолжал бородач, — первым делом решено освободить вас, сеньор бывший директор, от этой должности как сторонника Батисты. Уважаемая сеньора Мария Тереса Фрейре де Андраде назначается на должность директора библиотеки. Будут вопросы?

Бесшумно выскользнул из зала бывший директор. А сотрудники библиотеки, окружив Марию Тересу, сердечно поздравляли ее. Команданте улыбался.

— Вопросы будут? — снова спросил он.

— Вопросов нет.

— Спасибо, сеньор команданте!

Прощаясь с Марией Тересой за руку, команданте сказал:

— Сеньора, если будет нужда, обращайтесь в Министерство экономики.

Сотрудники библиотеки проводили команданте до дверей лифта, Мария Тереса, даже не пытаясь сдержать слезы, попросила его:

— Передайте от нас Фиделю привет!

Где они, эти пустые и чопорные залы? Где их гнетущая тишина, в которой писк комара был слышнее пулеметного огня на улице? Нет этих залов, залы стали другими.

— Уйма народу собралась у входа, можно впускать?

— спрашивают произведения Маркса! Где их взять?

— А есть ли у нас романы Горького?

— Книг для детей не хватает, что делать?

От бесчисленных вопросов, от бесконечных требований, от уймы народу — от всего этого Мария Тереса теряет. Она отправляется на прием к министру экономики, Секретарь министра, молодая черноглазая девушка, сразу узнала эту высокую женщину с поседевшими волосами и глазами, полными улыбки.

— Пожалуйте, сеньора Мария Тереса, — сказала девушка, открыв дверь кабинета министра.

Бородатый команданте поднимается навстречу, тепло здоровается и сажает уважаемую сеньору в мягкое кресло.

— Книг у нас не хватает, — говорит Мария Тереса, сразу же приступив к делу. — Только за последние дни в библиотеку записалось свыше ста тысяч читателей. Они требуют новых книг. Конечно, революция... Я понимаю, правительству надо позаботиться о голодных и бедных. Книги дороги. Теперь не время требовать деньги на них. Я это понимаю... Но все же, сеньор команданте, люди требуют...

Министр успокаивает Марию Тересу, он говорит:

— Сеньора Мария Тереса Фрейре де Андраде, экономить деньги — значит тратить их разумно, на самое нужное. Революционное правительство считает народное просвещение таким же важным делом, как обеспечение работой безработных.

Мария Тереса чувствует, как у нее за спиной вырастают стальные крылья: если дело, которое поручили ей, такое необходимое, она в состоянии подняться на любую высоту.

То же почувствовали и все сотрудники библиотеки, которым Мария Тереса передала разговор с министром. Да и дела подтверждали это: в короткое время было закуплено несколько десятков тысяч новых книг и создано четыре новых отдела.

И словно не было того времени, когда девушки увядали в пустующих залах, старились от безделья. Теперь все пятнадцать этажей Национальной библиотеки переполнены. Больше всего народу в новом, абонементном, отделе: сотрудники сбиваются с ног, стремясь удовлетворить требования тысяч читателей. А заказы все поступают и поступают, — часто дня не хватает, приходится оставаться на ночь.

Новый отдел — музыки — организовал детский хор. Отсюда выходят и растекаются по острову новые революционные песни, новые мелодии. Отдел искусства, отдел учителей; первый продвигает культуру в народ, второй — образование. Мария Тереса в свободное от административной суеты время обходит отделы: слушает музыку, рассматривает рисунки, беседует с учителями, радуется...

Однажды Мария Тереса, находясь в музыкальном отделе, с удовольствием слушала, как дети негров, креолов, мулатов пели под аккомпанемент рояля:

Свободная Куба,
Фидель Кастро,
Мы навсегда верны вам,
Не боимся мы врагов,
Мы можем подняться все
На высокие горы Сьерра Маэстра...

Вдруг директора позвали к телефону. В трубке она услышала голос министра:

— Сеньора Мария Тереса Фрейре де Андраде...

Марию Тересу восхищали такт и вежливость бородатых команданте. Она бывала приятно взволнована, когда они совершенно серьезно, без тени иронии, произносили полностью ее длинное имя.

— Я вас слушаю, сеньор команданте!

— Праздник 26 июля мы хотели бы провести у вас в библиотеке. Что вы на это скажете?

— Очень хорошо, сеньор команданте! Какой из залов приготовить?

— Народ соберется на площади, а терраса на пятом этаже послужит трибуной, откуда команданте Фидель произнесет речь.

Мария Тереса не поверила своим ушам:

— Команданте Фидель посетит нашу библиотеку? — переспросила она.

— Именно, сеньора Мария Тереса Фрейре де Андраде!

Утром 26 июля площадь перед зданием библиотеки была заполнена народом. В одиннадцать часов члены Революционного правительства поднялись в лифте на пятый этаж.

Все ждали появления Фиделя.

Министры, собравшиеся на террасе-трибуне, почему-то все поглядывали в небо. Люди скоро поняли почему — над зданием библио-

теки появился вертолет и стал спускаться на террасу. Мария Тереса вдруг страшно заволновалась. А вертолет плавно сел на край террасы, и из него вышел Фидель Кастро. Прежде всего команданте подошел к директору библиотеки и тепло поздоровался с ней.

— Поздравляю вас с праздником, сеньора Мария Тереса Фрейре де Андраде!

— И вас также, сеньор команданте!

Под ликующие возгласы собравшихся на площади людей Фидель подошел к микрофону. Сердцем, всем своим существом Мария Тереса слушала речь команданте.

— Как Сократ, должны мы нести знания из города в город, из деревни в деревню, из дома в дом...— говорил Фидель Кастро.

В тот день команданте Фидель осмотрел всю библиотеку, переходя из этажа в этаж, из зала в зал. Он слушал детский хор, смотрел выставку детских рисунков, беседовал с молодыми учителями. И, наконец, спросил директора библиотеки:

— Довольны ли вы своей работой, товарищ Мария Тереса Фрейре де Андраде?

Впервые в жизни слышала Мария Тереса обращенное к себе слово «товарищ» и оценила это по достоинству:

— Очень довольна, товарищ Фидель Кастро!

ОЛЬГА ГЕВАРРА

Случилось то, чего Карлосу и во сне не могло присниться: он, лучший водитель на всей Кубе, был нокаутирован обыкновенной девушкой-шофером.

Произошло все это так.

На своем сверкающем «кадиллаке» Карлос повез гостей в городок Камило Сьенфуэгос, расположенный в горах. В городок прибыли поздно и заночевали в доме молодого учителя.

Утром, после завтрака, выяснилось, что гостям необходимо подняться на одну из самых высоких гор — Минас дель Фрио.

Карлос — многократный участник и многократный победитель автомобильных гонок — на горных извилистых дорогах оказался беспомощным, как новорожденный младенец. Его блестящий «кадиллак» стоил здесь дешевле осла. На осле можно проехать по любой тропинке, а быстросходный автомобиль, делающий на автострадах по двести километров в час, на подъеме к первому же перевалу сел, как верблюд после утомительного перехода.

Капитан Арбусно, начальник строительства городка Камило Сьенфуэгос, осмотрев «кадиллак», сказал Карлосу:

— Лучше будет, если ваша машина отдохнет. Да и вы вместе с ней.

— Кто же гостей повезет? — озабоченно спросил Карлос.

— Есть машина, есть и шофер, — ответил капитан Арбусно, похлопав Карлоса по плечу.

В эту минуту к столовой, где завтракали гости, подкатил «джип», из которого вышла очень миловидная девушка лет двадцати пяти, среднего роста, круглолицая, одетая в военную форму.

— Вот и Ольга Геварра! — воскликнул капитан Арбусно и прибавил: — Она повезет гостей...

Карлос не поверил. Ироническая улыбка растеклась по его лицу, — он явно принял за шутку слова капитана.

— Где ей — девчонке! — проехать на Минас дель Фрнго, — снисходительно заметил Карлос. — Придется мне, сеньор капитан, на этой машине ехать.

Но капитан Арбусно вежливо возразил:

— Вы не знаете этих гор, мой друг, а Ольга Геварра отлично знает их.

Не подозревая о том, что незнакомый шофер и капитан говорят о ней, Ольга Геварра приветствовала сидящих в столовой, подняв левую руку вверх, правой рукой она придерживала револьвер, висевший на боку. Очевидно, всем тут она была знакома: молодая негритянка, ваврившая кофе, девушки и юноши, заканчивающие завтрак, — все ответили на ее приветствие.

Карлос вдруг понял, что капитан Арбусно не шутит, и совсем расстроился. «Неужели эта девчонка повезет вместо меня моих гостей? Неужели по горным дорогам она поведет машину лучше меня? А я что, останусь в городе?» Все возмутилось в Карлосе от последней мысли, но в этих краях его никто не знал, он никого не мог переубедить: будет так, как скажет капитан Арбусно, Карлосу остается лишь подчиниться.

А Ольга Геварра, у которой, как теперь увидел Карлос, были искрящиеся глаза и румяные щеки, подошла, здороваясь протянула руку Карлосу. Карлос нехотя и слабо ответил на ее пожатие, хотя девушка крепко, по-мужски, стиснула ему пальцы.

Гости заняли свои места, и Ольга включила мотор.

Карлос не выдержал:

— Сеньор капитан, — взмолился он, — разрешите, я поеду с ними!

— Пожалуйста, езжайте!

Карлос вмиг очутился рядом с Ольгой.

Машина сползла по горе вниз, оставив позади городок Камилосьенфуэгос, и стремительно рванулась вверх к перевалу.

Карлос решил было держаться обыкновенным пассажиром. Уже миновали несколько перевалов, а он все молчал, попыхивая сигарой.

После третьего перевала машина пошла тяжелее. Узкую извилистую полосу, тянувшуюся по страшным кручам и заваленную обломками скал, трудно было назвать дорогой. «Джип» подсакивал и качался на камнях, словно пьяный, отплясывающий фантастический танец.

«Видать, Ольга Геварра шофер-любитель, — думал Карлос. — Иначе не вела бы машину по опасным дорогам таким образом». Он уже позабыл о намерении не вмешиваться в дела незнакомого шофера. Когда Ольга Геварра вела машину к очередному перевалу на второй скорости, Карлос насмешливо спросил ее:

— Почему бы уж не ехать на первой скорости?

— Можно, сеньор, — ответила Ольга, продолжая вести машину на второй скорости.

Или, когда машина поднималась по узкой дороге над бездной, Карлос снова спросил:

— Почему не берете левее?

— Можно, сеньор!— ответила Ольга, продолжая вести машину по-своему.

Карлос пытался дать ей еще несколько советов, но Ольга, отвечая ему односложными: «Можно, сеньор!» продолжала делать так, как делала.

Карлосу стало досадно: эту строптивую девчонку ничем не проймешь! Но он не сдался. Карлос только изменил тактику — он заставит девушку передать руль ему — и стал рассказывать страшные истории из своей шоферской жизни.

— Помню, на одних гонках летели мы вот по такой узкой дороге над ущельем,— говорил он, дымя сигарой.— Впереди меня шел мой соперник и ни за что не хотел уступить мне дорогу... Я не сразу понял, что случилось: раздался страшный грохот, и соперника моего не стало видно. Дорога свободна... Вот к чему приводит упрямство — свалился в пропасть. А был замечательный парень...

Ольга Геварра только улыбнулась про себя. А Карлос продолжал:

— Точно такой случай произошел на гонках в Мексике. Нас было двадцать мужчин и одна девушка. Я сказал девушке: «Оставьте, не равняйтесь на нас!» Не послушалась. Подобрала волосы под берет, надела зеленые защитные очки и... На первом километре она ехала почти рядом со мной, колесо в колесо. Поднялись в горы,— дорога была точь-в-точь такая, как эта. А она прибавила скорость, пытаясь обогнать меня. И вот результат: машина ее налетела на глыбу, и — в куски! Сама-то осталась жива. Лишь ампутировали руку...

Между тем, «джип» проезжал палатки под пальмами. Навстречу машине вышли строем вооруженные девушки. Увидев Ольгу, они шумно приветствовали ее, а Ольга отвечала им, высоко взметнув левую руку.

— Кто эти девушки?

— Бойцы женского батальона имени Марианны Грахалес,— с горделивой улыбкой ответила Ольга.

Этот женский батальон я видел на параде в день второй годовщины Кубинской революции в Гаване, на площади Хосе Марти. Впереди батальона шел его командир, первый лейтенант¹ Ольга Геварра. Теперь эта героическая девушка, в знак уважения к гостям из Советского Союза, сама везет их в горы. Неужели Карлос ничего не знает об этом?

— Я выслушала ваши приключения,— сказала Ольга Карлосу.— Автомобильные гонки, действительно, опасны. Я не принимала участия в них. Но в боях я бывала. Девушки, которых вы только что видели, тоже участвовали в боях. Каждая из них могла бы учиться, работать, выйти замуж... А они носят солдатскую форму и автоматы. Тучи, сгустившиеся на нашем кубинском небе, затеняют их счастье. Посмотрите-ка вон на тот танк!

И Ольга Геварра кивнула в ту сторону, где над пропастью повис искареженный танк.

— В истреблении вражеских танков, и пушек, и самолетов принимают участие и девушки из батальона имени Марианны Грахалес. Двадцать тысяч народных героев отдали жизнь за родину, и сколько было среди них девушек?!

Карлос, наконец, понял, кто эта девушка—Ольга Геварра. Прижав руку к груди, он извинился:

— Простите, сеньора первый лейтенант! Не узнал я вас...

— Теперь перейдем к шоферам,— продолжала Ольга.— На Сьерра Маэстра за последний год произошло восемь автомобильных ава-

¹ Первый лейтенант — воинское звание в кубинской революционной армии.

рий. Семь из них совершили мужчины, восьмую — я. И то вынужденно: не сверни я в сторону обрыва, лишила бы жизни такого же молодого человека, как вот вы.

Карлос сник.

«Джип» не дотянул до вершины Минас дель Фрио. Оставалось не более полукилометра, когда мотор сдал. Решили добираться пешком. Не шуточное дело подняться по отвесной скале на пятьсот метров! Уже через двести метров мы обливались потом. Первым выбился из сил Карлос, он в изнеможении опустился на глыбу. Да и мы все рады были передышке. Одна Ольга Геварра осталась стоять на ногах. Она только раскраснелась. Ольга подошла к Карлосу и, дотронувшись до его плеча, сказала:

— А ну, чемпион, вставайте! Пошли!

Карлос пошел вслед за девушкой. За ним тронулись и мы. Прошли еще пятьдесят шагов. Один из наших спутников, задыхаясь, прознес:

— Вот когда сказался вред табака!

Другой спутник наш пробормотал:

— Будь проклят на веки веков тот, кто придумал спиртные напитки!

Прислонившись к огромному валуну, Карлос закурил.

Ольга Геварра подбадривала нас:

— И не так уж высока эта вершина. Посмотрите вон на ту!

Мы посмотрели на скалу, которая была по другую сторону обрыва.

— Туркино! — с гордостью воскликнула девушка. — Самая высокая гора! Каждый солдат, одолевший эту высоту, может получить звание офицера.

— А вы поднимались на нее? — спросили мы у первого лейтенанта.

— Поднималась!

Карлос высоко поднял обе руки: он признал перед Ольгой Геварра свое поражение.

После краткого отдыха, мы снова двинулись к вершине Минас дель Фрио.

Теперь Ольга Геварра поддерживала под руку чемпиона автомобильных гонок и говорила смеясь:

— На какой скорости поднимать вас, сеньор?

У бедного Карлоса не было сил даже вымолвить слово...

КАСИМИРО КАЛЕРО

Санта-Клара, расположенная в центре острова, один из самых древних городов на Кубе. Подобно тому, как путешествующий из Ташкента в Андижан останавливается на ночевку в Коканде, так и едущему из Гаваны в Сант-Яго приходится ночевать в Санта-Клара.

В Санта-Клара мы прибыли под вечер и пошли осматривать город. На фруктовом рынке горы оранжевых мандаринов и апельсинов, бананов и «арбузных ядер», напоминающих наши знаменитые ургенчские дыни, и еще множество диковинных фруктов, от одного аромата и вида которых готовы потечь слюни...

В харчевнях, растянувшихся вдоль улицы, с шипеньем кипит масло на огромных сковородах. Все, чего ни пожелаете, подадут в один миг: жареное мясо, рыбу, бананы. Пища обильно сдабривается ароматным виноградным уксусом, сладким луком, напоминающим наш продолговатый бешарыкский лук, и горчайшим перцем.

Мы поужинали в одной из харчевен и сидели, поедая бананы. У каждого на руке висело по связке этих плодов. Тут и пришло решение — побывать в ближайшем от города кооперативе; вечер у нас был свободный, жаль было терять понапрасну время. Наш Карлос — лихой шофер — выразил готовность везти нас куда захотим, и мы в сумерках выехали из Санта-Клара.

На всех дорогах Кубы, ведущих в провинции, — лозунги, транспаранты, плакаты.

Мы остановились перед плакатом, на котором было написано одно лишь слово «ИНРА». «ИНРА» — Институт Аграрной реформы. Значение слова «институт» здесь гораздо шире, в данном случае оно означает революцию в деревне. На дороге стоял грузовик с полным кузовом сахарного тростника. Шофер, вооруженный автоматом, выпрыгнув из кабины и поздоровавшись с нами, спросил:

— Компаньеро совет?

Мы подтвердили его догадку и попросили показать дорогу до правления кооператива.

Шофер покачал головой:

— Поздно уже. Не советую...

Карлос показал на свой быстроходный «кадиллак», чем, видимо, убедил шофера грузовика, и тот направил нас на дорогу, уходящую влево, к деревне Итау.

Едва мы свернули на дорогу, ведущую на Итау, из-за пальм вышли два автоматчика и подняли руки. Карлос остановил машину. В ярком свете фар мы узнали форму Народной милиции. Один — круглолицый, с густой бородой, средних лет, а второй — совсем еще молодой и худенький паренек. Карлос темпераментно стал объяснять им, что за людей он везет и куда их везет. Старший лейтенант слушал, улыбаясь, а зоркие глаза его ощупывали «кадиллак» внутри. Юношамиллиционер не спускал глаз с лейтенанта.

Наконец, отпуская нас, лейтенант посоветовал ехать в кооператив имени Моралиса Брито. В глазах у Карлоса загорелось пламя. Он с места дал большую скорость машине и погнал ее с потушенными фарами. Вдруг он взволнованно заговорил:

— Брито! Брито... Я его знал, я хорошо знал его! Комбат Брито! Он дрался на Сьерра Маэстра. Он освобождал Санта-Клара от молодчиков Батисты. Здесь он и погиб. Высокого роста, худощавый, задумчивый парень...

Карлос смолк, тяжело вздохнул. Подъехав к развилке, он остановил машину, так как не знал, по какой дороге ехать дальше. И опять неожиданно появились автоматчики. Карлос спросил у них, как проехать в кооператив имени Моралиса Брито.

— Направо, — ответила девушка с тремя звездочками на погонах, первый лейтенант милиции.

Машина снова устремилась вперед.

Теперь весь горизонт был окутан тьмой. Ровная дорога осталась позади, и мы то поднимались вверх, то спускались вниз. Нигде ни

огонька. Но тут и там на обочинах дороги, похожих на берега бескрайнего тростникового моря, угадывались темные силуэты автоматчиков. Проводив взглядом нашу машину, они мгновенно скрывались, словно ныряли в воду.

Карлос говорил, ни к кому не обращаясь:

— Огонь был парень! А теперь он — только имя кооператива. Брито...

Еще через полчаса на довольно обширном холме мы увидели белешие дома. Карлос воскликнул:

— Вот он — Моралис Брито! Мой друг Моралис Брито!

Деревня имени Моралиса Брито состояла из трех или четырех улиц с новыми домами, но без единого огонька в окнах, видимо электричество еще не успели подвести.

Только мы вышли из машины, как снова оказались в окружении автоматчиков. На них не было ни армейской формы, ни милицейской. Это были вооруженные крестьяне. Один из них, самый рослый и, видимо, старший, потребовал, направляя на нас автомат:

— Сеньоры, ваши документы!

Карлос засветил ручной фонарик, мы показали свои документы. Очевидно, человек был малограмотным, он долго по складам читал наши документы, держа их у самого носа.

Нетерпеливый Карлос воскликнул:

— Хватит, что ли! Прочтешь ты или нет, люди не станут иными, чем они есть!

Но рослый автоматчик не обратил внимания на слова Карлоса: он продолжал внимательно вчитываться в слова Карлоса: он продолжал внимательно вчитываться, а остальные крестьяне настороженно ждали исхода дела. Наконец, старший осилил все наши документы и, переведя дыхание, как после подъема в гору, сказал:

— Теперь добро пожаловать, сеньоры!

И мы стали здороваться и знакомиться со всеми.

— Кем вы будете? — спросили мы старшего.

— Зовут меня Касими́ро, — ответил он. — Касими́ро Калеро. Друг Моралиса Брито. Он скончался у меня на руках...

Я взглянул на Карлоса. Продолговатые глаза Карлоса виновато моргнули.

— Прости меня, друг, за грубость! — он похлопал автоматчика по плечу.

Касими́ро Калеро промолчал. Разговор почему-то не получался.

Один из наших спутников спросил:

— В чем, вы считаете, богатство народа?

— Богатство народа — сама Куба! — твердо ответил Касими́ро. Этим объяснялась и бдительность людей на дорогах, подозрительность крестьян при виде поздних гостей. Если бы североамериканский империализм не готовил нападение на Кубу, если б враги народа, террористы, не поджигали дома, предприятия и плантации сахарного тростника, то десятки тысяч девушек и юношей не проводили бы дни и ночи в дозоре — им же надо учиться; а сотни тысяч крестьян, что стерегут свои поля, отдыхали бы — им же на заре вставать...

Чтобы смягчить неловкость, мы заговорили о домах:

— Компаньеро Калеро, вы живете в одном из этих домов?

— Нет, сеньор. Но у меня скоро будет дом из трех комнат. В нашей семье четверо детей.

— А вы? — спросили мы невысокого человека, стоявшего рядом с Калеро.

Автоматчик промолчал, но Касими́ро подбодрил его:

— Говори, Рестурато Ковреро!

— Мне дадут дом из четырех комнат, сеньоры, — радостно сказал Ковреро. — Дом из четырех комнат — с кухней, с водопроводом, ван-

ной, с электрическим освещением и с газом! У меня одиннадцать детей, вот как!

— А что вы выращиваете?

— Бобы мы уже убрали. И овощи дали отличный урожай. Фидель сказал нам: сажайте малангу.¹ Мы посадили. Теперь едва успеваем убирать урожай: так он велик. Маланга — это хлеб крестьян!

Я начал записывать ответ Касимиру. Увидев это, он склонился над блокнотом и стал четко диктовать:

— Пишите! Мы выстроили сто семьдесят три дома.

Я записал.

— Наш народ в этом году сплошь будет грамотным. Пишите!

Я записал.

Неожиданно на лице Касимиру, освещенном ручным фонарем, расплывалась широкая и добродушная улыбка.

— Эх, что вам стоило приехать к нам днем! Мы бы вам показали наши сады,— говорил он.— Попробовали бы наших фруктов...

— Это тоже записать?

Касимиру, улыбувшись, похлопал меня по плечу. Он замечательный пропагандист кооперативных дел, этот Касимиру. Один из нас спросил его:

— Вы коммунист?

— Если Революционное правительство состоит из коммунистов, если сам Фидель — коммунист,— отвечал Касимиру Калеро серьезно,— то и меня можете считать коммунистом!

Из темноты появился поднос на вытянутых руках. Касимиру разлил по чашкам из медного чайника темнокоричневый ароматный кофе.

Мы тепло распрощались с Касимиру Калеро и его друзьями, и провожали они нас куда дружелюбнее, чем встречали...

По дороге в Санта-Клара мы обогнали не один караван машин, груженных сахарным тростником. Они везли в государственные закрома урожай, выращенный на плантациях кооператива имени Моралиса Брито.

Народ стал хозяином богатства страны, сам охраняет его и сам умножает.

Перевел с узбекского А. Рахими.

¹ Маланга—разновидность картофеля.

Если Любишь...

Роман¹

Глава шестнадцатая

(Продолжение)

Торизо говорил медленно, спокойно. Он, видимо, успел продумать каждую фразу, его слова доходили до нас. Я почувствовал, что, действительно, глубоко прав Торизо. Надо постараться, чтобы работа кипела и днем, и ночью.

— А насчет силового русла,—Торизо улыбнулся и посмотрел снисходительно на стол, за которым сидели Краснянская, Джураев, Менжевецкий, Мансуров.—Так вот: направление этого русла, строить или не строить мосты — это дело мы еще обсудим.

Он сел.

— Мы же были у вас и обсуждали,—не выдержала Анна Яковлевна.

— Но пока предварительно,—ответил Торизо.

— Не предварительно, а окончательно. Вадим Семенович категорически возражает, а вы его поддерживаете,—настаивала Краснянская.

— Анна Яковлевна, мы оба правы! Вы его поддерживаете в одном, я — в другом...— И Торизо опять улыбнулся очень добродушно и чуть хохотнул. Анна Яковлевна покраснела и машинально постучала по графину.

— Мне хочется... Нам надо поговорить о машинистах экскаваторов,—продолжал Торизо. Лицо его снова было серьезно.— Среди этой публики надо провести некоторую профилактику.— И заметив движение Краснянской, словно боясь, что она опять его перебьет, сказал скороговоркой:— Нет, нет, вы не спорьте. Анна Яковлевна, надо проводить профилактику! Что из себя представляет машинист? Есть Алмазов — хороший машинист, слава богу, но у нас машинистами работают такие люди, как Агапов и Бессараба.

¹ Продолжение. См. «Звезда Востока» №№ 2, 3 за 1961 г.

— Бессарабу не троны!— это сказал один из нижников.

— Почему не троны!— поднял брови Торизо.— Его что, тронешь— он рассыплется?

Люди засмеялись. Умел Торизо говорить, знал, когда сказать серьезно, строго, когда пошутить.

Шумно встал Рашид.

— Он отличный машинист. Один месяц план не выполнил. Это Мансуров плохих ищет...— Он еще хотел что-то сказать, но остановился и, не договорив, сел.

Все притихли, всем интересно было, что скажет Торизо.

Он сказал:

— Раз хороший, значит, хороший. Мне о нем, действительно, Мансуров докладывал. Но план надо выполнять, товарищи, каждый месяц. А у нас за рычагом сидят коновалы. Есть? Есть! Вот о них и речь.— Торизо посмотрел на Мансурова и покачал головой. Опять засмеялись.— А вы, Абдулла Садыкович, до сих пор не смогли разобраться. Вам и Анне Яковлевне давно пора пересмотреть состав машинистов и их помощников.

— Да, это верно,— сказала Краснянская,— но мы кое-что в этом отношении предприняли. Школа экскаваторщиков действует.— И спросила у Торизо:— Вы кончили говорить? Тогда послушаем начальника экскаваторного парка.

Торизо утвердительно кивнул головой. Он был рад, что ему удалось переключить собрание с одного вопроса на другой.

Мансуров встал, волнуясь и краснея, стал рыться в старом портфеле и вытащил из него бумагу:

— О машинах мы позаботились пораньше,— сказал он,— но не осуществили задуманное, потому что кое-что следовало согласовать с товарищем Торизо, но все не удается. Так вот, позвольте мне...

— Что согласовать?— перебил его Торизо.— Об этом следовало подумать восемь месяцев назад. Наговаривать на честных людей, таких как Бессараба, находите время, а дела согласовать не удается?

— Позвольте мне,— вновь настоял на своем Мансуров,— доложить совещанию.

— Вы хотите доложить о приказе Краснянской?!— крикнул Тахтабаев с раздражением.— Это нам уже известно. Этих приказов полно везде: и здесь в коридорах, и на дверях в «Голубых скалах». Думали вы когда-нибудь о том, как работают машинисты? Хотите теперь возражать Торизо? Он прав. Машинисты у нас беспечные. Выезжать все время на одном Алмазове — не выйдет!

— Зачем вы его перебиваете? Пусть говорит... даже о приказе,— послышался голос Ирады.— В чем дело? Приказы надо уважать. И не только уважать... Надо и выполнять! Я считаю реплику Тахтабаева весьма странной. Говорите, Абдулла Садыкович!

Краснянская стучала по графину.

— Сказать, что машинисты наши никуда не годятся — это было бы неправильным. Если они работают за рычагами уже восемь месяцев подряд, это значит, что они что-то соображают. Но что они не без изъянов, это знаем мы все.— Речь Мансурова была смутная, непонятная.— Мы решили на место Агапова назначить Карима Юлдашева. А Агапова направить в распоряжение отдела кадров.

— Зачем Агапова направлять в отдел кадров, когда его можно сделать помощником машиниста, скажем, того же Юлдашева?— спросил Торизо.— Не понимаю...

— Потому, что Агапов слаб не только как машинист,— ответил Мансуров,— но и как помощник. Мне сменный инженер Джураев доложил, что Агапов работал бетонщиком. Сейчас в Ак-Чулаке от-

криваются курсы по подготовке арматурщиков и бетонщиков. Пусть Агапов обучает людей.

— Да, так будет лучше...— сказала Ирада.— Пусть идет в Ак-Чулак. Но главное — обводный канал. Срок слишком маленький. Нам предстоит еще выкопать тысячи кубических метров земли. А у нас всего девять экскаваторов. Тут надо думать не только о машинистах, но и о подсобных группах. Экскаваторы часами простаивают из-за электроэнергии — ее часто не хватает. И потом — возьмите подрывников. У них нет хорошего руководителя, человека, который бы управлял хозяйством твердой рукой. Часто срывают работу целой смены. Мало того, их беспечность приводит иногда даже к несчастным случаям! Христофор Дураниди тяжело ранен и лежит в больнице лишь потому, что взрывники не предупредили машиниста паровоза о сигнале. Стиль работы на участках необходимо резко изменить!

— Ира права, случай с Дураниди — возмутительный, — согласилась Анна Яковлевна. — Начальник подрывной группы снят с работы. Так, кто еще хочет сказать? Закир Гулямич? Пожалуйста!

— Строительство обводного канала сильно затянулось. И это имеет свои серьезные причины. Я смотрю, Михаил Николаевич, на вас и думаю: волнует это начальника Кинджикстроя? И делаю вывод: нет, не волнует! Слишком редкий вы гость у нас. А меня это очень беспокоит. И не только потому, что я парторг узла, нет! Будем говорить прямо... Вы крупный специалист, к тому же — начальник всего строительства. На эту должность направил вас ЦК... Вы можете и обязаны оказать Головному узлу помощь. Но где она, эта помощь? Месяц назад я позвонил вам, просил приехать на заседание бюро. Вы приехали? Стоял вопрос о школе экскаваторщиков. А знаете, как нам было трудно ее открыть? И мы открыли ее... Но без вашей помощи. Вы обещали нам дать еще два драглайна — не дали! Обещали дать подъемный кран — не дали! Кормим мы рабочих в столовой отвратительно! Скрывать это невозможно. Вы обещали дать указание отделу снабжения об отпуске картофеля, фасоли, мяса и макарон. Где они? Давайте говорить откровенно: будет Главное управление заниматься Главным узлом или нет? Я прошу Михаила Николаевича ответить.

— Будете говорить? — спросила Краснянская, обращаясь к Торизо. — Если нет, то разрешите мне заключить.

— Как же? После стольких обвинений... — произнес Торизо, стараясь не выказывать своего гнева. — Я не знал, что наш дорогой парторг обладает такими блестящими ораторскими способностями. Но должен сказать, он перегнул несколько... Позволительно спросить, для чего существует на узле руководство? Чтобы наблюдать за всем. А уж потом держать такие речи на совещаниях! Что, я за вас должен работать? Далее. Я обещал дать два драглайна. Я и дам их... Как только получу. У меня ведь не склад.

— Когда дадите? Когда кончим обводный канал? — бросил ему Джураев. — Спасибо вам за это!

— Я вижу, что вы не очень сдержаны, молодой человек, — сказал Торизо. — Давайте-ка поспокойней эти вопросы разберем в Главном управлении. Без истерики, спокойно, по-деловому. Мы, конечно, всегда помогали и готовы в дальнейшем оказать возможную помощь.

— Позвольте мне, — начала Анна Яковлевна. — Мы говорили о многих больных местах. Приказ о перестановке людей надо будет пересмотреть. Но главная речь — о сроках окончания обводного канала. По графику — конец марта. Но, может быть, сумеем пустить раньше? — И она стала подробно рассказывать о тех участках, где можно ускорить работы.

Когда она окончила, послышался голос Менжевецкого:

— Ну, а как быть с подземным каналом?

Торизо встрепенулся.

— Все время о нем думаю. Как по-вашему, Сигизмунд Генрихович, откуда он взялся?

— Когда-то на месте кишлака Кок-Бугаз был кишлак под названием Искандер. Вы понимаете?—Менжевецкий хитро улыбнулся.

— Ничего не понимаю. При чем тут кишлак Кок-Бугаз, Искандер?

— При том, что две тысячи лет назад на месте кишлака Искандер мог быть лагерь Александра Македонского, который...

— Но здесь все же не урок истории!—перебил его Торизо.— А мы не дети. Вы думаете, что этот канал построил Александр Македонский и за две тысячи лет с ним ничего не случилось?

Менжевецкий вынул из кармана небольшой камешек и положил перед Торизо.

— Чувствуете, какой тяжелый? Могу объяснить—это искусственный камень. Он сделан на свинцовом растворе еще с какими-то компонентами. Вот по такой трубе идет вода. Видимо, ее придется тоже отводить в сторону.—И Менжевецкий продолжал:—Несколько дней назад машинист Бессараба, работая ночью, с вышины стрелы опустил в землю ковш. Было сломано три зубца. Оказалось, что ковш ударился об этот старинный водяной футляр. В общем, надо лучше исследовать канал и отводить.

— Да, видимо, так.

Из зала поднялась рука, вслед за ней поднялся наш Карим. Когда он успел прийти, я не заметил.

— Я работал помощником у Бессарабы. Его критиковали, ладно. А почему Мансуров плохо помогает? А почему были перебои с энергией?

— Перебои не прекратятся,—заметил с места Турсунов,—пока не пустим ВТЭС. А мы и так там день и ночь...

— Еще вопросы есть,—продолжал Карим.—Почему вы говорите, что это только ваш инженерский спор?

— Это вы насчет акведука?—переспросил его Торизо и поморщился.

— Подождите, товарищ!—перебила Карима Краснянская.—Мы сейчас вам дадим слово.

— Вопросы можно?—продолжал Карим.—Куда попадут экскаваторы, когда мы закончим обводный канал?

— На котлован, на деривационный канал,—ответила Краснянская.

— Мы лучше пойдем рыть силовое русло. Зачем мосты строить, когда можно прямо в реку?

— Подождите, товарищ, сейчас вам дадим слово,—сказал Торизо.

— Я кончил,—и Карим сел.

Потом опять выступал Мансуров. Он сердился, обвинял всех машинистов, что они не хотят и не умеют работать. Говорил долго. Потом Турсунов сказал, что электробюро Головного узла сделало все, чтобы не было перебоев с энергией. Раньше узел получал энергию издалека, а теперь, когда привезли оборудование для ВТЭС, после ее пуска, вовсе не будет перебоев.

Я смотрел на этого человека и мысленно ставил рядом с ним Ираду. Вот Турсунов поднял руку, и я увидел его ладони, узкие и длинные. А пальцы, вероятно, сильные. Может быть, эта рука обнимала Ираду? Я поднял голову, но Ирады не увидел. Она сидела в первом ряду. Я постарался отогнать от себя эти мысли, но они лезли в голову. Я думал, что, наверное, сейчас, слушая Турсунова, Ирада уже не думает обо мне. Может быть, с этого собрания они пойдут вместе.

Потом поднялся Тахтабаев. Я знал, что он будет защищать машинистов и ругать Мансурова.

Он еще не начал свою речь, как в кабинете Краснянской резко зазвонил телефон. Краснянская кивнула кому-то, сидящему впереди. Поднялась Ирада, вошла в кабинет и не закрыла за собой дверь. Она что-то проговорила, и потом все мы, все люди, находящиеся в этой комнате, услышали, как она сказала:

— Сейчас, товарищ Серго.

Поднялся Торизо, направляясь к двери, и в дверях столкнулся с Ирадой.

— Нет, не вас,— Ирада указала на Краснянскую.

Анна Яковлевна подошла к телефону. Торизо за ней. Он плотно притворил за собою дверь. Мы все умолкли. Не слышно было скрипа скамеек, шепота. И тогда Ирада шагнула к двери и распахнула ее настежь.

— Да, да,— говорила Краснянская. Потом долго слушала, что ей говорил Орджоникидзе. Затем ответила на вопрос, заданный наркомом. И все поняли, что Серго спросил, когда будет закончен обводный канал. Краснянская сказала, что сейчас идет актив, собрание актива Головного участка. Потом снова слушала.

— Хорошо, товарищ Серго, я передам,— и стала прощаться. Звякнул звонок. Краснянская сразу вошла в зал, раскрасневшаяся, взволнованная, очень радостная.

— Товарищи! Несколько дней назад я дала телеграмму Серго насчет акведука и других наших дел. Серго получил телеграмму, он просил меня сказать вам, что хорошо бы закончить обводный канал в начале последней декады февраля. А насчет акведука — чтобы мы решили сами, как будет лучше, и если есть возможность сэкономить не два миллиона, а хотя бы два рубля, так сказал Серго, то надо это сделать, ибо каждый рубль, каждая копейка достается нашему народу с большим трудом. Так он сказал. И еще: пусть люди помнят, что через несколько лет будут стройки побольше и пограндиозней, чем наша, и что мы сегодня закладываем этот фундамент для будущего. И просил передать привет.

Глава семнадцатая

В бараке меня ждал Николай. Он сидел на краю кровати и брэнчал на гитаре. Когда я вошел, он убрал гитару и, поднявшись, снял с гвоздя свой замасленный ватник.

— Пойдем к Христофору,— сказал он.— Если ему лучше, то сегодня же поговорим. А то как бы не упустить этого гада.— Я понял, что речь идет об Архипке.

Часа через полтора мы были в Троицкой больнице.

Христофор лежал в маленькой комнатке, очень чистой. Там стояли еще две кровати, на которых сидели двое больных: один уже седеющий, с одутловатым лицом, другой молодой, бледный, усыпанный веснушками, рыжеволосый. Они о чем-то разговаривали. Кровати их были почти рядом. Христофор спал. Край одеяла чуть сполз вниз, открыв плечо в гипсовой повязке.

Мы остановились на пороге палаты и шепотом спросили:

— Давно спит?

— Только что заснул,— сказал рыжеволосый.— А вообще он мало спит. Беспокойный товарищ.

Мы вошли в палату. Большое окно выходило во двор, обсаженный деревьями.

— Мы тут спорим,— сказал рыжеволосый и кивнул в сторону своего собеседника. Тот, видно, страдал одышкой, тяжело дышал.— Насчет дорог спорим. Он говорит, что надо делать их фундаментально, на бетонном основании, а я считаю, пока идет строительство, можно обойтись обыкновенными грунтовыми дорогами. Лишь бы было достаточное количество грейдеров. Понимаете, он дорожник и я дорожник.

— Значит, нужны дороги и грейдерные, и на бетонном основании,— сказал Николай.

— Это мы сами знаем,— сказал рыжеволосый,— но нас интересует экономический эффект.

— Ну как... там... у вас... с экскаваторами...— начал говорить пожилой дорожник.— Нам ваш Христофор рассказывал.

Говорить ему было трудно. Он все время хватался за грудь, кашлял и ловил воздух. Чтобы не мучить его, я сам начал рассказывать о делах на обводном канале, о поручении Серго.

— Хороший этот ваш парень,— сказал рыжеволосый. Он встал с постели и сказал шепотом:— Выйдем в коридор, покурим.

Он дернул дверь, она вырвалась из рук и хлопнула по косяку. Христофор вздрогнул, приоткрыл глаза и некоторое время молчал. Потом, видимо, почувствовал присутствие посторонних, повернул голову и, увидев нас, прямо засиял от радости.

— О, хорошо, что пришли!

Я начал рассказывать Христофору новости.

— А я тут письмо получил от Эльпиде,— он взглянул на меня и добавил:— Она живет очень хорошо. Я ей написал, что лежу в больнице. Она может приехать, ухаживать за мной... Я, конечно, не писал ей, что со мной случилось.

— Христофор, давай поговорим,— сказал Николай и, посмотрев на меня, подмигнул, дескать, «можно говорить с ним» и добавил:— Давай, расскажи. Я давно хотел спросить: что с тобой случилось? Ты был ранен во время взрыва?

— Да.— Христофор подумал и повторил:— Да, во время взрыва.

— А как? Ты знаешь, чем был ранен?

— Нет, не знаю. Врачи говорят — камнем. Я, понимаешь, не успел залезть под машину, остался в компрессорном отделении. Помню только гул взрыва и больше ничего. Когда открыл глаза, уже был здесь, в больнице.

— А кто был рядом с тобой? Кто был около тебя?

— Около меня? Мы пришли туда... Нас было много. Потом с Архипкой помогали бурильщикам. Еще поругались с ним.

— Ругался?— воскликнули мы с Николаем в один голос.

— Да, поругались. Я ему сказал, что никогда не забуду его трусости, что он подлец, предатель, что я доберусь до него. Он очень ругался, но я больше не сказал ему ни слова. Работал. Он все заговаривал со мной, а я молчал. Он начал ругаться, даже один раз киркой замахнулся, а я молчал. Но это к делу не относится. Потом, перед тем, как начали отпаливать, я был в компрессорном отделении. Думал, как сюда залетят камень или порода? Кожух железный, толстый, думал, не пробьет.

— А где был Архипка?

— Архипка?— удивился Христофор.— Мы вместе были.

Христофор вдруг поднял голову и пристально посмотрел на Николая, перевел глаза на меня.

— Не может быть,— сказал он,— неужели ты подумал... Ух, я даже вспотел.— Он откинулся на подушку.

Я смотрел на его волнистые волосы, на лицо, побледневшее и похуевшее, и вспоминал, каким загорелым и сильным был Христофор в Батуми.

— Сколько тебе еще лежать, Христофор?— спросил Николай.— Что говорят доктора?

— Долго еще,— ответил Христофор. Он говорил задумчиво, тихо, даже, пожалуй, робко.— Еще недели две лежать. В гипсе ведь, а как снимут гипс, тогда другое дело...

— Да, долго,— вздохнул Николай.

— Мы за это время обводный кончим и котлован начнем рыть,— сказал я.

— Вот и хорошо,— сказал Николай,— он придет к нам прямо на котлован.

— Не знаю, смогу ли?

— Ты написал, чтобы она приехала к тебе?— спросил я Христофора.

Христофор улыбнулся краешком губ.

— Не беспокойся, она не придет.

— Я и не беспокоюсь, мне бы, конечно, хотелось ее увидеть, но...

— Ладно, ладно, не об этом речь,— перебил меня Николай.

— Никак не могу поверить, что это Архипка,— сказал Христофор.— Не могу поверить... И...могу поверить!

— Ладно, выздоравливай быстрее.

Николай вынул из кармана большие спелые гранаты, которые мы купили для Христофора, и начал аккуратно раскладывать их на тумбочке.

— От тебя одно требуется: выздоравливай быстрее,— повторил Николай.

Мы еще немного поговорили с Христофором и поднялись.

В долине Кинджика дул сильный ветер. Мелкий снег бил в лицо. Попутных машин не было, и мы пошли пешком к парому. Я посмотрел на Николая. Круглое лицо его было очень серьезно.

— Можешь не сомневаться,— сказал он,— я выяснил все. Когда ранило Христофора, я зашел в компрессорное, там, где он упал, на полу были капли крови. Я еще тогда обратил внимание, что камень никак не мог влететь в дверь, описать круг в воздухе и попасть сзади в голову и в плечо Христофору. А теперь, послушай. Когда раздался взрыв, в машинное отделение влетел кусок камня, он раздробил дверь, ударился, может быть, о раму и упал. Это видел Архипка. Он стоял рядом с Христофором. Он тогда схватил камень и бросил в голову Христофора, но попал пониже, в затылок и в плечо. Помнишь, что сказал Христофор,— он слышал гул. А что сначала бывает? Сначала взрыв, потом гул.

— Ну, тут может быть всякое,— заметил я.

— Нет, не всякое. Раз Христофор услышал гул, то его уже не могло ранить взрывом, потому что вся порода, все камни уже успели пролететь.

— Но были камни, которые полетели и в воздух.

— Правильно. Вот об этом я и хочу сказать. Одни камни разлетелись от взрыва в разные стороны, часть попала в машину. Правда, экскаватор стоял за отвалами, много камней и породы попасть в него не могло. Однако один все-таки попал и разможил эту дверь. А другие — понятно — долетели каждый до своей высоты и отвесно упали на землю. Они могли удариться только о крышу экскаватора. Значит, если Христофор слышал гул взрыва, он был ранен после взрыва. И Архипка, сволочь, все учел. Он не учел только одного — Христофор мо-

жет выжить. Может быть, Архипка бы его прикончил, да, видно, что-то помешало. Это одно.

— Но это трудно доказать!

— Трудно не трудно, но это — одно. Второе — вот что. Сегодня подошел ко мне один парень из нижников. — Николай хлопнул с силой кулаком об ладонь и продолжал: — Подумай — надо же! — как раз сегодня подошел и говорит, что слышал разговор. Ночью сидели у костра двое и крыли Христофора. Я спрашиваю, кто такие? А он отвечает: «Один ваш, который нижником работает». Словом Архипка. А другой по всем приметам Мушук. В полосатой, говорит, рубашке, в полушубке и фуражечке. Он. Спрашиваю, когда это было? Он точно не помнит. Спрашиваю: до того, как взорвали скалы или после? Говорит, до взрыва. После взрыва Архипка и Мушук не стали бы о Христофоре говорить. Вот какая история.

Все это никак не укладывалось в моей голове.

— С ними надо кончать, — сказал Николай. — Но ты, смотри, молчи!

Я представил, что может быть дальше. Ясно, Николай сам решил расправиться с Архипкой.

— Я не буду молчать, — сказал я.

— Почему?

— Потому, что ты решил сам с ним расправиться.

— А как же? Архипка хотел убить моего лучшего друга, а я должен с ним чикаться?

— Чикаться не надо, надо судить.

— Я и буду его судить.

Николай выставил вперед свою крепкую руку и сжал ее в кулак:

— Я давно умираю от желания прижать вот этими пальцами его тощую шею и избавить человечество хотя бы от одного зла.

— Нет, нет, Николай, не смей!

— Чудак ты, Джедвед, — улыбнулся Николай, — если сегодня не придавлю его, то завтра вы найдете меня на берегу без головы.

— Его надо судить, понимаешь, судить.

Когда добрались до пристани, паром был на середине реки и шел к нашему берегу. На нем стояла легковая машина, а вокруг нее чернела неподвижная многоголовая толпа людей. Мы помогли зачалить паром и посторонились, пропуская людей, высаживающихся на берег. На пароме я заметил Мушука. Он облокотился на перила и спокойно курил, сплевывая в реку. Увидев нас, он кивнул головой и улыбнулся. В толпе промелькнула Екатерина Васильевна. Она увидела меня, но отвернулась, словно не заметила, затропилась. Последним на берег сошел Мушук. Шел он широкими шагами, покачиваясь из стороны в сторону. Кандыба проводил его взглядом.

— Тоже мне, моряк! Форсит, ишь!.. Пижон!..

В этот день работалось нам очень плохо. Ветер, поднявшийся вечером, превратился в бурю. Он вздувал воды Кинджика, река стала белой, запенилась. Иногда ветер доносил до нас брызги. В довершение всего несколько раз обрывался трос. Работать в рукавицах было неловко, а дотронуться рукой до железа невозможно — рука сразу примерзала. В конце смены, когда тросу, кажется, надоело лопаться, Алмазов умудрился сломать зубец ковша. Значит, там, внизу, опять начались сплошные скалы. Нужно их подрывать. Все это — время, время, а его с каждым часом становилось все меньше. Алмазов и Юлдашев ругались на чем свет стоит. Да, это была очень трудная смена.

Когда мы вернулись, дома был один Рашид. Он спал так крепко и так храпел, что пришлось его повернуть на бок. Мы сделали это вместе с Николаем. Рашид что-то промычал и снова сон свалил его, но хра-

петь он перестал. Я тоже лег. Николай взял гитару и запел. Потом сказал:

— Шли однажды из Марселя в Барселону. Я две вахты выстоял. Звезды низко, низко. Вообще в Испании...

Дверь барака открылась. На пороге появилась Валя.

— Все поешь?— сказала она Николаю, оглядывая нашу комнату. Николай не ответил. Я уткнулся в подушку и засопел носом. Валя, видимо, подошла к Николаю и села рядом на постель.

— Спой, Валя!

— Чего тебе спеть?

— Спой что-нибудь про Испанию.

— По-испански не умею.

— Зато пьешь ты, как лошадь.

— Николай! Ты знаешь, почему я пью.

— Хватит. Хочешь пей, хочешь не пей. Мне что?

Снова забренчала гитара.

— Ты чего пришла?— спросил Николай.— Ко мне?

— К тебе.

— Клясться будешь?

— Нет, клясться не буду. Мне Рахиль сказала, что ты против Архипки.

— Я против Архипки? Что ты! Напротив, это мой лучший друг. Мой и Христофора. У нас нет лучшего друга, чем Архипка.

— Ты все шутишь?

— Какие тут шутки, истинная правда. А ты что, за него пришла просить?

— Не за него, а за нее, за Рахиль.

— Что ж она, сама не могла прийти?

Наступила пауза.

— У нее никого нет,— сказала Валя.

— У нее?— засмеялся Николай.— У Рахили никого нет? У нее, милая моя, столько найдется, что тебе и не снилось.

— У меня, ты ведь знаешь, не больно много знакомых.

— Да я не про тебя. С кем ты, кто у тебя, меня не касается. Вашу бражку, Вальку и Рахильку, вся стройка знает.

— Ладно, Николай, не обо мне речь.

— Ты что, пришла ко мне честь Рахилькину защищать? У нее без меня защитников много.

— Много, да таких ей не надо... За что он его?

Николай не отвечал.

— Николай! Скажи мне, ведь мы когда-то...

— Что было, то прошло.

— Ты скажи, за что?

— Вы спрашиваете, мадемуазель, за что ваш Архипка покушался на жизнь честного рабского Христофора Дураниди? Так я вас понял? — Голос Николая стал грубым, резким, злым.— По трусости. Боялся одного глаза Христофора, понятно? Теперь вы поняли?

— Ты только не кричи, я все поняла.

— Ну, тогда иди,— уже спокойно сказал Николай.— Прощайте, миледи.

Она ушла. Николай поднялся с койки, подошел ко мне.

— Ладно, вставай! Все слышал, небось?

Я поднял голову.

— Слышал.

— Ты подумай!— возмущался Кандыба.— Пришла просить. И за кого? Вот и ты такой же жалостливый! Дескать, не трогай Архипку.

А вот мне жаль Христофора и Рахильку. Люди — как им помочь? Если хочешь помочь Христофору, надо убить Архипку, а это Рахильке не понравится. Вот тут и разберись, что к чему. Все это чувства. Пусть мучается Рахиль. Не из-за Христофора, а из-за своего... Метаться не надо. Один выбор. А ты, видимо, из таких: то этого жаль, то того. А правду тебе не жаль?

Я пытался урезонить Николая, но он кинул на койку гитару, вышел из барака и хлопнул дверью.

Я тоже вышел на улицу. Поднималось солнце. Ноги привели меня в «Голубые скалы». Я открыл дверь, там было много народу: кто-то ругался, кого-то уговаривал Тахтабаев. Я пошел вдоль обводного канала. Сверху мне была видна большая группа людей. Они стояли на берегу Кинджика. Среди них я узнал Менжевецкого, Джураева, Турсунова.

— Вы что здесь делаете?— услышал я около себя голос Ирады. Она была серьезна, строга, холодна.

Я рассказал о ночной смене, о том, что мы были у Христофора. Не успел я всего рассказать, как из-за насыпи послышались голоса. Турсунов и Джураев поднялись наверх. Их сопровождала милостивая девушка в берете и в каком-то очень узком и легком пальто. Ей, видно, было очень холодно. Яркий шарф она повязала поверх берета. Рядом с ней шли двое в шляпах, клетчатых пальто и в ботинках с крагами. Они все время потирали уши. Кто-то из них бросил короткую фразу. Девушка в берете перевела:

— Синьор Кроччи приветствует ту милую парочку, свидетельствующую о том, что человек везде остается человеком.

— Вы что здесь делаете?— спросил больше Ираду, чем меня, Джураев.

— Мне Бекиров рассказывал о Дураниди.

Второй иностранец вынул трубку и попытался разжечь ее при помощи зажигалки.

— Вьетер,— сказал он по-русски.

Переводчица добавила:

— Господин Марки говорит, что у вас очень сильный ветер.

— Это мы поняли,— сказал Турсунов.

Переводчица улыбнулась:

— Я привыкла переводить.

Джураев начал рассказывать.

— Это все грандиозно,— говорил Кроччи.

Я потом узнал, что это были итальянские инженеры. Они работали в шведской фирме, проектировавшей гидротехнические сооружения.

Кроччи продолжал:

— Но ваши газеты слишком много кричат. Я думаю, что в мире все делается не по совету репортеров, а с помощью золота. Золото — это станки и машины. Этот канал можно было бы построить за месяц. Нужна энергия.— Он повернулся в сторону Вахида Турсунова.— Вы говорили, что раньше не хватало энергии. Купите готовые дизели в Америке, в Германии...

— Но мы обводный канал сдаем раньше срока на месяц,— Джураев вежливо улыбнулся итальянскому инженеру.

— Это я все знаю, это все хорошо, это у вас называется ударная бригада. А у нас называется — большой интерес. Больше процентов, больше интереса — одно и то же.

Джураев мягко, вежливо объяснил разницу: фабрики, шахты, гидростанции у нас для всех. Мы работаем на себя. Вот создадим промышленность — и весь народ будет жить лучше, богаче.

— Это называется,— вставил уже по-итальянски инженер Марки,— это называется: догнать и перегнать.

— Вы думаете, не перегоним?— снисходительно улынулась Ирада.

— Эта синьорина немножко самоуверенна, но в ее возрасте это простиительно,— сказал Марки.

— Синьорина — инженер смены, она в той же должности, что и я.

— Замечательно, что молодежи дают дорогу!— воскликнул Марки.— И мне давали дорогу.— Он начал рассказывать:— Я родился на острове Капри, который знают все. Но там есть Анакапри, высокие пустые скалы, это знают те, которые долго живут на острове. Там мальчишки пасут коз. А туристы ездят на Анакапри на машинах. Там сохранились развалины дворца римского императора Тиберия. Мне сказали: вы молодой инженер, хотите преуспеть в жизни. Проложите новую дорогу на Анакапри. Да, да, синьоры, вы можете поехать туда и посмотреть, что я сделал, когда был молодым инженером. Каждый сантиметр этой дороги — это мои слезы и мой пот. Я знал, что если я не справлюсь с дорогой, то фирма отправит меня к дьяволу. Вот что я сделал, когда был таким, как эта прекрасная синьорина и ее друг.

— Мой путь инженера был легче и проще,— сказала Ирада.

— Да, да,— вздохнул Марки,— у вас проще. А ваш молчаливый друг, он тоже инженер?

— Нет, он рабочий, простой нижник.

— О, нижник!— удивился Кроччи.— Вообще в вашей стране все удивительно и все прекрасно. Правда, мы поступаем иначе, но мы ведь люди с того света!— Он засмеялся.— Пусть поверит господин Джураев, я не капиталист, я — инженер, я честно работаю для Советского Союза, и для меня самое главное — мои проекты. Я строю Советам и капиталистам. Мне все равно. Я вне политики.

— Довольно, старина, говорить о политике,— прервал его Марки.

Они двинулись вдоль насыпи. Ирада пошла с ними. Я остался.

Глава восемнадцатая

Вечером сидели в бараче. Теперь нас — шестеро. Не было Христофора, не было Карима.

Рашид читал вслух книгу. Прочтет два слова — задумается, потом снова начинает. Кандыба пробовал прислушиваться, но Рашид читал слишком медленно. Это раздражало Николая. Он брал гитару, начинал что-то наигрывать. Но какие-то слова, прочитанные Рашидом, заинтересовывали его, и он слушал и злился.

...Я вспоминаю это сравнительно недалекое время, моих друзей, людей не очень грамотных, но чистых и прекрасных. Люди труда — мы на стройке проходили свои университеты.

Мы все были тогда немного наивными. Помню, в комитет комсомола пришла, очевидно случайно, бумажка. На листочке было напечатано, что комсомол взял шефство над шахтами Шпицбергена и объявляет набор молодых шахтеров. Записаться можно в райкомах комсомола. В те годы комсомол направлял молодежь на лесозаготовки, на военные корабли Балтики и Черноморья, на стройки, на поля... Он был шефом шахт, домен, гидростанций, заводов...

Шпицберген так Шпицберген. Холода? Северный Ледовитый океан? Ну и что ж такого? Раз мы шефы... И много людей записалось у Ирады.

— А ты поедешь?— спрашивал я Ираду.

— Конечно,— с гордостью отвечала она.

Потом выяснилось, что нас не берут на Шпицберген: ведь плотина на Кинджике тоже подшефная стройка. Листовка относилась к тем комсомольцам, которые еще не были мобилизованы. И мы остались на Кинджике.

Да, все мы были немного наивными энтузиастами.

Я вспоминаю Кандыбу. Он тогда очень интересовался книгами, но сам не читал — не привык, не умел. А Рашид, хоть и читал медленно, но много. Он верил книгам, был уверен, что в книгах все — правда, что все герои продолжают где-то жить.

Вчера у моей дочери были гости — ее сверстники. Они дружно упрекнули Пикассо в увлечении абстракционизмом. Кто-то из юношей читал книгу Луи Арагона о Курбе. Начался спор об импрессионизме. Назывались картины Клода Моне, Дега, Писарро. Сейяре сыграла им мой любимый ноктюрн, и, как только она встала из-за рояля, они немедленно затеяли спор о Ван Клиберне и Гилельсе.

Вот они, наши дети, наши студенты — умные, образованные, с широким горизонтом. Да и мы уже не те. Да и жизнь другая.

Я учился в институте на вечернем отделении. Жили в общежитии. Нам фанерой отгородили уголок в комнате. Несколько месяцев в году я работал только в ночную смену, чтобы день был свободен. Ирада уходила в восемь, а я, укачивая Сейяре, читал книги, готовился к занятиям. Приходилось часами ходить по каморке, укачивая дочь. Ей нельзя было давать плакать: там, за перегородкой, тоже занимались. В четыре приходила Ирада, к шести вечера я уходил в институт, а ночью на электростанцию, где я работал дежурным монтером.

В те годы я мечтал только об одном: поспать.

Летом сорок первого года я защищал диплом, и моим первым свободным воскресеньем оказалось 22 июня...

Я говорю себе: хорошо, что у меня в жизни было много трудностей, которые удалось преодолеть. И правильно, что сейчас мы крепко взялись за трудовое воспитание нашей молодежи. В институте студенты моют полы, окна, работают кочегарами. Сейяре сама стирает и кое-что шьет. Так же и ее подруги. Иной раз соберутся, раздвинут столовый стол, что-то рисуют, кроют. Это все хорошо, но среди молодежи встречаются и другие. В одном молодежном журнале я прочитал письмо девушки. На полях журнала стоял огромный вопросительный знак, подчеркнутый двумя жирными линиями. Видно, в этом проявилось возмущение Сейяре. Действительно, в журнале напечатали вопрос наивной дуры и ханжи: «Дорогая редакция! Правильно ли будет, если я, студентка, полюблю простого рабочего?»

Много еще надо воевать с мешанством, чтобы воспитать поколение коммунизма.

Вот о чем я сейчас думал, вспоминая своих друзей по бараку. А в тот вечер сидели мы дома шестеро... Николай хочет, чтобы Рашид читал быстрее, ему интересна книга. Он снова откладывает на постель гитару и прислушивается.

Бессараба по обыкновению что-то ремонтирует. Он приносит с собой какие-то детали и потому на полу около печки всегда чернеет жирное пятно. Это — рабочее место Бессарабы. В уголке он держал в жестянках и керосин. Бессараба считал, что в механике самое главное — отмыть грязь. Когда кто-нибудь принимался помогать ему, он всегда говорил:

— Подожди, надо сначала смыть грязь, а потом видно будет.

Это было очень высокого роста, худой человек с бледным, узким лицом и длинным носом. Нос заканчивался как-то внезапно — словно он был острым, а потом его обрубали. Христофор однажды высказал эту мысль вслух. Архипка заметил:

— Нет, это игра природы.

Присутствовавший при разговоре Бессараба слушал весьма равнодушно. Потом, когда речь уже шла о другом, он рассмеялся:

— Скажут, обрубили! Какой был, такой и остался.

— Ты о чем?—спросили его.

— Чудак! Такой нос у меня с малолетства.

Единственная страсть, которую мы замечали за ним,—это возня с деталями. Он всегда что-нибудь ремонтировал. Причем, это было вовсе не странностью, а подлинным интересом к механике.

И все это ложь, что он плохо работал. Правда, однажды за невыполнение плана смене Бессарабы присудили рогожное знамя. Это знамя Бессараба принес в барак и поставил в тот угол, где у него стояли жестянки с мазутом и керосином. Мы шумно возражали. В нашем бараке рогожное знамя! Но Бессараба не удостоивал нас ответом. Когда же ему пригрозили это знамя выкинуть, Бессараба вдруг громко захохотал:

— Чудаки! Вот чудачки. Знамя есть знамя. Чудаки. Не понимают, что знамя все равно знамя. Вот чудачки!

Как-то мы пришли в барак и увидели, что знамя кто-то унес. Оказывается, его передали коммунхозу, где было много летунов и прогульчиков.

На машине Бессарабы нижниками работали такие же спокойные и молчаливые люди, как он сам. Таким же был и Басит Атакулов — старший нижник, краснощекий парень среднего роста, лет двадцати. Лицо у него было белое, а брови густые, черные, волосы тоже были черные, словно политые тушью. Он прежде работал у отца, помогая ему в гончарном деле.

Атакулов был молчалив, но на одну тему он мог говорить бесконечно. Обычно он начинал рассказывать, как сам говорил, с самого начала. Был он еще ребенком, когда стал помогать отцу. Ему не было и четырех лет, когда он сам на ручном гончарном кругу сделал себе чашку, да такую, что отец, который в это время закладывал дрова в гончарный горн, не поверил, что это Басит сделал самостоятельно.

Отец спрятал эту чашку, и она, эта чашка, до сих пор хранится в доме. А потом Басит так усовершенствовал ножной гончарный круг, что многие гончары зазывали его к себе, чтобы он и им оборудовал такие же.

Басит иногда закрывал глаза и показывал, как он работал, как вращал круг ногами, как двумя руками формовал сосуд, как потом срезал с круга ножом напльвы и ставил свое клеймо на дне посуды.

Он очень волновался, когда рассказывал, как он начал ссориться с отцом. Он работал иначе и, как ему казалось, лучше, чем отец. Постепенно накапливались обиды, и каплей, переполнившей чашу терпения, был случай, когда Басит поспорил с отцом из-за ворованных красок. Кто-то принес краски. Басит знал, что они нечестным путем попали к ним в дом. Он сказал отцу, чтобы тот отнес их обратно. Отец раскричался на него, и тогда Басит закричал на отца, а потом он ушел из дому и пришел сюда.

Атакулов, видно, так привык к Бессарабе, к тому, что тот всегда молчит, что научился понимать все его безмолвные приказания. Очень интересно было смотреть на них. Вот Бессараба кивнул головой в сторону, и Басит поднялся с колен и пошел за керосином. Потом, пыхтя, они стали оттирать деталь.

Николай Кандыба, которому, видно, надоело слушать чтение Рашида, подсел ко мне и заглянул в мою книгу. В это время кто-то сильно рванул дверь.

На пороге появился Мансуров.

— Общий подъем!— закричал он.

— Что это за аврал?— спросил у него Кандыба.

— Да, аврал. Все пошли за мною! Там вас ждут Менжевецкий и его геологи.

— Где там?

— У вашего экскаватора,— сказал Кандыбе Мансуров и приказал:— За Алмазовым найдите кто-нибудь. И вообще вас можно поздравить— подземный канал будем вскрывать под вашим участком.

— Не было печали, так черти накачали,— воскликнул Архипка.

Мы быстро собрались и вышли из барака. Там остались Бессараба и Басит Атакулов: они не умели торопиться.

На дне обводного канала было совсем темно, когда мы забрались туда, не понимая, зачем нужно было именно в это время начинать вскрывать подземный канал. Правда—надо отдать должное Турсунову,— когда начали копать, прожектора и яркие лампы на шестах осветили весь участок работы.

Менжевецкий указал нам место, и мы начали рыть землю. Сверху она уже замерзла, а внизу была мягкой. Мы выкопали ров, длиной метров в пять и в глубину около метра. Нам казалось, что рыть дальше нет никакого смысла, но Менжевецкий спокойно подал знак: продолжайте. Руки он засунул в карманы пальто, лишь большие пальцы выставил наружу и время от времени пошевеливал ими. Наконец он увидел, что роем зря, и наметил место для другой траншеи. Мы углубились более чем на метр, и внезапно Бессараба, который ни на минуту не выпускал из рук кирки, стукнул по камню. Еще раз.

Менжевецкий подошел, молча взял из его рук кирку и начал работать. Мы откидывали лопатами большие куски слезавшейся мокрой глины.

Вот он, плоский камень. Мы очень устали, но при чем тут усталость, когда все загорелось жаром открывателей и исследователей. Мы сгрудились около камня. Если к нему приложить ухо, отчетливо слышно, как шелестит вода. Потом стали расширять круг. И часа через два отрыли, большую четырехугольную трубу. Она пересекала обводный канал. Ни ломом, ни лопатой поднять плиту было невозможно. Тогда в канал опустили ковш экскаватора. С большим трудом удалось зацепить ковшом край каменной плиты. Трос натянулся, и кусок камня надломился и отлетел в сторону. Когда ковш подняли, в большом отверстии мы увидели спокойное течение воды. Воды было много. Менжевецкий опустил в отверстие шест, вода отшвырнула его в сторону, к стенке—такое сильное было течение. Менжевецкий поднял шест и посмотрел на зарубку.

— Пятьдесят пять сантиметров.

Мы отошли от этого места метров на десять и снова стали рыть траншею. Здесь мы быстро напали на каменную трубу. Видно, она шла под уклон. Снова с помощью ковша вскрыли верхнюю часть четырехугольной трубы—вернее, не вскрыли, а сломали, потому что она была припаяна к поперечным бортам. Вода в канале не шумела, а плавным ровным потоком лилась вниз. Потом мы начали рыть третью траншею. И снова напали на трубу. Здесь она сворачивала в сторону Кинджика. Стали выламывать третий камень. Когда ковш двинулся, взламывая крышку, Рашид устремился к свободному пространству и опустил вниз большую лампу. Но лампа отклонилась в сторону, и мы услышали всплеск и, скорее догадались, чем увидели, что Рашид упал.

Через секунду я был у второго отверстия, поднял шест и, ухватившись за него двумя руками, опустил ноги в яму. Ноги мои откинула сильная струя воды, и в то же время Рашид ткнулся в них и зацепился.

Он стал подниматься по моим ногам. Я услышал, как мне крикнули, но что — не разобрал. Вдруг я почувствовал, что Рашид соскользнул и опять упал в воду. Его поволокло дальше.

— Басит! Басит! — это крикнул Бессараба.

Прошло, быть может, несколько мгновений. У третьей ямы Рашид ткнулся в ноги Баситу. Он стоял в канале. Затем все услышали голос Менжевецкого, спокойный и властный:

— Все шестеро! Сюда!

— Вылезай! — крикнул Рашиду и Баситу Менжевецкий.

Кто-то подал руку Баситу, вытащил его, потом та же рука опустилась вниз, и рядом, отряхиваясь и брызгая, брякнулся на землю Рашид. Я увидел длинную фигуру Бессарабы и удивился невероятной силе этого человека. За мокрый ватник он прямо выдернул из воды подводного путешественника.

— Ну, бегом в «Голубые скалы!» — приказал Менжевецкий.

Так закончилась вскрыша канала. Работы на нашем участке были приостановлены, экскаватор передвинут на сто двадцать метров в сторону.

Я сразу же расскажу конец истории с подземным каналом. Археологи подтвердили предположение Менжевецкого, что канал очень древнего происхождения. К их великому сожалению, пришлось этот действующий исторический памятник забетонировать. Интересно, что, когда в одном месте завалили канал, то в трех километрах от соцгорода в горах вдруг открылся мощный родник, возможно, артезианского происхождения.

Если теперь вы приедете в город Кинджик, то обязательно попробуйте водопроводную воду. Это родниковая вода, очень вкусная, приятная. Течет она частью по древнему каналу, и из него вливается в подземную магистраль.

Когда мы вернулись в барак, там уже были Архипка, Кандыба и Бессараба. Мы обменивались впечатлениями, а Архипка с завистью смотрел на нас.

— Надо было и мне искупаться, — пожалел он.

— Сейчас искупаешься, — сказал Николай, — сейчас у нас будет веселый разговор.

Николай говорил спокойно, но видно было, что он сдерживается. Наступил момент расплаты с Архипкой.

— Слушайте, сейчас этого гада мы будем уничтожать.

— Ты о чем? — взвизгнул Архипка.

Николай сощурил свои голубые глаза.

— Ты чего глазами стреляешь? — разозлился Архипка. — Говори, что нужно?

— Сейчас скажу. — Николай опять поглядел на Архипку. — Вот был у нас один общий друг Христофор. Где он сейчас? В больнице. Словом, вот что. Кто его туда отправил? Вот этот гад. Знайте, не взрывом ранило Христофора, а во время взрыва — Архипка!

— Кто?! — взъярился Архипка.

— Ты!

— Это я?!

— Ты. Ты покушался на убийство, да не вышло.

— Кто?! Я?!

— Да, ты, ты. И сегодня я избавлю Головной узел от тебя.

— От меня? — Архипка выбежал на середину барака, схватил табуретку, но Николай сделал несколько шагов, спокойно выхватил табуретку, чуть толкнул Архипку и, взмахнув табуреткой, жажнул ее об пол. Да так, что щепки, словно брызги, полетели в стороны.

Этот молчаливый довод произвел впечатление на Архипку. Он уселся на кровати.

Николай сказал:

— Этот гад решил убить Христофора. Он думал, что ему все простят! Думал, что и Христофор простит ему, что он бежал с экскаватора. А Христофор не мог этого забыть. И вот Архипка его подстерег...

— Врешь ты все!— заорал Архипка. — Не подстерегал, не трогал я его!

— Ладно, я не буду разбираться. Это там скажешь, кому следует. Пошли!

Мы все сидели молча. Рашид попытался что-то сказать, но Николай одернул его:

— Молчи! Слушай! И не влезай в разговор. Если убивать этого гада буду, тогда влезай...—И, повернув свое разгоряченное лицо к Архипке, продолжал:— Не убью! Сам не убью! По справедливости поступлю!..

— О чем ты толкуешь?— рычал Архипка.— Куда ты хочешь меня отправить? Что-то я плохо слышу...

— В Ак-Чулак... В оперативный отдел.

— За что?

— За покушение на жизнь Дураниди. Пошли.

— Я?! С тобой?!— вновь заорал Архипка.— Ты что? Неужели ты думаешь, что родился человек, который мог бы отвести меня туда?

— А ты думаешь, нет?— ехидно спросил Николай.— Вот сейчас ты пойдешь со мной. Я тебя поведу!

— Ты? Кандыба? Знаешь ли, это тебе не Пятиречье!

— Пойдешь!

— Брехня!.. Ложь! Христофор был ранен во время взрыва. Это знают все! Отцепись! Будешь еще приставать, плохо кончится.

— Ты что, угрожаешь!..— закричал Кандыба.— Благодарю Джевдеда за то, что он запретил мне отделить твою трехугольную башку от тонкой шеи. Благодарю его! Мои руки сразу зачесались, когда я узнал о твоей подлости. Идем.

— С тобой?

— Да, со мной! А что? — спросил Кандыба.— Тебе неприятно со мной идти?

— Ты что думаешь? Если ты посмеешь подойти ко мне, то от тебя останется одно воспоминание. Учти!

Архипка сжал кулаки, раздвинул ноги и, чуть подавшись грудью вперед, приготовился броситься на Кандыбу.

— Пошли!

— Чего ты ко мне пристал?— кричал он, подходя к Николаю.— Что ты от меня хочешь?

Все мы видели, что он трусит, боится Николая, что кричит от бешенства.

Кандыба побледнел, губы его забились, ноздри задрожали. Он не мог произнести ни слова, схватил Архипку за грудь и выволок из барака.

— Пират! Конокрад!— кричал Архипка, продолжая вырываться.— Отпусти! Дай мне хоть закрыть чемодан!

Спустя несколько минут, мы увидели в окно, как они шагали по дороге. Архипка шел короткими, быстрыми шагами, осторожно ступая на мелкие скользкие ледяные бугры. Николай следовал за ним...

Глава девятнадцатая

После собрания актива прошло немало времени. Мы начали постепенно привыкать к новому темпу работы. Для того, чтобы открыть

в конце февраля обводный канал, нужно было вынимать грунта на одну треть больше, чем прежде. Достигнуть этого увеличением рабочих часов было невозможно: ведь за одной сменой следовала другая. Нужно было что-то придумать. Об этом было много разговоров и на собраниях эксковаторщиков, и в «Голубых скалах». Каждый день приходила к нам во время работы Ирада и снимала хронометраж. Мы решили работать без обеденного перерыва. Из столовой нам приносили гуляш и чай. Для того, чтобы съесть тарелку гуляша, требовалось не больше одной минуты, но за эту минуту кружка с чаем успевала все-таки остыть. Два-три куска хлеба можно было положить в карман и доесть потом. Словом, обеденный перерыв длился не больше пяти минут. И все же в первые дни мы нового плана не выполняли. Конечно, работая в обеденный перерыв, мы кое-что делали, но это было, к сожалению, только кое-что.

Бессараба нам говорил, что у него дела пошли.

— Стали работать быстрее,— объяснил он.

Но подобное объяснение нас не устраивало. Мы понимали, что надо экономить время долями секунд, то есть управлять машиной так, чтобы цикл завершался быстрее. Цикл работ состоял из очень простых движений — опустить ковш, поднять его и опрокинуть на насыпь или в вагон. Можно все эти операции делать за полминуты, а можно и за минуту. Многое зависит, конечно, от грунта, глубины канала, от подачи энергии. Мы это понимали и без Бессарабы. Однако все, что он говорил, выслушивали внимательно. Мы вообще последнее время старались прислушиваться ко всему, что относилось к экономии времени. Понимали, что дело не пойдет, что канал не закончить, если срочно не придумаем чего-нибудь.

Карим в бараке появлялся редко. Его машина стояла в верхней части канала, ходить туда было далеко, волей-неволей пришлось ему перебраться от нас. Правда, в тумбочке оставались его вещи. Он заходил к нам, тем более, что работал в одну с нами смену, но мы понимали, что у него свои дела, свои заботы.

У Карима дела шли неважно. Он так же, как и мы, работал в обеденный перерыв, но у него было несколько аварий — то перегревался мотор, то рвался трос, то что-то не ладилось с компрессором.

Приходил Мансуров, останавливал машину и минут пять убеждал, что нужно экономить каждую секунду.

— Вы к другим зайдите,— советовал ему Алмазов,— нечего нас агитировать.

Говорили, что он обходит всех машинистов и всех агитирует, но реально никому ничем не помог. Только Тахтабаев, который за эти дни оброс бородой и осунулся, взял, как он говорил, трех машинистов на свое попечение и не уходил все три смены, находясь то в машине, то с нижниками.

Однажды в барак пришел Карим. Поздоровался со всеми за руку. Потом сел на кровать рядом с Николаем, молча оглядел нас и сказал спокойно, очень уверенно:

— Я придумал. Теперь выполним в срок, как обещали Серго.

Это было так удивительно, что все мы сгрудились вокруг него.

— Теперь выполним,— повторил Карим.— Я совсем недавно придумал, может быть, всего два часа назад.

Он вынул из кармана листок бумаги, развернул его. Мы увидели чертеж ковша.

— Надо увеличить ковш, если можно, даже вдвое увеличить. Если трос хороший, то выдержит, обязательно выдержит. У нас почему тросы рвутся? Заденет за камень и не выдерживает. А у многих еще ни разу не рвался. Я рукоятку держу и как будто ладонью чувствую,

где ковш, что делает. А если трос, как жила, натягивается: ага, значит за что-то зацепило.

Карим посмотрел на Николая и спросил:

— Так?

Мы все разом заговорили. Да, конечно, это был выход, простой, очень ясный, понятный всем выход. И как это нам не пришло в голову! Но где взять такой ковш? Можно ли его будет переделать?

На заседание пришел и Вахид Турсунов. Он был выбрит, на лице сохранились следы многих порезов, видимо, он торопился. Глаза воспаленные, усталые.

— Я попросил товарища Турсунова прийти к нам на заседание комитета комсомола, — сказала Ирада и улыбнулась Турсунову. Он тоже улыбнулся. — Хотя ян очень занят там, на ВТЭС, на строительстве станции, он нам поможет в конструировании.

«Какое отношение он имеет к конструированию?» — думал я.

Потом пришел Джураев. Он звонил в Ташкент, и ЦК комсомола решил поддержать предложение комсомольцев Кинджикстроя. В ЦК комсомола обещали, что как только чертежи нового ковша будут готовы, работники примутся за дело: на одном из заводов Ташкента добьются, чтобы такие ковши были сделаны ускоренными темпами.

Так простая мысль Карима заставила десятки и сотни людей рассчитывать, конструировать, резать металл, сверлить его.

Когда мы увидели новый экспериментальный ковш, размеры его нам показались невероятными. Но на машине Карима был поставлен новый трос, и Карим, наш Карим, к которому мы привыкли, вдруг на наших глазах переменялся, стал совсем другим.

Он не хотел сразу начинать работать. Он сперва решил опробовать ковш. Осторожно приподнимал его, потом поворачивал стрелу. Казалось, он прислушивается к работе всего механизма. Хладнокровие, спокойствие, которое проявлял Карим, нас радовало и огорчало. Вот, оказывается, какой расчетливый, осторожный! Вот почему не мы, а он придумал новый ковш. Но чего он так тянет? Нам хотелось поскорее увидеть это новшество в работе. Наконец Карим начал поднимать ковш, но очень медленно. Мансуров, Турсунов (во время эксперимента у машины Карима собралось человек двадцать) кричали ему что-то, торопили. Он всем кивал головой, вежливо улыбался и продолжал делать по-своему. Так прошло с полчаса, может быть, больше.

Никто не заметил, как ковш стал двигаться быстрее. Сначала быстро опускался, потом быстро поднимался и делал широкий разворот в сторону отвала. Кто-то из инженеров засекал время.

Цикл производился в шестьдесят две секунды. Все стали смотреть на часы, замечая, что с каждой минутой цикл завершается быстрее и быстрее. Кто-то кричал:

— Уже пятьдесят четыре!

— Пятьдесят два!

— Сорок восемь!

— Пятьдесят!

— Сорок пять!

— Снова сорок пять!

Один цикл за сорок пять секунд — и был тот темп, который, наконец, избрал Карим. И было удивительно, как он, не глядя на часы, работает так точно, словно каждое движение отмерено секундной стрелкой.

После работы он пришел к нам в барак.

— Знаете, ребята, так боялся, так боялся... Если бы я один — ничего, а то ведь, смотрите, какой шум. Могло ведь не получиться. Что тогда?

Себя не жалко. А как тем, кто поверил мне? Как им?

И он стал советовать, что нужно сделать, когда и мы получим новые ковши.

В тот же день на Головном узле получили приказ Торизо — выдать премию Кариму и конструкторам. Я не знаю, получили ли премию рабочие и конструкторы, но Вахид Турсунов и Карим все деньги передали в пользу МОПРа.

Через две недели мы все получили увеличенные ковши. Правда, первое время не обходилось без происшествий, но в каком новом деле не бывает трудностей?

Мы по-прежнему работали без обеденного перерыва, по-прежнему говорили, что нужно экономить секунды, но все понимали, что главная помощь — это новые ковши. Если не у всех, то у большинства машинистов почти удвоилась производительность. Можно было надеяться, что обводный канал закончим во второй декаде февраля. Все дело осложняла история с подземным каналом.

Как-то я спросил у Мансурова:

— Абдулла Садыкович, вот скоро закончим канал, а как быть с подземным?

— Копайте свой канал,— ответил он.— Ваше дело копать, а рассуждать, знаете, есть кому.

И мы копали. Копали и боялись, что завтра к нашему экскаватору, может быть, подойдет Сигизмунд Генрихович и скажет:

— Подземный канал под вами, ройте обводный канал в другом месте.

Я с Мансуровым как будто примирился. Он ведь некоторое время со мной не разговаривал. Правда, и теперь не был особенно вежлив, но это вообще была его манера разговаривать. Такой уж он. Скажу, что не я первым заговорил с ним.

Как-то Мансуров долго стоял у нашей машины и весьма странно глядел на меня. Я делал вид, что не обращаю внимания. Потом принесли нам гуляш. Он тоже ел с нами. Сказал:

— Неплохой у тебя аппетит, Бекиров!

Я тогда не понял — просто так он говорит или на что-то намекает. В другой раз он тоже о чем-то спросил у меня, я обрадовался: значит, он поверил, что у меня с Екатериной Васильевной ничего не было. Может быть, она сама призналась, что обогнала меня. Вот почему я иногда теперь позволял себе что-нибудь спросить у него.

Однажды он заглянул в барак, когда там были только Николай да я. Николай спал, накрывши голову подушкой. Я сидел за столом, читал рассказы Зошенко и хохотал до слез. Мансуров оглядел барак и, видимо, обрадовался. Он взял из моих рук книгу, прочитал название, улыбнулся.

— Да, хорошо пишет. Достается от него бюрократам.

Я, когда читал Зошенко, не думал, что он борется с бюрократизмом. Просто мне было интересно читать.

— Ну, как дела? — спросил Абдулла Садыкович.

— У меня полный порядок. А вот как с подземным каналом? Наш Басит говорит, что все это бред Менжевецкого.

— К сожалению, не бред,— ответил Мансуров.— Это закрытый канал в квадратной трубе, диаметром в полтора метра. Он тянется на расстояние более трех километров. Идет по нашему берегу от Хазар-Кента, проходит мимо «Голубых скал», кое-где заходит под обводный канал, потом впадает в Кинджик.

— Кто же его мог построить? — спросил я.

— Это неважно,— ответил Мансуров.— Уже приехали из Ташкента археологи, пусть они думают.

— А пока что делать?
— Это дело не наше. Есть Менжевецкий и Краснянская.
— А как же время и наше обещание Серго?
— А что вам?— улыбнулся Мансуров.— Не понимаю.
— Как не понимаете? Выходит, что если все пойдет насмарку, то нам и дела нет?
— Будет канал,— примирительно сказал Мансуров.— Что сделано, то сделано.

— Говорят, этот канал времен Александра Македонского?
Мансуров не ответил. Он сощурил свои и без того узкие глаза и пристально посмотрел на меня. Я повторил свой вопрос насчет Александра Македонского. Он зло сжал губы и сказал:

— По-моему, он китайского происхождения.— Потом сделал шаг ко мне и понизил голос.— Ты мне правду скажи: было у вас что-нибудь?

Я сначала не понял, о чем он спрашивает. Он еще больше нахмурился и снова спросил:

— Было у вас там, в Ташкенте?
— Да что вы!— удивился я.— Разве я стану?! Да и потом...
— Правда?
— Чего мне врать? Встретил ее на вокзале, донес до дому корзину... Чего еще вам надо?

— Не болтаешь?
— Да ну ее! А потом она сама поцеловала в щеку, в благодарность, и стала кормить обедом. Я бы знал, что такое будет, никогда не стал бы обедать,— сказал я с горечью.

— Правда?
— Что вы ко мне пристали? — разозлился я.

Но лицо Мансурова уже сияло.
— Ладно, давай руку! Думай что хочешь обо мне. Может, тебе и повезет... А я с ней мучаюсь и мучиться буду. Пробовал сам уходить. Ее гнал. Понимаешь, не могу. Не могу без нее. Такая она баба. Да и кроме того, уже много лет вместе...— Он помолчал, нахмурился.— Только ты смотри — никому! — и продолжал:— Я ее хорошо знаю, ты думаешь, я поверил?

— Не знаю, вы поверили или нет,— с горечью сказал я,— а кое-кто поверил!

— Дура, дура она, твоя Ирада. Да и ты хорош. Надо было ей объяснить.— И Мансуров пошел к выходу.

Глава двадцатая

Алмазов следил за моими движениями.

— Помнишь, что Карим говорил: держи рукоятку, чувствуй движение ковша. Понял? Когда этого добьешься, считай, что ты — машинист.

Так началась моя практика после окончания школы экскаваторщиков.

Я был в полной уверенности, что сейчас перед окончанием канала ни о какой практике не может быть и речи, но приходилось и спешить, и учиться. На Кинджикстрое ожидали новые машины, нужно было готовить и новых машинистов, новых помощников. Сейчас почти на каждом экскаваторе работали по одному или по два практиканта.

Работая на экскаваторе, я думал совсем не о том, что говорил мне Алмазов. Я рисовал себе картину: Ирада узнает, что наш экскаватор перевыполнил сменное задание, приходит поздравить Алмазова и вдруг за рычагами видит меня! Что она скажет? Может быть, пожалует, что из-за какой-то глупой бабы, из-за смешных подозрений перестала со мной разговаривать и встречаться...

В одну из февральских морозных ночей к нашему экскаватору подошла Ирада. В машине сидел я. Но, видно, для Ирады не было новостью, что практикант управляет экскаватором. Она скользнула по мне равнодушным взглядом и, увидев Алмазова, окликнула его. Вслед за ней появился Карим Юлдашев. Увидев меня на мостике, он захлопал в ладоши, влез по ступенькам ко мне.

— Давай, давай! Я посмотрю, как ты управляешься.

Минуты через две он сказал:

— Хорошо. Почти совсем хорошо. Ты молодец, а я дурак. Знаешь, почему дурак? Я хотел просить, чтобы тебя дали мне в помощники, а ты уже совсем машинист! Честное слово, совсем машинист.

И Карим снова стал повторять, что я молодец. И все повторял, что он глупец недогадливый, не мог сообразить, что человек окончил школу и годится в экскаваторщики. А тут еще практика, да у кого! У самого Алмазова! Он хотел еще что-то сказать, но его окликнула Ирада, и они втроем поднялись на насыпь. Оттуда они некоторое время следили за моей работой. Когда стрела поворачивалась и вместе с ней поворачивалась вся машина, я видел их довольно близко, но ни разу не заметил, чтобы Ирада раскрыла рот. На меня показывали то Карим, то Алмазов, они что-то говорили ей, она — ни слова.

Алмазов вернулся часа через полтора, посмотрел на отвалы, убедился, что я работал на совесть. Потом сел на свое место и крикнул, чтобы я осмотрел моторы. Я проверил работу моторов, смазал лебедки и, хотя в машинном отделении все время был Рашид, я вернулся к Алмазову и доложил, что все в порядке.

— Ты Аик-Бурун знаешь?

— Аик-Бурун? Где такой?— удивился я.

— Ну, выступ такой, полуостров под самым Хазар-Кентом, где начинается обводный канал. Ну, где стоит машина Карима. Мы туда ходили. Плохо получается, с каналом опять задержка. Так что дело, можно сказать, откладывается.

Почему откладывается — он не успел объяснить. Снова пришла Ирада с Каримом, пришла возмущенная.

— Я была в «Голубых скалах». Тахтабаев рассказывает невероятные вещи.

Она что-то говорила Алмазову, но слов я не разобрал.

— Да, до Кинджика остается еще метров десять,— говорил Алмазов,— не меньше. Так что тем более это глупо.

Карим стоял рядом сердитый, насупленный.

Что-то произошло. У всех троих было испорчено настроение. Милое лицо Ирады было серьезно и сосредоточено. Черные завитки волос тормошил ветер. Она уперлась спиной в бортовую стенку, смотрела вниз на Кинджик, на бурные воды. Слышно было, как река, широкая, стремительная, волочит по дну камни.

— Держитесь крепко, товарищ инженер,— сказал я Ираде.— Держитесь крепче, а то трясанет кабину и вы...

— Не беспокойтесь,— сухо сказала она,— я всегда держусь крепко, а в данном случае не менее крепко.

— Значит, вам приходится держаться?

— Это, пожалуй, мое дело.

— Пожалуй?— переспросил я.

— Ну ладно,— прервала разговор Ирада,— сейчас не до этого.

Она нахмурилась и строго посмотрела на меня, но мне показалось, что она на меня не сердится.

Я ушел в машинное отделение. Прислушиваясь к разговору, из отрывочных слов, реплик, возгласов я понял, что произошло. Оказывается, три дня назад Тахтабаев, сидя у себя в «Голубых скалах», услышал,

что Мансуров кому-то дает поручение перебраться на пароме на тот берег и из Ак-Чулака дать телеграмму на имя Серго Орджоникидзе.

Тогда, несколько дней назад, Тахтабаев не придал никакого значения этому разговору. Правда, ему не понравилось, что Мансуров решил переписываться с наркомом, но в конце концов каждый человек может написать наркому то, что ему хочется. А сейчас, только что пришел в «Голубые скалы» Джураев и сказал Тахтабаеву, что получена телеграмма Орджоникидзе, в которой нарком поздравляет строителей Головного узла с досрочным окончанием строительства канала и благодарит экскаваторщиков, в том числе и Мансурова, за перевыполнение плана.

— А Краснянская знает об этом?— спросил Алмазов.

— Теперь уж, конечно, знает, но как ей быть? Ведь до окончания канала потребуется дней восемь. А тут еще подземный канал!

— Где раньше Мансуров работал?— поинтересовался Алмазов.

— Он работал в техническом отделе главного управления. Потом чем-то рассердил Торизо, вот его и перевели сюда.

— Неужели только из-за ссоры с Торизо?— спросил Карим.

— Не знаю,— сказал Ирада.— Вообще с ним лучше не спорить. Он человек упрямый и не терпит возражений.

— Однако Краснянская, если судить по собранию актива, не очень-то боится его.

— Скажу вам по правде, Алмазов,— ответила Ирада,— я боюсь за нее. Не исключена возможность, что и ее съест Торизо.

— Но этого не может быть!

— Конечно, не может быть!— подтвердил Карим.

Наступила пауза. Я думал, что Ирада ушла, но она стояла на месте.

— Пять дней маловато,— сказал Карим задумчиво,— высок этот Аик-Бурун.

— Я там был,— говорил Алмазов,— когда приехал сюда. Пошел с женой. Красиво. С тех пор не был ни разу.

— К сожалению, не все красивое полезно,— сказала Ирада.— Аик-Бурун будет мешать заходу воды в обводный канал. Одним словом, я думаю, что вы с Алмазовым за пять дней уберете Аик-Бурун.— И от сознания чего-то большого, что она открыла сама для себя, Ирада вдруг переменялась, засмеялась по-мальчишески, захлопала в ладоши.— Пять дней, пять дней, только пять дней и мы пустим канал.

Алмазов не поддержал Ираду; он думал вслух:

— Привык, понимаете, привык к своей машине. Да и боязно за них, смогут ли?

— При чем тут смогут или не смогут?— Ирада вновь переменялась, стала серьезной и даже повысила голос.— Вы будете работать в две смены, и Бекиров с Бессарабой— в две смены. Хотите восемь часов, хотите двенадцать. Дело ваше.

Я понял, что с завтрашнего дня я назначаюсь машинистом на нашем экскаваторе и буду работать с Бессарабой.

— Высок берег Аик-Буруна, Боюсь, что за пять дней не кончим,— это начал Карим. Он тоже думал вслух.— И главное, если бы одна порода, а то, может быть, там камни, берег высокий, террасы...

— Ну что берег?! Вам необходимо выбрать породу до уровня воды и больше ничего, остальное углубит сама река. Надо только выпрямить берег, чтобы вода попадала в обводный канал.— Ирада не хотела сдавать своих позиций.— Пять дней.

У «Голубых скал» раздался отрывистый гудок паровоза. Смена окончилась. Выбросив на отвал последний ковш земли и затем опустив его в грунт, Алмазов отвернул рычаг и махнул мне левой рукой в засаленной рукавице. Я выключил рубильник.

Мне захотелось поговорить с Алмазовым. Почему эта маленькая сторожка носит название «Голубых скал»? Интересно, что под ней берег Кинджика не серый и не белый, не коричневый, а именно голубой, и противоположный берег в этом месте голубой, значит, река когда-то прорезала эти скалы.

Я говорил о «Голубых скалах», но думал о другом. Видно, и Алмазов думал о другом.

— У него трос заедает вокруг диска,— сказал он ни с того ни с сего.

Я понял, что он уже ушел от нас, что все его мысли там, на Аик-Буруне.

Всегда, возвращаясь домой, мы проходили мимо «Голубых скал». На одной из стен сторожки, выкрашенной известкой, был нарисован квадрат с надписью: «Доска показателей». Сейчас на ней было написано лишь несколько слов: «До конца строительства обводного канала осталось... дней». Каждый день менялась бумажка с числом. Сегодня ветер, наверно, сорвал ее и унес. Но и без нее мы знали, что остается всего восемь дней.

Всего восемь дней. Каждое утро на доске менялись цифры, и чем меньше оставалось дней, тем быстрее становились темпы. Трудно было поверить, что через несколько дней на доске показателей появится единица, а еще через день воды Кинджика заполнят весь канал. Трудно было поверить в это. Еще не перекрыли подземный канал, во многих местах были открыты траншеи, приподняты верхние крышки. Это у нас называлось — обнажить подземный канал. То в одном, то в другом месте появлялись гидротехники, геологи. К подземному каналу доставляли камни, мешки с цементом.

Всякий раз, когда я поднимался на холм, меня охватывала, пожалуй, даже не радость, а удивление при виде массы изрытой земли, вынудой из будущего русла Кинджика. И все это сделали экскаваторщики! Сказать по правде, я был очень горд, что стал машинистом.

— До конца строительства осталось восемь дней,— повторил Алмазов.

Мы обошли сторожку вокруг. С противоположной стороны тоже была доска показателей, сейчас ярко освещенная прожектором. Там, внутри квадрата, были нарисованы дирижабль, самолет, автомобиль, пароход. Под ними — лошадь, верблюд, ишак и, наконец, черепаха, и еще ниже — галоша. Кто ехал на дирижабле было неизвестно: все тот же ветер сорвал бумажку с фамилиями машинистов. На самолете — мы, на пароходе плыл Бессараба, на машине ехал Карим. Кто-то полз на черепахе. Но никто не сидел в галоше. Почти все машины, благодаря новому ковшу и увеличению рабочего дня за счет обеденного перерыва, благодаря многим усовершенствованиям, значительно перевыполняли норму.

Вместе с Алмазовым мы спустились к берегу, к тому месту, где по предположению Менжевецкого выходил подземный канал. По берегу стояли вешки. Но что делалось посередине реки, в темноте не было видно. В «Голубых скалах» мы застали одну Ираду. Она разложила большой лист обоев на столе Тахтабаева и свернутым в трубочку куском тех же обоев писала очередной бюллетень «Легкой кавалерии».

— Ну, это слишком,— сказал Алмазов, прочитав, что было написано,— это не мы сказали, а вы сказали.

На обоях стояло:

«Передовые машинисты экскаваторов Алмазов и Юлдашев обяжутся за пять дней закончить работу на полуострове Аик-Бурун.

Все строители будут с волнением дожидаться конца работ на Аик-Буруне».

Плакат кончался словами:

«Повысим темпы! Приложим все силы, чтобы окончить строительство за четыре дня».

— За четыре! Ну, это уже слишком,— покачал головой Алмазов.

Они поспорили, а когда Алмазов ушел и мы с Ирадой остались вдвоем, я деловым тоном спросил:

— А насчет Мансурова не будет молнии?

— Нет, неудобно,— так же серьезно ответила Ирада, свертывая обои в рулон.— Ему захотелось блеснуть перед руководством.

— Но все-таки его поступок пошел на пользу делу,— улыбнулся я.

— Не понимаю, товарищ Бекиров,— сказала Ирада, пристально глядя на меня. Ее взгляд, как мне показалось, выражал гордость и обиду. Гордость потому, что я, всегда слепо одобрявший любое ее суждение, сейчас высказал нечто иное, свое. И это показалось мне забавным. Обиду потому, что я, хотя и первый раз, но все же высказал ей это «свое». И она подумала, не изменил ли я о ней мнение.— Не понимаю, как такой поступок Мансурова мог сказаться полезным?

— Немного, но все же оказался,— упорствовал я.

— Я вас просто не узнаю, Джевдед! — Наконец-то она назвала меня по имени.— Только я-то подумала, что вы шутите. Теперь я вижу, что вы далеки от шуток. Поступок грустный, антитоварищеский, подхалимский, карьеристский...— сколько разных слов сказала моя милая Ирада!

— Конечно. Но все же — вчера сменные инженеры доказывали, что обводный канал можно закончить через девять дней. По крайней мере, не было ни одного человека, который бы назвал меньший срок. И вот, смотрите — стоило Мансурову проявить инициативу, как вы первая пишете молнию, что Ажк-Бурун можно сравнять с дном Кинджика за четыре дня.

Мы разговаривали. Пусть Мансуров обманул, совершил гнусный поступок, но, говоря о нем, я спрашивал Ираду о другом, и она, справедливо возмущаясь Мансуровым, отвечала мне.

— Мансуров украл ваши пять дней,— продолжал я.

— Что значит «ваши»? — возразила Ирада.— Эти дни нужны были не мне, а нам!

— Нам... да, но... Но, милая Ирада, вы на меня не сердитесь?

— Я? — она замолчала. Запрятала обои и вышла.

Мы шли медленно по хребту длинной высокой грунтовой скирды. Справа был крутой обрыв, внизу бушевали волны, слева по железнодорожному полотну маневрировал паровоз.

— Как, вы все еще сердитесь? Я сейчас же брошусь в эту пропасть и все кончится,— сказал я, вовсе не собираясь бросаться в Кинджик.

— Что вы?! Я не сержусь... Перестаньте чудить!

Слово было сказано.

Мы спустились с высокой кручи, перешли через железнодорожное полотно и направились к соцгородку.

На повороте, где начинались домики инженеров, Ирада остановила меня:

— Идите, отдохните!

— Отдохнуть? — я начал сердиться.— Хватит играть в прятки. Отдохнуть? Для чего? Для чего?!

Глава двадцать первая

Прошло четверо суток. В темные морозные ночи мы покидали еще не успевшие согреться постели, уходили на другой берег, вечно покрытый густым туманом, копали землю, взрывали скалы. В полдень, когда

мы утомленные возвращались в барак, начинался новый день у второй смены.

Несколько экскаваторов, стоявших в нижней части обводного канала, уже кончили работу. Для их передвижки прокладывали дорогу. Эта дорога вела в котлован плотины. Вот тогда и начали говорить слово: котлован. Он будет где-то там, где сейчас kloкочет река. Как получится, что на месте реки окажется бездонное пространство,— представить было чрезвычайно трудно. Мы и не могли себе этого представить.

Наш экскаватор уже стоял посредине узкой полоски земли, оставшейся между обводным каналом и Кинджиком. Справа шумела бурная вода, слева притаился глубокий и широкий обводный канал. Достаточно снять несколько метров земли с этой полосы, и река с грохотом потечет по искусственному руслу.

Все эти дни мы работали в смене Джураева и с удивлением заново узнавали его, словно видели впервые. Два-три раза в смену он приходил к нам, стоял поодаль и следил за работой. Потом подавал знак и, когда экскаватор останавливался, взбирался в кабину. Появлялась Ирада. Алмазов докладывал ей о неполадках.

Эти два сменных инженера делали одинаковую работу, но совсем по-разному. Ирада иной раз ругала нашего сменного электрика Карнакерьяна, сердилась на него, если замечала, что кабель лежит в луже или опять греется мотор. Ирада хорошо разбиралась в делах, она, так же как Джураев, знала, каково положение на бетонном заводе с инертными материалами, как идут дела у плотников и арматурщиков, готовящих береговые блоки плотины, она всегда начеку держала подрывников. У сменного инженера много дел. Обычно смена Ирады, как и смена Джураева, выполняла план. И все-таки, когда несколько дней побыл с нами Джураев, мы почувствовали, как сказал Басит, руку мужчины. Об этом даже трудно рассказать, это мы чувствовали по каким-то незаметным деталям. Приходил Карнакерьян, проверял вентилятор, мотор, что-то говорил Рашиду, или Баситу, или Николаю и уходил, будто ненароком спрашивая у меня: «Джураева еще не было?» Потом приходил Джураев, проверял тот же мотор, вентилятор и уходил.

Если где-то на нашем пути встречались камни, то подрывники приходили сами, их не приводил Джураев. А потом мы вместе с подрывниками грузили камни на подошедшую вовремя платформу. Мотовоз отвозил груз на камнедробилку. Если на нашем пути встречались деревья, кусты, то приходили люди, рубили деревья, складывали у дороги, брички из коммунхоза увозили дрова в столовую или в пекарню. Люди все делали сами, казалось, ими никто не руководил.

Наконец мы дошли до отметки. Это случилось в февральскую ночь, сухую, морозную, колючую от ветра. Мы сделали все, что нам поручили. Все и вовремя. Бессараба, зная, что у нас заканчивается работа, домой не ушел, он спал в машинном отделении, спал, несмотря на беспрерывную тряску и грохот. Рядом с ним спал Кандыба. Внизу оставалась только один Рашид, да и ему делать было нечего. Я спрыгнул на землю и окликнул Рашида.

— Все?— спросил Рашид.

— Все.

— Ну, вот и отлично! Вообще все отлично. Пустим канал и пойдем копать котлован.

— Эх, Рашид, Рашид,— сказал я.— Ты все время так осторожно говоришь, боишься, что в каком-нибудь слове попадет буква «р». Это что, все так говорят в вашем кишлаке?

— Все, все,— улыбнулся Рашид.— Но я боюсь, что один человек

может меня заставить упоминать его имя, каждый день, каждую минуту...— Рашид прислушался:— Пойди отключи мотор.

Я повернул рубильник, и, когда грохот умолк, сразу проснулись Бессараба и Кандыба.

— Уже?

— Уже, уже!

— Ну, тогда позвольте мне пожать вам руки...— Это обратился к нам с неожиданной приветственной речью наш старшой — молчун Михаил Бессараба. Ему не дали закончить: на гряде еще влажного грунта появился человек.

— Вы что стоите? Сломалось что?— Это был Карим.

— Не знаем, что делать,— входя в роль, начал Кандыба.— Опять трос! Прямо беда с ним. А вы что не работаете?

— Тоже стоим.

— Почему?

— Нет энергии...

От нас до Аик-Буруна было немногим больше километра. Всю ночь я слышал, как грохотала машина, а теперь Карим говорит, что нет энергии! Я по лесенке поднялся на крышу экскаватора, посмотрел в сторону Аик-Буруна. На ровном берегу был виден силуэт экскаватора, над ним ярко горела лампочка. Я спустился вниз и окликнул Карима.

— Правда, правда,— старался он убедить меня,— всю ночь у нас был простой...

Все уже хохотали и обнимались. Потом мы пошли поздравлять нашего Алмазова.

Экскаватор стоял на берегу реки. Под ним шумел Кинджик. Аик-Буруна не было видно. Андрей Захарович сидел за рычагом и курил.

— Вот, закончили,— сказал он с улыбкой.— А вы как? Тоже?

— Нет, у них простой,— крикнул Карим,— мы за тобой пришли!

— Врете,— сказал Алмазов и спустился к нам.

Из-за горы шпал вышла Ирада, подошла к нам и села к костру, который к этому времени разожгли нижники Карима.

— Еще три часа до конца смены,— сказала она.

— Где ты была все эти дни?— спросил Алмазов.— Написала «молнию» и исчезла.

— А что вам помогать? Тахтабаев у вас днюет и ночует. Джураев каждый час передает сводку готовности.

— А ты где была?

— Как назло, перевели в другую смену. Приходила утром, а вас не заставала. Краснянская решила, чтоб я помогала Каххарову, Сергееву и другим машинистам. Они все время жаловались на недостаток энергии. И вот мы с Турсуновым...— Она замолкла и поглядела куда-то в сторону, наверное, чтобы не смотреть на меня.— Турсунов за эти дни не ушел со своей подстанции, а я — то у Каххарова, то у Саматова. Теперь у нас много машинистов.

Я многозначительно кашлянул. Ирада посмотрела в мою сторону и улыбнулась.

— Эх, дорогой Андрей Захарович! Вы ничего не знаете, а я три раза приходила к вам ночью. Мне неудобно было перед Джураевым, еще подумает, что я ему не доверяю. К тому же он — парторг. Знаете, ночью прибегала сюда, пряталась за отвалом и смотрела, как вы с Каримом работаете. Знаете, как трудно с новыми экскаваторщиками. Машинист Сергеев — тяжелый человек. Как у вас, Бессараба?— спросила она.

— Ничего. Машина — в готовности. Чистота и порядок.

— А как ваш помощник? Вернее, ваш второй машинист? Вы его

не захвалили?—И она бросила на меня один из тех взглядов, значение которых понять мог только я.

— Работать может,— не похвалил, не поругал меня Бессараба, видно, для того, чтобы я не зазнавался.

— Надо выпить по этому случаю,— предложил Николай. Эта идея понравилась всем нижникам.

— Сейчас ни в коем случае!— сразу рассердилась Ирада.— Утром другое дело. Утром приедут принимать канал, соберется народ, вот тогда — пожалуйста. А сейчас выключите свет и домой, до одиннадцати часов. В одиннадцать будьте все у своих экскаваторов.

Она протянула Алмазову свою маленькую руку. Потом протянула руку каждому из нас. Мне последнему. Потом ушла, крикнув еще издали: «До завтра».

Мы тронулись вслед за ней, на этот раз не дожидаясь гудка паровоза. Подошли к «Голубым скалам», посмотрели на доску показателей: «До завершения строительства обводного канала осталось четыре дня». Мы обошли домик и увидели под дирижаблем длинный список экскаваторщиков. Но самое замечательное — к галоше был пририсован голый старик с кудрявой, всклокоченной шевелюрой и такой же бородой. В руках он держал трезубец. К трезубцу была подведена стрелка, а по стрелке шла надпись: «Бог воды Нептун».

Из «Голубых скал» вышел Тахтабаев.

— Вас можно поздравить,— сказал он. Он всем нам пожал руки, Вид у него был торжественный.

— Откуда вы знаете?— спросил я у Тахтабаева.

— Джураев сказал,— ответил Тахтабаев.— Встретил его на плотине, он и сказал. И велел Шадманову разыскать и к вам направить.

Дома мы сели каждый на свою кровать. На стене громко тикали ходики. К цепочке, кроме гаечного ключа и оловянной кружки, были подвешены три небольших полешка саксаула. Было пять часов.

— Я думаю, что для нас в столовой приготовили замечательный обед,— сказал Николай, снимая резиновые сапоги,— но я буду спать.

— Да, великолепный обед,— сказал Рашид,— но я тоже буду спать.

— А я пойду погуляю,— сказал я, надеясь где-то в пути встретить Ираду.

— Вот это аппетит,— сказал Басит Атакулов,— замечательный аппетит. Ты передай тетушке Сабире, чтобы она мне оставила двойную порцию.

— Я не собираюсь заходить в столовую,— обиделся я,— просто спать не хочется.

— Тогда все понятно,— многозначительно заметил Николай, укладываясь на свою скрипучую кровать и засовывая голову под подушку.

Гулял я немного. Спать, действительно, не хотелось, а аппетит разыгрался не на шутку. Двери столовой мне открыла тетушка Сабире.

— Садись, я принесу тебе поесть.

Она дала мне горячий гуляш — неизменное блюдо нашей кухни,— оставшийся от ужина ночной смены. Я ел, а Сабире-хола стояла рядом.

— Я не понимаю тебя,— сказала она,— две женщины сохнут по тебе, а ты?

— Мне двух зайцев не надо, Сабире-хола.

— Кому ты врешь? Ты думаешь, я ничего не знаю? Мне же выплакивает свое горе Екатерина Васильевна! Дай-ка, я тебе добавлю гуляша.

Она принесла еще полмиски.

— Приходит и выплакивает. Но я просто так, даром, не слушаю. Хочешь говорить, давай вместе мыть котлы и тогда поговорим. А эта Валька уши прожужжала со своим женихом, а кто у нее жених, не говорит. Я думаю, раз не говоришь, значит, каждый месяц новый жених. Оказывается, нет. А что пьет она — это верно, но если бы ваш Николай этот, как его, Кандыба, захотел, — она бы и капли в рот не взяла. Ее угощает, знаешь, кто? Подруга ее, Рахиль. Но Рахиль умница, она — другое дело. Она такое в жизни видела, что не приведи господь. И представь, у нее тоже любовь. А когда любовь, то любая женщина, какой бы раньше ни была, становится лучше. Правда. Женщина не может без любви. Как мужчины этого не понимают! И этот техник из гидробюро, Карамат, так около Ирады и ходит. А почему? Ах, ты не знаешь? Все вы мужчины дураки, ничего вокруг не видите. Ты думаешь Карамат не знает, что Карим и Рашид живут в одном с тобой бараке? А раз живут в одном бараке с тобой, то Карамат и не отходит от Ирады. Теперь понял? Если понял, скажи тогда Кариму о том, что ты понял.

— Карим сейчас у нас не живет, — заметил я.

— Это не важно. Как увидишь, скажи. Нам не к спеху. А эта Мансуриха? Что ты про нее скажешь? Думаешь, я ничего не вижу? Если позовешь, пойдет за тобой. Все бросит и пойдет. Она вообще любит вашего брата, но с тобой — другой счет. Она верит в тебя. И неплохая она женщина. Плохо только, что бездельничает, а так, вообще, неплохая. Тоже ищет любви. Вышла замуж рано, рано разлюбила мужа.

— Он любит ее, — сказал я.

— Да, любит. Но плохо любит, все ей прощает. Разве это любовь? Хотя вам, мужчинам, все равно, лишь бы вы любили. А она любит. Уж я знаю. И, если захочешь ты, на край света пойдет за тобой. Дай я еще добавлю каши.

...Я тогда не понимал, почему, как сваха, старается тетушка Сабира. Я даже рассердился на нее. Что мне эта Екатерина Васильевна? Мало ли с кем ей захочется поехать на край света! Только потом я все понял. Она, Сабира-хола, оберегала Ираду. На этой почве у нас было много недоразумений. Может быть, она на первых порах считала, что я не пара ее Ираде? Ах, наша милая, добрая, хитрая Сабира! Ей обязательно нужно было услышать мое признание. И она услышала его:

— Тетушка Сабира! Не любил я эту вашу Мансуриху и не люблю. Так и скажите ей — не нужна она мне. — И добавил с отчаянием: — Думаю только об Ираде, да и то без толку.

Сабира-хола сжала губы и взглянула на меня испытующе. Поверила. Вздохнула.

— Ладно, — сказала она, — это я тебя испытывала. О, я вас хорошо знаю, мужчин, какие вы есть. Любого насквозь вижу. Я беспокоюсь за Ираду. Да ты ешь, чего отставил тарелку! Ешь, ешь, у меня еще много каши.

Я подумал, что, действительно, можно съесть эту кашу.

— Мне ведь Ирада почти родная, — продолжала тетушка Сабира. — Мой муж приходился двоюродным дядей ее матери. Добрая она очень уж...

— Ну, я-то знаю, какая она добрая!

— Нет, ты не думай. Нехорошо. Она ведь сначала поверила Мансурихе. Эх, все вы мужчины простофили!

Я думал, что Сабира-хола опять будет меня потчевать гуляшом, но она, наверно, сказала все, что хотела. Постояла около меня и пошла к своим котлам.

Глава двадцать вторая

И наконец, наступил этот день! Я проснулся, когда все еще спали, было темно. Вскочил, потом снова сел на кровать. Сегодня на канале экскаваторщикам делать нечего. Можно бы послать, но нам предстоит почетная работа. Наш экскаватор снимает сегодня последнюю полосу земли, отдающую Кинджик от обводного канала. Я оделся, выпил кружку холодного чая и пустился бежать по тропинке к Кинджику.

Высокие скалы стояли погруженные в предутреннюю дремоту. Снег за ночь стаял. Оголенные карагачи и чинары чуть покачивали ветками. Тракторы прокладывали дорогу для экскаваторов к котловану. Река бурлила, бесновалась.

Чуть снести последнюю перемычку и открыть обводный канал выпала на долю Алмазова. Я хотел прийти раньше его, но он оказался на месте.

— Почему так рано?— Алмазов взглянул на меня и, не выслушав ответа, сказал:— Пойди, проверь дизельный насос.

Мы осмотрели машину. Затем я подмел пол в кабине. Пестом с мокрой тряпкой вышел наружу и стал обтирать кожух. Пришел Бессараба, сердитый, надутый. Он даже не поглядел в мою сторону. Басит Атакулов и Карим объяснили мне, что он сердит на меня за то, что я никого не разбудил.

— За что же сердиться?— сказал я Бессарабе.— Можно вам немного и отдохнуть.

Бессараба не удостоил меня ответом, хотя мы с ним сегодня должны были работать особенно дружно. Оба мы работали помощниками у Алмазова. Немного позже пришли Николай Кандыба и Рашид Махамов. Они тоже сердились на меня — не разбудил!

Когда рассвело, на перемычку пришли Краснянская и Джураев.

— Вы проверили машину?— спросил Джураев.

— А вы проверили машину?— усмехнулся Алмазов.

— Я у вас спрашиваю,— сказал Джураев.

— А я у вас спрашиваю,— сказал Алмазов.

— Ну, тогда все ясно, Закир Гулямович,— сказала Краснянская.— Все в порядке, значит.

— Совсем не в порядке, надо сменить поршневые кольца, да и еще кое-что...— начал Алмазов.

— Не сейчас, после,— сказал Джураев.

В это время в проеме двери показался Мансуров.

— Вы машину проверили?— спросил он у Алмазова.

Все засмеялись. Краснянская пояснила, что каждый начальник считает своим долгом задавать один и тот же вопрос. Анна Яковлевна подозвала к себе Андрея Захаровича и, указывая рукой на стрелу, что-то долго объясняла ему. Я не слышал всего разговора. Наш машинист изредка кивал головой и время от времени доносилось: «Хорошо... нужно... конечно...»

Со стороны барачков и с того берега начали стекаться люди. Запылавшись, подошел к нашему экскаватору Турсунов.

— Ну, как у тебя энергия?

— А у тебя как энергия?— Алмазов сегодня был агрессивен.

Позже всех пришла Ирада. Поздоровалась со всеми за руку, спросила у меня вполголоса:

— Проверили машину?

Я сказал, что с этим вопросом к Алмазову уже обращалось несколько человек. Она улыбнулась и спросила: «А к вам? Сколько человек обращалось к вам?»

В это время меня позвал Андрей Захарович. Я кивнул Ираде и полез в машину. Мы решили еще раз проверить тормоза и дизельный

насос, Пока мы возились, на берегах обводного канала собралось много народу.

Неподалеку от экскаватора, на берегу Кинджика разместился оркестр. Наш клубный оркестр, наш комсомольский замечательный оркестр, музыки которого мы еще ни разу не слышали. Нет, пожалуй, слышали: из окон еще недостроенного клуба иногда доносились тоскливые грубые вопли. По поводу музыкантов отпусkaliсь остроты, но оркестра мы не знали, даже не представляли, что эти двенадцать человек окажутся героями дня.

Я думал об Ираде. Я встречал ее почти каждый день. Правда, я был много занят на работе, занимался на курсах экскаваторщиков, но мне казалось, что ничего из того, что делает Ирада, не ускользает от меня. И вот — клуб. Как-то незаметно достроили клуб, пусть не настелили полов, не вставили рамы, но уже есть оркестр, ребята несут красочный плакат. На нем нарисована громадная плотина и за ней хлопковые поля и линия электростанции. Я встал сегодня рано, а Ирада, вероятно, совсем не ложилась. Карамат — подружка Ирады, наверно, ее главная помощница по клубу — деловито командует: куда расставить плакаты, на третье место оркестр пересаживает.

Приехали рабочие из Ак-Чулака на новых грузовых машинах. Это были новые советские полторки, только что выпущенные Горьковским автомобильным заводом. Машины обступили, завязались разговоры, и в это время оркестр грянул марш.

Вот когда наступил настоящий праздник! Вокруг нашей машины собрались все экскаваторщики. Я стоял на крыше экскаватора и смотрел в сторону парома — не появится ли там легковая машина. Мы ждали гостей из Управления и из Ташкента. И вдруг я в толпе увидел человека, который глядел на меня, улыбался и кивал головой. Это был Мушук. Но в это время меня отвлекли — на крыше экскаватора появился Мансуров. (Он считал, что в этот торжественный день он тоже должен возвышаться, как начальник экскаваторного парка). Он поглядел в ту же сторону, куда и я. Обернувшись, я стал искать в толпе Мушука. Рядом с тетушкой Сабирой стояла Екатерина Васильевна, приветливо улыбалась и махала рукой. Потом на крышу экскаватора забралось еще человек десять. Оркестр играл почти без передышки.

Наконец гости приехали. Я сразу узнал Торизо и Юлдаша Ахунбаева — всеузбекского старосту. Они поднялись на трибуну, за ними прошли еще несколько десятков человек, прибывших из Ташкента: наркомы, рабочие фабрик и заводов, ученые, работники Кинджикстроя. Гости здоровались со строителями, жали руки, обнимались.

Играл оркестр. Кругом царил веселье. Вскоре шум, людской говор стали утихать. Джураев открыл митинг. Начались выступления. Гости приветствовали строителей канала. Говорил Торизо: красиво, ясно, просто. Он упомянул всех экскаваторщиков и многих рабочих, сказал несколько добрых слов о сменных инженерах и техниках: Тахтабаеве, Джураеве, Шадмановой. Он помнил все фамилии и говорил, не заглядывая в конспект. Да впрочем, ни у кого из ораторов не было бумажек, все говорили от сердца — о том, что мы победили упрямый Кинджик и проявили отвагу и мужество.

Я стоял на крыше экскаватора и с волнением слушал речи. Все, что делалось здесь, было моей жизнью.

Вдруг мне почудилось, что я плохо проверил медные вилки на шите, и я помчался в компрессорную. Нет, медные вилки на мраморном шите были зачищены, я их зачистил еще утром.

Внезапно я услышал шум рукоплесканий. Приоткрыв дверцу кабины, я увидел на трибуне, возвышавшейся среди многотысячной толпы, невысокого человека с острой бородкой. Юлдаш Ахунбаев говорил:

— Строители Кинджикстроя сегодня завершили обводный канал. Это величайшая победа. Завтра начинается строительство плотины. А на берегу реки Кинджик вместо маленьких кишлаков скоро будет построен красивый город и электрохимический комбинат. Он даст хлопковым полям воду и минеральные удобрения. На деривационном канале будет построен целый каскад гидроэлектростанций. Друзья мои! Это не мечта, это— действительность, которую мы увидим очень скоро своими собственными глазами. Сейчас мы пустим воды этой капризной реки по новому руслу, по обводному каналу... Значит, мы взнуздали реку. Взнуздали — значит победили!

Слова Ахунбабаева потонули в громе аплодисментов. Оркестр загремел туш. Алмазов, ожидавший все время приказания Краснянской и наконец получивший его, нажал на рычаг. Огромная стрела экскаватора повернулась влево, ковш, висевший в воздухе, начал медленно опускаться вниз и, сев на грунт, впился мощными зубьями глубоко в берег Кинджика и начал разрывать полосу земли, отделявшую обводный канал от старого русла. Все замерли. Ждали.

Вот Алмазов подтянул ковш, и перемычка рухнула. Бурные воды, закипая, клубясь, клопоча, с ревом устремились в новое русло. Сначала вода, упав в глубокую яму, как бы не желая идти по новому пути, приостановилась, ударилась о стены канала, брызнула вверх, гневно закружилась на месте, завывала, как волк, и, наконец, подчинившись человеку, с сокрушительной силой помчалась вперед.

Никто из нас не заметил, как позади толпы, у края земляного вала, остановилась грузовая машина. Дверца кабины приоткрылась, и показалась голова Кандыбы.

— Эй, Джемед, — крикнул он, — иди сюда! — Я побежал к машине и увидел в кабине Христофора. В своем старом коротком ватнике он медленно вылезал из кабины, поддерживая левой рукой правый локоть.

Ирада тоже заметила Христофора.

— Христофор! — громко крикнула она, побежала к нему с протянутыми руками и обняла его. — Какой вы молодец, что приехали сюда! Вас отпустили?

Христофор не ответил на ее вопрос. Осторожно высвободившись из ее рук, он подошел к краю канала и молча поглядел на воду.

— Я и не думал приезжать, Ирада, — дрожащим от волнения голосом сказал он наконец. — Но позавчера доктор снял гипс и сказал, что это в честь окончания канала. Я удивился: «Какого канала?» Ведь Николай толком ничего не рассказывал. Сюрприз готовил! Ну и привез меня сегодня!

Когда обводный канал наполнился, люди стали постепенно расходиться. Некоторые из гостей сели в машины и отправились в Ак-Чулак, кое-кто двинулся в инженерный поселок. Рабочие разошлись по баракам. А мы, окружив Христофора, пошли в соцгород в гости к Алмазову.

Только один Рашид отказался идти к Алмазову.

— Не знал я... Мы уже договорились.

— Если ты ей обещал, то, конечно, мы ничего против не имеем, — сказал Алмазов. — Все бывает в молодости. Но я приглашаю тебя и ее. Да и кто она?

— Ну, есть одна, — уклончиво ответил Рашид.

Около маленького домика с зелеными наличниками Андрей Захарович остановился. Дверь открылась.

— О-о, Бекиров! Какими судьбами? — Это была Екатерина Васильевна. — Что вы смотрите на меня такими мутными глазами? — сказала она. — Память подвела, забыли меня?

— Заходи, заходи. Это мой дом. Катя жене помогает. Соседи ведь. В это время из передней вышел Мансуров.

— «Все смешалось в доме Облонских...» — важно произнес он. — А ведь и правда, смешалось! Вчера я после работы повесил над плитой свои рабочие брюки, просушить. А Андрей взял да надел их. А я надел его брюки! Поверите, целый день в карманах папиросы искал, а что в чужих штанах хожу — не заметил!

Пока мы раздевались, мыли руки, еще и еще обнимали Христофора, женщины бегали из кухни в комнаты, наталкивались на нас, ругали.

Пришел Карим. Его встретила Екатерина Васильевна, подскочила, чмокнула в щеку и посмотрела на меня — дескать, и тебя когда-то так же поцеловала.

— Ох, Карим! — заговорила Екатерина Васильевна, понизив голос, но все слышали, что она сказала. — Ну еле разыскала! Спасибо тетушке Сабире — помогла. Будет твоя Карамат, придет.

Вошел Андрей Захарович, он успел умыться, расчесать на пробор редкие волосы и надеть новый костюм. Он вышел к нам с видом радужного хозяина, принимающего гостей.

— Вы знаете, что Архипку выпустили? — спросил Карим. — Мне дядя Петя встретился, сказал.

— Выпустили? — удивился Андрей.

— Врешь! — закричал Кандыба. — Быть не может!

— Тише! Ребенок! — остановил его Христофор. — Побереги голо-
совые связи.

— Подробностей он не знает, — сказал Карим. — Возмущается, но толком ничего не знает. Паромщики видели Архипку. Говорят, очень похудел и на Кинджике не останется.

— Какой мерзавец! — сказал Бессараба.

Николай рванулся к двери. Его удержали.

— Сиди! — сказал Христофор.

— Дурак все же Николай... — произнес вдруг Мансуров. — Повел... И вручил оперпункту. Что из себя представляет этот оперпункт? Два несчастных милиционера! Никто оттуда не приходил, никто дела не проверял.

— За чемоданом-то своим, он, наверное, придет, — сказал я. — Если его в самом деле выпустили.

— Едва ли! — ответил Карим. — Пока Николай тут, он на Головном узле не покажется. А покажется, хуже ему будет...

— А если Архипку оправдали? — сказал Басит. — Если не виновен, то он вернулся бы на Головной. Чего ему бояться?

— Не важно, что Архипку выпустили, — решительно сказал Карим, — важно то, что Николай не ошибся.

Вошла Екатерина Васильевна, поставила на стол холодную, за-
дланную хлопковым маслом, картошку. За картошкой появились соленые огурцы в миске, тарелки с немудреной закуской.

А гости прибывали. Сюда собрались все жители нашего барака. Пришел Тахтабаев.

Тахтабаев воспользовался случаем: подвел меня, Басита и Карима к окну и стал рассказывать. Он работал в Главных железнодорожных мастерских Ташкента и был участником многих исторических событий. Первыми в городе, по примеру Москвы, они провели коммунистический субботник. Потом рассказал, как воевал с белогвардейцами, которые устроили заговор с целью захватить власть в городе.

— Я был взводным партийной дружины, — рассказывал Тахтабаев.

— А здесь вы кто? — спросил у него Басит Атакулов.

— Здесь я вроде полковника.

— Ну, это слишком!— возразил Бессараба.— Ты, наверное, командир роты.

— Нет, повыше,— упорствовал Тахтабаев,— не меньше комбата.

Нас пригласили к столу. Когда все расселись, Андрей Захарович вытащил из-под лавки литровую бутылку водки. Разговоры сразу же прекратились.

— Давай, Абдулла Садыкович, распоряжайся,— сказал Алмазов, ставя бутылку на стол.— Ты сегодня герой!

Мансуров начал разливать водку в железные кружки. Потом он поднял свою кружку и сказал:

— Давайте выпьем. Закончили обводный, можно выпить водки. Хоть с утра, говорят, не пьют, но сегодня можно.

— А где хозяйки?— забеспокоился Карим.— Пригласите их, без них нельзя пить.

— Роза, Катя!— закричал Алмазов.— Задерживаете!

Вошли Карамат, Екатерина Васильевна и Розалия Николаевна. Начали чокаяться. Екатерина Васильевна подвела Карамат к столу и посадила рядом с Каримом.

...Только я выпил, как все лица передо мной оказались кривыми и расплывчатыми. Я думал, это потому, что кружка была покрыта ржавчиной и я опять отравился. Правда, мы всегда пили из таких кружек. Они были чистые, хотя жечь и тронула ржавчина. Я не заметил, сколько было налито, выпил все залпом. Голова закружилась. Я напряг силы и услышал Мансурова.

— Хорошо! Прекрасная вещь, аж до печенки пробивает. Как ты, Карим?

— Ничего,— ответил Карим. Он сидел красный, молчаливый. Я понял, что он почти не пил водки. Поднялась Карамат и подошла ко мне.

— Вам плохо?— спросила она.— Вы побледнели. Поешьте.— Она положила мне горячей картошки и густо полила маслом. Я ел почти через силу, затем медленно, стараясь не показать своей слабости, поднялся и вышел в прихожую. В комнате был шумный разговор. Синий табачный дым уже густо застелил все вокруг. Я думал, что вышел незамеченным. Но вслед за мной поднялись Николай и Христофор.

— Тебе плохо?— спросил Христофор.

— Сам не знаю, что такое.

— Выйди на улицу!— посоветовал Николай.

Мы вышли в прихожую и там увидели Екатерину Васильевну. Она мгновенно оценила положение и сказала:

— Пусть сядет, а я сейчас принесу несколько капелек. Все как рукой снимет.

И действительно, она принесла полстакана прозрачной жидкости, остро пахнувшей нашатырным спиртом. Я выпил и уже через несколько минут почувствовал себя лучше.

Я сел на какой-то ящик. Екатерина Васильевна спросила:

— Вам лучше?

— Да, спасибо.

— А вы, наверное, на меня сердитесь?

— За что?

— Ну, не притворяйтесь! Я-то вас знаю!

— Вы меня знаете?

— Знаю. Может быть, я тоже мечтаю побродить с вами, как вы бродили с вашей батумской красавицей... Ну как, знаю немного?

— Вам Христофор оказал?

— Нет. Мне сказал один знакомый. Вы его тоже знаете.— И она тихоноко засмеялась.

— Кто?

— Только молчок! Мне сказал...— она взглянула на Мансурова, который показался было в дверях, но увидя нас, сидящих вдвоем, резко повернулся и вышел.— Мне сказал... Недавно к нам домой пришел один рабочий. Такой чудак. Он хотел застать Мансурова, принес ему заявлeние. Он, оказывается, механик по ремонту, фамилия его Любимов. Знаете?

Я отрицательно покачал головой.

— Не может быть! Он вас хорошо знает! И всех ваших. Правда, он просил этого не говорить, но я не хочу ничего от вас скрывать. Ведь мне вы не враг, правда, не враг? Вы хороший парень, Джеввед, и хорошо, что у нас ничего не получилось. Для вас хорошо. А для меня, конечно, плохо; ведь вы мне нравились.— Это было не похоже на объяснение в любви: Екатерина Васильевна говорила грустно.— Такая, как я,— не для вас. Вы честный парень. Я даже готова все рассказать Ираде и помочь вам. Она девушка неплохая, только задиристая... Хотите, поговорю, хоть сегодня?

— Спасибо, я сам с ней поговорю. А Любимова я не знаю.

— Ну, как же? Вы недавно приходили к нему за кипятком. Приходили?

— Мушук?!— воскликнул я и моментально представил лакированный козырек его фуражки, челку на лбу и эту его улыбочку, похожую на оскал.

— Если это тот...— я начал описывать наружность Мушука.

— Ну, вот, а говорите, не знаете. Михаил Иванович Любимов, механик. Мансуров берет его механиком в мастерские.

Я молчал и глядел в глаза Екатерины Васильевны. И увидел в них ответ на свой невысказанный вопрос.

— Что с вами, Джеввед? Вы ревнуете? Вот приятная новость! Я видела его всего два раза! Ну, ну же, я пошутила.

Я молчал и думал об этой женщине, не умеющей справляться со своими страстями.

— Да что же вы задумались?— тормозила меня Екатерина Васильевна.

— Что я задумался?— машинально повторил я.— Мне показалось, что для вас и для меня этот ваш Любимов существует в разных видах.

— Ну, конечно, он со мною и разговаривает, и ведет себя иначе, чем с вами.— Екатерина Васильевна усмехнулась. Она вовсе и не пыталась скрыть своих отношений с этим человеком.

— Вы давно с ним знакомы?

— Я вам сказала, что видела его всего несколько раз.

— Вы сказали, два раза.

— Ну, может быть, и больше,— снова недвусмысленно улыбнулась Екатерина Васильевна.— Представьте, Джеввед, вы в нашем знакомстве сыграли главную роль. Помните, когда мы возвращались из Ташкента, то на пристани у парома вас окликнул этот Любимов.

— Он, по-моему, вас окликнул,— грубо ответил я.

— Возможно, возможно. Но должна вам сказать, что он очень симпатичный человек.

— Я не понимаю, почему вы это мне рассказываете?

— Сказать вам правду, Джеввед?— Екатерина Васильевна нахмурила брови, как-то сразу посерьезнела.— Я ведь и правду могу сказать. Я хотела об этом сказать именно вам, пожалуй, только вам, хотя вы этого не поймете...

Екатерина Васильевна на секунду закрыла глаза и, поднявшись с места, бросилась в общую комнату.

— Что же вы сами пьете, а мне не даете!— громко крикнула она.— Давайте выпьем за любовь! Пусть молодые любят молодых. Давайте чокнемся с вами, Карим!

Мансуров смотрел в окно.

— Ирада приехала,— сказал он, (Дом Ирады был напротив).

— Ирада? Позовем ее!— Розалия Николаевна пошла было к двери.

— Не трудись,— остановил ее Алмазов.

— Она не пойдет!— подхватила Екатерина Васильевна.— В доме напротив сегодня кого-то ждут. Туда пошла Сабира-хола с тарелками.

Ирада дома. Ирада кого-то ждет. Кого? Меня она не звала. Может быть, просто не успела? Кого она ждет, если не меня?

— Садись сюда, Джевлед.— Андрей Захарович поманил меня пальцем. Я подошел и сел рядом с ним. Он достал из-под лавки новую бутылку.

— Давай выпьем!— и налил мне.

Я взял кружку в руки и увидел глаза Карамат. Я поставил кружку на стол. Она улыбнулась и кивнула мне.

Глава двадцать третья

Ах, Карамат, Карамат! Если бы ты меня не остановила, я бы выпил водку, и, может быть, мне бы стало легко. А сейчас мне грустно. Кандыба не пьет, а хлещет. Христофор пробует его урезонить, но не может.

— Гуляем, гуляем,— говорил Николай, и выливал себе в горло очередную порцию водки.

Андрей Захарович время от времени вынимал из-под стола новую литровку. Сколько уже было выпито? В комнате синий табачный дым. Разговоры, выкрики, песни.

— ...И было это, братец, в городе Саратове,— говорил мне Андрей Захарович. Он уже рассказал мне, как познакомился с Розой, как приехали они в Сызрань и какие способности к математике у Сашки— девятилетнего сына.— Надо пересмотреть всю тормозную коробку,— сказал он в заключение. Потом что-то вспомнил, прослезился, но так ничего и не сказал. Повздохал: — Эх, Сызрань! Сызрань!

Я давно привык внимательно прислушиваться к каждому слову этого человека, приглядываться к каждому его движению. Всю зиму я провел рядом с ним, этим кражистым, некрасивым человеком с удивительно чистой и ясной душой. Я никогда не слышал от него жалоб, а тут вдруг на него нахлынуло.

— Понимаешь, Волга кругом! А Сызрань мой родной город...

...Пройдет много лет и однажды произойдет у меня удивительная встреча с Алмазовым. С женой и детьми я окажусь в поезде, следующем по маршруту Ташкент-Москва. На маленькой станции к нам в вагон войдет уже немолодой человек, с очень знакомым мясистым, немного розоватым носом.

— Боже мой! Он не узнает нас,— воскликнет моя жена, вглядываясь в этого человека.

Тот посмотрит на нее, улыбнется, и тут я, конечно, сразу узнаю Алмазова, возвращающегося в свою Сызрань.

— Понимаешь, вернулся домой и всех своих перевез сюда,— будет рассказывать он.— Понимаешь, стал электриком, вот какое дело. Начальником электростанции, громадной электростанции.

Поезд недалеко от Сызрани, Андрей Захарович кивнет в окна:

— А? Волга! Посмотри, какая у нас стала Волга!

Я тогда подумую: как бы далеко ни забросила его судьба, Алма-

зов все равно вернулся бы домой. Есть такие люди, в которых очень сильна эта привязанность к дому.

Я знаю уже: так будет.

— А помните, Андрей Захарович,— скажу я,— как вы мне рассказывали про Сызрань? Ну, когда у нас был пир по поводу окончания обводного канала.

— Я? — удивится Андрей Захарович.— Я там, на Кинджикстрое, никогда не вспоминал про Сызрань. Не до нее было. Да и вечера такого что-то не припомню. Помню, как гидростанцию пускали. Это помню.— И станет рассказывать о том, что продолжает переписываться с Христофором.

...Итак, Алмазов забудет об этом вечере, а для меня он очень значительный, тот вечер в день открытия обводного канала.

Я поискал Карима. Он торчал на крыльчке.

— Сделай для меня одно дело,— сказал я тихонько,— но чтобы никто не знал...

— Говори, я сделаю,— и Карим положил мне руку на плечо.

— То, о чем я хочу попросить тебя, можешь выполнить только ты! — сказал я.

— Давай, говори!

— Сходи к Ираде, узнай: можно ли мне прийти?

— Хорошо. Все сделаю.

— Эй, чего вы там шелчетесь? — крикнул Николай Кандыба.— Давайте лучше спляшем.

Он поднялся и стал плясать. Плясал он хорошо. Вошли в танец и Мансуров и Екатерина Васильевна. Она широко раскинула руки и засемила ногами. Было удивительно, как легко двигается эта полная женщина. Казалось, что она плывет. Все-таки она была очень красива! В ее движениях, поступи, поворотах было что-то величественное, лебединое... Все расступились, освобождая ей место. Лицо ее разгорелось, волосы растрепались. Екатерина Васильевна все время закидывала руки вверх, поправляя волосы, и кружилась, кружилась. Но вот она пошла в наступление на Тахтабаева:

— А вы чего не танцуете? Давайте руку! — С другой стороны к ней подскочил Бессараба. Втроем они прошлись по комнате. Невозможно было удержаться от улыбки, глядя на них! В это время раздался сильный стук в дверь.

— Войдите! Кто там? — окликнула жена Алмазова. Мы повернулись и увидели Архипку.

— Что, не ждали? — заговорил он, входя в комнату.— Ничего, пришел сам. Незванным гостем.— Он обернулся в сторону передней и крикнул кому-то: — Заходи! — Вошла Рахиль.

— Прошу любить и жаловать мою жену. Можете поздравить и... — Он увидел Христофора и умолк. Христофор медленно шел к нему навстречу. Все в комнате смолкли. В тишине раздался грудной голос Рахили.

— Не надо ссориться, ребята!

— А я не собираюсь ссориться. Просто давно не видел знакомого человека,— медленно, разделяя слова, сказал Христофор.— Сколько мы с тобой не виделись, Архипка?

У стены произошло движение, Тахтабаев и Мансуров подошли к Николаю. И вовремя: он напрягся, словно желая оттолкнуться от стены и прыгнуть вперед.

— Чего пришел? — грозно нахмурила свои красивые брови Екатерина Васильевна.— А ну, давай отсюда! — Она посмотрела на Рахиль.— И ты тоже! Нечего по чужим домам...

Архипка ощерился, по-обезьяньи согнулся.

— Тише, тише ты! Ты ведь обещал! — зашептала Рахиль, дергая его за руку.

Архипка нервно вздрагивал.

— Уйди, гад! — рванулся Николай. Его удержали Мансуров и Тахтабаев.

— Не надо, не надо, — повторяла Розалия Николаевна, взгляды-вая то на мужа, ища у него защиты, то на Архипку. В глазах ее застыл ужас.

Архипка выпрямился и улыбнулся. Он знал, что так его встретят. Он готовился к этому.

Внезапно наступила тишина, готовая прорваться криком, дракой.

— Садись, раз пришел, — сказал Христофор и поправил черную повязку на глазу. — Садись, не бойся.

— Это я-то боюсь? — усмехнулся Архипка.

Он протянул руку Христофору, продолжая улыбаться. Христофор будто не увидел протянутой руки, показал на стол: «Садись!» И то, что к столу пригласил эту парочку не хозяйин дома, а именно Христофор, внезапно сняло напряжение.

— Ну что ж, налейте. Где хозяйин? — продолжал Христофор.

Алмазов налил в две кружки водки и поставил одну перед Рахилью, другую перед Архипкой.

— Что подельваешь? — рядом с Христофором встал Николай, к ним подошли Тахтабаев и Мансуров. — Давно на свободе гуляешь?

— Вот, пока гуляю. Да вас вспоминаю, да свадьбу новую справляю, — ответил Архипка и выпил водку залпом.

— Слышал, слышал про тебя...

— Да не видел, — заметил Архипка. Он был сегодня в ударе.

— Вы, правда, поженились?

— Мы который раз с ним женимся, — грустно усмехнулась Рахиль.

— С начальниками пить опасно, — сказал Архипка, — смотри, как окружили.

— Правильно. — Это сказала Екатерина Васильевна. — Чего обступили? Давайте танцевать.

Танцы не ладились, постепенно все отошли в сторону. У окна стали Христофор и Николай. К ним подошли Мансуров и Тахтабаев. Женщины стояли с Алмазовым. Бессараба с Атакуловым вышли в переднюю. Получилось так, что за столом остались двое: Архипка и Рахиль. Это было, наверно, самым обидным для Архипки. Он ожидал чего угодно, но только не безразличия. Он вскочил, загорланил песню. Вокруг молча стояли люди и не останавливали, не урезонивали его. Архипка стих, пошел на свое место и сел. Рахиль вполголоса начала его уговаривать. Мне даже показалось, что никто не смотрит в их сторону.

— Давайте выпьем за плотину, — сказал Алмазов, наливая в кружки водку. Роздал всем находившимся в комнате и с каждым чокался. — Некоторые думают: где дальше будем работать! Работы всем хватит, она только начинается...

И снова в комнате стало шумно. Начался общий разговор. За столом сидели по-прежнему Архипка и Рахиль. Архипка стукнул кулаком по столу, затарахтели миски.

— Смотри, не разбей хрусталь, — крикнул ему Христофор.

Все засмеялись. На столе среди алюминиевых мисок и жестяных кружек одиноко стояла пустая бутылка. Архипка поднялся, не глядя ни на кого. В дверях остановился, поднял кулак и всем потрозил. Все опять засмеялось. Его обняла за плечи Рахиль и увела. Когда они ушли, никто ничего не сказал им вслед, словно их и не было.

Через минуту в комнату вошел Карим. За это время все успели выпить еще по кружке. Увидя Карима, Мансуров бросился его обнимать.

— Карим, ты золотой человек, — он повис у него на шее, — ты молодец, самый замечательный. Скажи нам, Карим, ты замечательный машинист?

— Замечательный, Абдулла Садыкович, очень замечательный, — отшучивался Карим.

— Нет, ты мне скажи, — упорствовал тот, — ведь ты машинист?

— Да, машинист, уже скоро два месяца машинист.

«Как два месяца? — подумал я. — Неужели наш Карим всего два месяца машинистом! Неужели за два месяца произошла смена ковшей, пуск обводного канала, неужели всем известный в Узбекистане Карим Юлдашев стал машинистом всего лишь два месяца назад?»

Он пробрался ко мне и шепнул на ухо:

— Иди.

Мне уже не терпелось, я уже не мог сидеть здесь. Сердце было там, в том маленьком домике напротив. Я смотрел на знакомые лица, слушал знакомые голоса, но не понимал ни слова.

Потихоньку я вышел в прихожую. Оттуда выскочил на улицу. Сердце мое билось так громко, что казалось — в горах грохочет гром. Я сделал несколько шагов и услышал всхлипывание. Я остановился и прислушался. Кто-то выругался.

— Я им покажу! — И опять рыданье. — Я им всем! — и опять всхлипывание. Там, за углом, был Архипка.

— На, утрись. Бери, утрись, чистый же платок.

— Самой пригодится.

Всхлипывания Архипки утихли.

Я перешел улицу и шагнул к заветной двери. Наконец-то. «Наконец я приду к ней, — твердил я себе. — Приду? Я ведь уже пришел. Чего же я медлю, почему стою здесь — не взлетаю на ступеньки, не стучу в дверь?» Я смотрел на голубую дверь и представлял, как сейчас, сию минуту я подниму руку, стукну согнутыми пальцами по той вон деревянной планке и дверь распахнется.

Дверь распахнулась. На пороге стояла Карамат. Увидев меня, она от неожиданности отшатнулась и сразу же засмеялась над собой.

— Ах, это вы! Входите, Джеввед. А я как раз собиралась... Я ухожу сейчас... — Она обернулась и крикнула: — Ирада!

Я вошел в маленький пустой коридорчик. Стены его были побелены известкой, деревянные полы выкрашены темно-вишневой масляной краской. Полы были очень чистые.

На оклик Карамат никто не отозвался, и она открыла передо мной дверь в комнату.

— Проходите! Не бойтесь, проходите. Ирада, я пошла! До свидания, Джеввед.

Маленькая полутемная комнатка. Стол, два стула, красивая тахта.

Окно было завешено какими-то длинными занавесками, держась за них рукой, спиной к окну стояла Ирада.

Она не пошевелилась, но как-то подалась вся вперед, не выпуская из рук занавески, — я думал, она хотела кинуться мне навстречу, я тоже хотел кинуться к ней. Но она продолжала стоять у окна, свет из окна просвечивала ее волосы, и они сияли. Я стоял на пороге и не мог двинуться с места, я глядел на Ираду и что-то сжимало мне горло. Она молчала, и я тоже молчал, я не мог сказать ни одного слова.

— Вот вы и пришли, — тихо сказала Ирада. Она первая собралась с силами, начала быстро говорить: — Вы же хотели прийти ко мне, помните? Вот и хорошо, что пришли... — Она еще что-то говорила, все не отходя от окна, а я хотел подбежать к ней, обнять ее и целовать, целовать...

Я подошел к Ираде и поцеловал руку, которой она все еще

держалась за занавеску. Потом явзял и тихо поцеловал другую ее руку.

— Да, Джевед?— настойчиво повторила Ирада.

— Что?

— Я спрашиваю, вы ушли сразу после митинга? Вы у Алмазова были?

Я отвечал ей, а сам смотрел на ее губы и все время думал только о том, что хочу целовать их. Ирада знала это, она отняла у меня свою руку и, чтобы скрыть смятение, продолжала говорить подряд про всякую ерунду, расхаживая по комнате. Она переставила стулья, переложила какую-то книгу со стола на окно, и, когда она обернулась ко мне, я увидел в глазах ее облегчение. Я обернулся — в дверях, позади меня, стояла Сабира-хола. Сабира покосилась на меня и на Ираду своими подозрительными щелочками и, ничего не сказав, пошла в коридорчик, а оттуда, наверно, в кухню, потому что слышно было, как она тремит тарелками. Двери она оставила открытыми.

— Садитесь, Джевед,— сказала Ирада.— Садитесь. Сейчас ужинать будем. Вы там у Алмазова уже пировали, кажется? Жалко, что Карамат ушла.

— Ее Карим ждет.

— Никто никого не ждет! Дождались уже! Видела я их сейчас, как сюда шла,— бесцеремонно вмешалась Сабира-хола. Она вошла в комнату с тарелками в руках и расставила их на столе. Она начала говорить очень громко, потом обавила тон и последние слова пробурчала себе под нос. Оглядев стол, Сабира снова вышла. Я быстро захлопнул за ней дверь и обнял Ираду. Она испуганно повернулась к двери, и я успел только поцеловать ее в ухо. Она оттолкнула меня, и я с размаху сел на тахту. В следующий миг вошла Сабира с дымящимся блюдом в руках. Тахта, показавшаяся мне на первый взгляд роскошной, была очень жесткой — просто деревянный топчан, накрытый старым ковром. Мы с Ирадой, как заговорщики, обменялись взглядами. Я улыбнулся, и Ирада, все еще сердясь на меня за мою выходку, не выдержала и засмеялась.

— Ну, все готово,— сказала Сабира-хола. — Садитесь.

Так как стульев было только два, мы подвинули стол к тахте — я так и сидел на ней весь вечер. Сабира-хола продолжала командовать.

— Ирада, доченька, спроси своего гостя, чего ему положить! Джевед, кушайте, дорогой! Это манты. Вы любите манты? Берите же!

Я посмотрел на манты. От них шел чудесный аромат, но они были слишком крупны. Подцепить вилкой и откусить? Но тогда сок прольется. Целиком проглотить? Невозможно. У себя дома я ел чебуреки руками.

— Прошу меня извинить, Ирада,— сказал я, отложив вилку в сторону.— Нельзя ли к этим штукам применить ручной труд?

Ирада весело засмеялась (она ела манты вилкой и ножом — ей не жалко было, что сок вытекает на тарелку):

— Сделайте одолжение, Джевед!

Сабира-хола громко хохотала:

— Ручной труд! Ха-ха-ха! Скажет тоже! Ха-ха-ха! В самом деле, что за мученье? — добавила она, утирая слезы.— Кушайте как вам удобнее, применяйте ручной труд!

Мне не было обидно, что надо мной смеются, мне было весело, хорошо, чудесно. Жизнь моя решена. Я счастлив. Хотелось сделать что-то необыкновенное, как-то выразить свою радость, кричать, петь — и целовать, целовать милую мою Ираду! Но кричать и петь было нельзя — с нами сидела Сабира-хола. По этой же причине нельзя было поцеловать Ираду.

Так мы и сидели втроем, разговаривали. Сабира-хола, если и выходила на минуту, то оставляла дверь открытой. Но в эти минуты я мог хоть смотреть на Ираду. Она смущалась, краснела и, торопясь скрыть свое смущение, начинала скучный разговор о работе. А я разглядывал тонкие чулки, короткую юбку и ярко-синюю вязаную кофточку. В этой кофточке она праздновала Новый год. Очень ей к лицу был этот наряд.

Сабира принесла чайник. Ирада сама налила мне чаю. Я любовался ее тонкими руками, представлял, как она опустит их мне на плечи и голову прислонит к моей груди. Я понимал, что пришло счастье.

Кто-то постучал в окно с улицы. Сабира-хола вышла и через минуту вернулась.

— Тебя, доченька, зовут.

— Меня?— удивилась Ирада и вскочила.— А кто пришел?

— Мужчина какой-то. Кажется, из монтеров, у которого жена родила двойню. По-моему, он.— Тетушка Сабира была верна себе.

Ирада побежала в коридорчик.

— Это из технического отдела,— сказала она, вернувшись.— Анна Яковлевна прислала. Ну, что же... Как же... Мне надо идти. Вы посидите, Джевдед. Я сбегая быстро! А вы посидите.— У нее был виноватый голос.

— Нет, я пойду.

— Не уходите. Я быстро сбегая. Сабира-хола, не отпускайте его!

— Не уйдет,— сказала Сабира.

Я возмутился. Много она берет на себя, эта Сабира! Вот возьму и уйду, и никто меня не удержит. Но мне не хотелось уходить.

Ирада еще раз заглянула в комнату — уже в сапогах и в кожанке — и помахала мне рукой.

— Как вас встретила Екатерина Васильевна?— спросила меня тетюшка Сабира, когда мы остались с ней одни.

— Хорошо,— ответил я.

— Я знаю, что хорошо,— с достоинством сказала Сабира.— Но о чем вы говорили?

— Да, вроде, ни о чем...

— Ни о чем? И там, в Ташкенте, она тоже ни о чем не говорила? Мне стало противно от этого ее дружеского допроса.

— Знаете, тетюшка Сабира,— решительно сказал я,— вот я сейчас все вам расскажу, и больше никогда вы меня об этом не спрашивайте. Надоело. Я встретил ее на вокзале, она меня окликнула...

И я рассказал все как было, ничего не утаивая. Когда я кончил, Сабира смотрела на меня своими узкими глазами совсем не так приветливо, как перед этим, словно разочаровалась во мне. И вдруг сказала:

— Ирада будет огорчена. Она не знала, что у вас так далеко дело зашло...

— Какое дело?— закричал я.— Что вы говорите? Куда зашло?

— Вот видишь, ты волнуешься,— с упреком заметила Сабира.— Значит, что-то не то... Значит, что-то у вас было...

— Откройте мне дверь,— сказал я.

На душе было тошно и гадко. Куда девалось мое радостное настроение, мое счастье! Проклятая старуха.

По дороге я заглянул в окно кабинета Краснянской. В нем было темно и тихо. Затем я вернулся, подошел к дому Анны Яковлевны, здесь тоже было тихо и пусто.

Куда ушла Ирада?

Я проснулся поздно. Проснулся в прекрасном, радостном настроении. В окошко било солнце, на полу лежали яркие клетки. Воздух в комнате играл. Я вскочил с постели и почувствовал крепость в мускулах, дышалось ровно, глубоко. «Закончен обводный канал», — вспомнил я. Потом мысли перекинулись к прошлому. Думать о прошлом удобнее лежа, и я снова улегся.

Я вспомнил кабинет секретаря ЦК комсомола. Наверное, и сейчас там такая же толчея и суматоха. Все так же секретарь ЦК звонит по телефону, требует от кого-то машины, бетон... Я вспомнил его книжечку, в которой он записал мою фамилию. Наверно, каждый день он отправляет таких, как я, на стройки, и люди приходят на стройку чужими, а потом быстро приживаются, и вся стройка, все люди становятся близкими, хорошими друзьями.

Не все, конечно, становятся друзьями. Ну вот Архипка. Каждый сам творец своей судьбы. Да и что сделает один Архипка против нас всех? В сущности, он несчастный человек. Сабира-хола тоже так говорит. Сабира-хола — чего она ко мне все время лезет! Она меня явно недолюбливает, мешает, не хочет, чтобы я встречался с Ирадой. Почему? Ну да! Я ей не пара. С точки зрения Сабиры, в пару ей был бы Турсунов. Да, Сабира хотела счастья своей Ираде, она оберегала ее, но упускала такой «пустяк», как любовь... О, Сабира! Сколько принесла ты мне огорчений! О, Сабира, сколь нежна и предупредительна ты стала со мной, когда убедилась, что выбор Ирады окончателен, что не только я без Ирады, но и Ирада без меня не может. Ради Ирады она стала относиться ко мне лучше, чем к ней, ради нее она взяла на себя управление всем домом, всеми нами и в первую очередь детьми. Когда я строил Цимлянскую плотину, Ирада приезжала ко мне в отпуск. Дети оставались с бабушкой Сабирой.

Как жаль, что человек не знает, что с ним случится в будущем. Я бы тогда не злился так на Сабиру. А Ирада? Куда ее вызвали, где она?... А вдруг ее переведут на другой участок? Сейчас ведь все сменные инженеры — и она, и Джураев — должны получить новые участки. Скоро начнем строить плотину. А вдруг ее не будет рядом?

Ирада любит меня! Она вся светилась, когда я вчера вошел в комнату. Любит меня! Но как же тогда могла она поверить Екатерине Васильевне и сразу разлюбить? А может быть, я ошибаюсь в Ираде? Может быть, она такая же, как и другие? Что случилось такое, что я готов пойти за ней хоть в огонь, хоть в воду? Если ее переведут, я тоже пойду работать за ней — где она, там и я. Я хочу видеть ее всегда, каждый день, ее глаза, ее ломкие брови, ее изящный подбородок, резкие движения, слышать ее мягкий голос. Она всегда будет рядом со мною, моя неповторимая Ирада.

...Даже сейчас, много лет спустя, когда я сижу за своим столом и пишу эти строки о своей жене, о ее красоте, светлое чистое чувство поднимается в моей душе, я становлюсь добрее и благороднее. Может быть, это ее красота и нежность делают меня таким, а, может быть, дело вовсе не в этом — просто в любви.

А раз так, то все равно: красив человек или нет, молод или стар, умен или глуп — любовь остается любовью. И вот что удивительно: это чувство делает уродливого красивым, глупого — умным — только в глазах любимой, на самом деле происходит такое превращение! Я думал о волшебном могуществе любви, еще я думал, что любовь сама по себе чиста и прозрачна, что ее не видно и кажется — все делается само собой. И мне стало жаль тех, кто лишен любви и пытается заменить ее...

Что ищет Екатерина Васильевна? Потерянной молодости? Неузнанной любви? Что она мечется от одного человека к другому? Какая пустота, безысходность. А ведь Мансуров любит ее. Неужели его чувство не может заставить Екатерину Васильевну измениться? Значит, чего-то не понимает она и потому так ведет себя.

Я до сих пор думаю, что человек, совершивший даже много дурного, заслуживает снисхождения — если это из-за любви. А у Екатерины Васильевны любви не было.

Наверное, нельзя так просто, так быстро судить о жизни. Бывает и такая любовь, как, например, у Карамат: ясная, простая, понятная всем. Карамат — живая, жизнерадостная, очень твердая в своих стремлениях, доверчивая девушка. Она терпеливо ждет. Она уверена, что Карим скажет ей то, что она хочет от него услышать. Она уже приготовила себя к мысли о том, что будет его женой, и в этом простом, немножко наивном решении есть свой героизм, самопожертвование. Она знает и другое — если Карим ее не полюбит, тогда она никогда не выйдет замуж, никогда никого не полюбит, ибо сердце ее отдано одному человеку.

Был еще один человек, одна женщина, личная жизнь которой интересовала меня. Я строил догадки и иногда пытался говорить с Ирадой, которая, как только я начинал, сейчас же, как улитка, забиралась в раковину. Это была Анна Яковлевна Краснянская. И она любила. Конечно же, она любила Вадима Семеновича. Тут доказательств не требовалось. Но как сочеталась ее любовь к Вадиму с чувством верности к мужу? Мешала ли вдовья верность полюбить? Наверное, нет. Анна Яковлевна достаточно была умна, чтобы здраво разобраться во всем этом. Но были дети, уже большие дети, живущие у ее матери. Они должны были сердцем понять ее, одобрить ее выбор. Это пока останавливало Анну Яковлевну от какого бы то ни было решения.

Всю горячность свою, всю страсть Анна Яковлевна вкладывала в работу. Прошло немного времени со дня смерти мужа, он был еще рядом с ней, и поэтому близких людей (а Вадима Семеновича она считала близким человеком) она мерила по нему. Она старалась представить, что бы сказал, как поступил бы ее муж в том или ином случае.

Так в это утро я раздумывал о странностях любви.

Вошли Николай и Христофор. Они теперь всюду ходили вместе. Разлеглись на койках. Пошептались. Николай хихикнул, Христофор пропел: «Любви все возрасты покорны».

— Как рука? — спросил я Христофора.

— Как сердце? — спросил Христофор меня. — Куда вчера исчез?

— Чего спрашиваешь, — заметил Николай, — посмотри на него! Видишь, у него уши выросли, за один день поглупел, значит...

— Значит, — торжественно произнес Христофор, — значит, пока я лежал в больнице, вы оба стали тут начальниками! Меня это очень радует, но...

— Какими начальниками? — удивился Николай. — Что-то не понимаю.

— Как же! Ты и Джевдед уже помощники машинистов. Это, знаете, не так уж плохо.

— Ах, вот ты о чем. Не думаешь ли ты, что теперь мы будем ходить в кожаных пальто и хромовых сапогах? — сказал я. — Мы помощники вот уже скоро месяц. Однако что за это время в нашей жизни изменилось? Ничего! Когда ночью на экскаваторе обрывается трос, то мне приходится хватать кувалду и первым бежать в обрыв, чтобы выбить из уха болт.

— Видишь ли... это старая твоя привычка, ты все еще воображаешь себя нижником! Конечно, можешь бежать с кувалдой, можешь и не бежать — у тебя есть люди, — усмехнулся Христофор; он в это время осторожно приподнял левой рукой правую руку и положил ее на подушку. — Но зарплата у тебя стала больше, не то, что у нашего брата!

— Да, получаю я больше, чем нижник. Это верно. Тут тебе есть к чему придираться.

— А квартира? Раз ты стал начальством, то тебе нужна квартира. Николаю — не знаю, а тебе пора обзаводиться...

В это утро у Христофора было игривое настроение.

— Ну, что ж, друзья, — сказал Христофор, пытаясь подняться с койки, — будем валяться до вечера? Мне уже хочется есть. Пусть даже щи из кислой капусты, даже макароны, лишь бы из рук нашей тетушки Сабиры.

— Тогда, — продолжал Николай, — скорей вставай и пойдем завтракать. А раз мы придем с тобой, то хорошая встреча нам обеспечена.

Увидев Христофора, тетушка Сабира разохалась. Она угостила нас на славу. Все время расспрашивала Христофора и подкладывала ему в тарелку большие куски мяса, кое-что подбавляла и Николаю. Меня словно не было, меня она не замечала! Значит, опять надо мной сгущаются тучи?

...Прошло несколько дней. Часто я встречал Ираду в «Голубых скалах». Она всегда торопилась. На ходу здоровалась со мной, извинялась за то, что не имеет времени со мной поговорить. Лицо ее всегда принимало озабоченное выражение.

— Здравствуйте, дорогая Ирада, — встречал я ее, и голос мой выражал и любовь, и тревогу.

— Здравствуйте, дорогой, — отвечала мне Ирада, и голос ее не выдавал ни волнения, ни тревоги.

Авторизованный перевод с татарского *А. Одинцова*

Продолжение следует.

Новые стихи

Андрей ИВАНОВ

Ночные пути

Огни... огни... внезапные огни.
Они повисли звездно над путями,
Где лабиринт платформ и переездов,
Где то промчатся бурей поезда,
То, как могучий, но уснувший ветер,
Составы за составами стоят.
Дадут сигнал, и глыбы мощной силы
Их превратят в безудержный порыв,
В суровые, стремительные ритмы.

О быль глухих, степных казахских станций!
О дедовские милые гнездовья!
Где мчались рельсы, шла за ними жизнь,
И ваша боль по травам волоклась,
И радости, как маки расцветали.
Я там провел мальчишеские годы,
В пакгаузах ловил сизоворонок,
Мечтал о городах и побережьях,
Я долго жил под грохот поездов,
Поющих о неведомых рассветах.
Не потому ли так мне полюбились
Пути, молниеносная игра
Могучих клапанов, горячих поршней,
Мельканье встречных, гулких поездов,
Пропахших медуницей и ветрами.
Как буйных, горных речек быстрина,
Они всегда притягивают мысли.

О переключки летних поездов,
Влюбленных в города и расстоянья!
Держи, держи за полы память дней,
Тех, что не раз щемили сладко сердце

Грустинкою неожиданных расставаний
И обжигали горечью разлук.
В них медный отсвет молчаливых зорь,
В них голоса лесов, озер и рек,
И милый облик задрожавших губ,
И крупная звезда на небосклоне.

Огни.., огни.. внезапные огни.
А ночь разгоряченная, большая
Ласкает океаны синевы
И прячет свои темные ладони.
Ночь поднимает запахи платформ,
Ночных путей, составов и перронов.
И вороной монгольской кобылицей
Ночь скачет до утра за поездами.

Фрагмент

О, как она любила эти дни
И цвет листвы из янтаря и меди...
Но нет в огне ранений тяжких броду:
Днем голова упала на ключицы,
Днем холод памяти слепил ее, как дым,
Днем умирала трудно партизанка,
А с нею вместе умирала осень.
А было по-осеннему светло
И величаво в коридорах леса.
Под сводчатыми кронами дубов
Перекликались рдеющие краски...

Когда над ней склонились партизаны,
Открыв глаза, она коснулась лба
Горячею, сухою, как у птицы,
Ладонью смуглой худенькой руки
И, думая, как видно, о хорошем,
Вдруг, силясь улыбнуться, прошептала:
— Не надо слез... не надо, мне
не страшно...
Я буду жить... Ах, как прекрасна
жизнь!..

Шел ночью дождь, а утром,
на рассвете,
Саперные лопатки набросали —
Крик одиночества — песчаный бугорок.
Безмолвно ткала пряжу тишина,
Лишь редко-редко в завеси кустов
Дрозд пробовал свой отсыревший голос,
Да тихо-тихо пенилась листва,
И сыпались с нее в траву дождевики.
А людям чудилось, что кто-то шепчет
В огне тоски:—Ах, как прекрасна
жизнь!..

Из письма

...Все здесь — не как положено,
Но у подошвы холма
Строили нам надежные
Этой зимой дома.
Славя в буран действительность,
Вышел к ним телеграф.
С чем только мы не свиделись,
Круто ломая нрав
Речки, да разобиженной
Хитрой, седой горы!..
Дерзко, порой возвышенно
Стукали топоры.
Мокрые экскаваторы,
Тысячи тонн камней..
В марте, за перекатами,
Стала река умней.
Было не очень весело
Лезть к берегам ночным,
С руганью злою, в месиво,—
Мы уж о том молчим.
Знали, что не задворками,—
Мимо огромных дамб,
С новыми поговорками
Летом пойдет вода.
Ниже придут к ней кеклики,
В травах начнут снова
И поклюют все реплики,
Яростные слова...

Не странно ль...

Есть в памяти какие-то границы,
Надолго зарастающие тропы
На берегах давно уснувших чувств.
И нужно только маленькую искру,
Какой-то незначительный толчок,
Чтоб снова стали берега доступны.
Бывает так: сквозь серенькую тину
Сплошь дождевого пасмурного неба
Беспечно глянет яростное солнце.
Иль вдруг проснувшись ночью,
замечаешь,
Что осень просочилась тихо в щели,
Открыв свои плетеные корзины
С могучим запахом листвы и трав.
Иль вдруг дунайской вековой
грустью
Пахнет на нас играющая скрипка.
А иногда лишь дуновенье ветра
С сухих давно распаханых полей, —
И вдруг нежданное охватит счастье.
Бормочет сердцу память, как ребенок,
О радостях, растаявших, как дым.

До нежного сжимания в груди
Нам делается сладко и печально.

Все окрашено детством

Было время — отцы уходили в метель,
Перед этим с винтовкой склоняясь над
зыбкой.

Потому наше время труда и детей
Не велит распинать ни мечту, ни улыбку.

Вот возник, как волна, заразительный
смех

Среди звонких ручьев разговора
людского.

Он, как пламя, горит, освещая нас всех
Озорством позабытого детского слова.

Все окрашено детством, любой человек,
Как бы ни был он стар, он поссорится
с счастьем,

Если детство забыв, протабачив свой
век,

Не мечтает, как дети, хотя бы отчасти.

Жизнь

Окидывая памятью былое,
Затаиваясь ночью, как вода,
Я чувствую, как тихо надо мною
Летят давно ушедшие года.

Они сверкают, пронятые светом,
Узвнее, печальней с каждым днем.
Что говорить, хорошие заметы
Оставило былое... Но о нем

Я не грущу... Возможно ль быть в обиде,
Когда я знаю, знаю, что могу
Легко весною ощутить, не видя,
След солнышка на мартовском снегу.

Я не был злым, завистливым и лживым,
О жизнь! Ты только света не гаси.
Я не гонюсь за славой и наживой,
Я для тебя не пожалею сил!

Человек

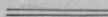
Он возводит здания и плотины,
Украшает землю днем и ночью.
Пишет вдохновенные картины,
Ждет весны и набуханья почек.

Ждет листвы весенний первый лепет.
А когда кукушка прокукует,
Ощувив в крови неясный трепет,
Человек от радости ликует.

Человек любит лесами,
И горами, и морским прибоем.
Всем, что люди терпеливо сами
Создавали с чуткою любовью.

Созидая, он спешил добавить
Будущее, но на лад на свой лишь.
Глубока его об этом память,
И ее, как родинку, не смоешь.

Улучшая и моря и сушу,
Много он и страстно потрудился.
Если б дать природе ум и душу,
Как бы человек ей полюбился!

В ОСЕННЮЮ ПОРУ

Рассказ

1

Николай Кузьмич просыпается рано, и первое, что он теперь испытывает,— какое-то странное внутреннее смущение, неловкость, виноватость какую-то. Чуть приоткрыв глаза, он из-под седых дремучих бровей сердито взглядывает на жену и снова смыкает веки. Но через минуту, все-таки решившись, Николай Кузьмич бесшумно приподымается с подушки, и в то самое время, когда он берется рукой за спинку кровати, вдруг замечает, что жена следит за ним спокойными полуоткрытыми глазами.

Молча встретившись с ней взглядом, Николай Кузьмич хмурится, встает с кровати и начинает одеваться.

Через четверть часа, тихонько притворив за собой дверь, он выходит на улицу, и свежесть ясного летнего утра напоминает ему прозрачные степные просторы, тугие ветры—он любил ловить их своей крепкой рукой из окна паровоза, а они били в ладонь, как речная сильная струя; полузабытые пейзажи—реки, грохочущие мосты, исполинские новостройки с устремленными ввысь подъемными кранами, большие города, незнакомые села... Все это пронеслось мимо него и осталось теперь где-то позади.

Быть может поэтому Николай Кузьмич любит солнечным утром походить по улицам, вглядываясь то в веселые, то озабоченные лица прохожих, прислушиваясь к их полуоборванным фразам; любит хоть минутку постоять под старым чинаром, поглядеть на его могучую крону; любит смотреть, как в чистом небе сверкнет и скроется в лучах солнца крыло самолета, как по улице с песней идут пионеры. Он уже знает, что вот сейчас из этого подъезда выбежит невысокая девушка с маленькими веснушками на веселом лице. Она всякий раз улыбается, встречаясь с Николаем Кузьмичом, и от этих ежедневных встреч они, должно быть, скоро станут здороваться.

А затем, вспомнив о своих многочисленных и неотложных делах «домохозяина», как называет он сам себя теперь, Николай Кузьмич возвращается домой. Он идет мимо раскрытого окна и слышит, как

Надежда Филипповна, его жена, гремит чайной посудой и громко жалуется сыну Алексею на отца за его беспокойный и непоседливый характер, как Алексей что-то веселое отвечает ей из своей комнаты, наверно, поправляя перед зеркалом галстук. Николай Кузьмич входит во двор маленького особнячка, подаренного ему Управлением железной дороги, когда он уходил на пенсию, не спеша идет по дорожке мимо зеленой беседки, сплошь увитой буйно разросшимся хмелем, сворачивает за угол и останавливается возле передней. Здесь, шумно отфыркиваясь и разбрызгивая воду, по пояс голый умывается из простенного умывальника внук Николай Кузьмича — четырнадцатилетний Федя, сын старшей дочери Валентины, уехавшей с мужем в новый совхоз на целинные земли. Николай Кузьмич молча стоит позади внука, потом, весело крикнув, с удовольствием хлопает его по голой мокрой спине и уходит в комнату.

Немного погода все четверо садятся завтракать.

Алексей, такой же смугловатый и строго красивый, как мать, здоровается с отцом и здесь же, за завтраком, наскоро просмотрев свежие газеты, уходит на завод, в свое конструкторское бюро. Вслед за ним, на ходу прожевывая последний кусок, убегает в школу Федя.

Некоторое время Николай Кузьмич и Надежда Филипповна сидят молча, но каждый знает, о чем будет сейчас разговор.

Надежда Филипповна задумчиво смотрит на солнечный зайчик, который, словно живой, дрожит на скатерти.

— Двадцать девятый год минул — не шутка, — говорит она со вздохом. — Засиделся он у нас, ох, засиделся!

— Ничего, в девках не останется, — ухмыльнулся в усы Николай Кузьмич.

— Чем балагурить, поговорил бы лучше с ним, ведь отец! Аль тебе внучат не хочется понянчить!

Николай Кузьмич не отвечает. Он молча допивает свою чашку чая, берет газету и идет в беседку.

За день он раза два успевает вздремнуть, в полдень с часок посидеть в парке, потом дойти до центральной улицы, купить в большом фирменном магазине пачку папирос и не спеша снова вернуться домой. Сегодня Надежда Филипповна слишком уж долго возится на кухне возле газовой плиты, и Николай Кузьмич заходит туда с неизменной папиросой в руке. С минуту он молча глядит, как она ловко отделяет капустные листки от вилка, а потом, улыбаясь, говорит:

— Наверно, хочешь, мать, голубцами сегодня покормить нас с ребятами, а? Только надо бы не в капусту заворачивать, а в виноградные листья. Вот бы штука-то была, мать, а? Кисленькие.

— А ты уж не мешал бы, Ника, — с обидой обрывает его Надежда Филипповна.

Николай Кузьмич слегка багровеет, брови его низко падают на глаза.

— Эх, и не нравится мне, что ты меня так зовешь. Ведь не мальчишка! Так только прощелыгу какого-нибудь в узких штанах звать можно, А я машинист. Понимаешь, старый машинист, рабочий!

— И что здесь такого обидного? — должно быть, уж в сотый раз оправдывается Надежда Филипповна. — Просто, по-домашнему. И почему ты никак не привыкнешь? погоди, вот придет невестка-то в дом, так она только так и будет тебя звать. Попомни мое слово.

— А!.. — И с раздражением махнув рукой, Николай Кузьмич уходит в свою зеленую беседку.

«Да... Что-то не то... Не тем я занимаюсь», — часто думает он:

Каждый год Алексей три или четыре раза ездит в Москву, в командировку. И всякий раз в его отсутствие происходит та незаметная перемена, какая всегда бывает в доме с отъездом близкого человека и которую можно скорее почувствовать, чем, может быть, просто увидеть. Николай Кузьмич больше молчит и хмурится,—хмурится он всегда так, словно в лицо ему дует сильный ветер,—невесело следит за проказами Федьки, раньше обычного ложится спать.

Последний раз Алексей уехал в конце октября, когда все чаще выпадают ненастные дни, и Николаю Кузьмичу волей-неволей приходится сидеть дома. С наступлением первого ненастья и отъездом сына, пока еще в доме есть кое-какая работа, время бежит незаметно, но когда ненастье начинается тянуться неделями, а опавшие с деревьев листья во дворе давно уже убраны, щели в окнах зашпаклеваны замазкой и даже забит гвоздь на вешалке, Николаю Кузьмичу становится невольно.

Словно малый ребенок, ходит он вслед за Надеждой Филипповной по комнатам и произносит со вздохом:

— Что ни говори, а ведь ты, мать, права. Был бы вот сейчас у нас внучонок, я бы и не подумал скучать. А?..

Надежда Филипповна вздыхает, молчит, месит тесто.

— Чего ты молчишь?

— А что я тебе скажу? Сам и виноват. Позаботился бы, поговорил с Алешей как следует.

Николай Кузьмич безнадежно машет рукой и уходит в другую комнату читать книгу. Но глаза скоро устают, он откладывает книгу в сторону и опять ходит по комнатам, ищет для себя какой-нибудь работы.

Как-то, стоя у стола, за которым Федька обычно учил уроки, Николай Кузьмич наткнулся взглядом на старый испорченный будильник и так обрадовался, будто нашел именно то, что искал вот уже сколько дней кряду. Он тут же присел к столу, расстелил газету и принялся разбирать будильник. Тихонько посвистывая или вполголоса бормоча какую-нибудь песенку, Николай Кузьмич просидел за будильником дней пять, и неизвестно, сколько бы он провозился еще, если б ему не помешало одно неожиданное обстоятельство.

Однажды утром, едва он уселся за свой будильник, принесли телеграмму. Николай Кузьмич, волнуясь, вскрыл ее, прочитал и сначала ничего не понял. Потом он еще раз пробежал ее глазами, окликнул жену и опять несколько раз вслух прочитал ей телеграмму. Густые, высоко вскинутые брови его заметно подрагивали, седые усы шевелились.

В телеграмме Алексей сдержанно извинялся, что задержится в Москве еще на несколько дней, а пока просил встретить девушку, которая приезжала сегодня вечерним поездом и, если ей понравится, поселить ее в его комнате.

Все еще не вполне осознав то, что они прочитали, Николай Кузьмич и Надежда Филипповна, ошеломленные, молча смотрели друг на друга.

— Это как же понимать надо, Николай Кузьмич?— наконец овладев собой, шепотом спросила Надежда Филипповна.

— Да вот так, видно, и понимать.—Николай Кузьмич снова начал водить пальцем по телеграмме и, найдя то, что ему было надо, громче обычного прочитал: «Встретьте, примите ласково. У нее серьезная работа. Нужна тишина. Лучше всего подошла бы моя комната. Если, конечно, понравится. Крепко обнимаю. Алексей». Ну, что ты на это скажешь?— уже совсем другим, веселым голосом спросил Николай Кузьмич и легонько тронул указательным пальцем нос Надежды Фи-

липовны. А она вдруг уронила голову ему на плечо и старчески всхлипнула, не в силах произнести ни слова.

Немного погодя Николай Кузьмич завернул в газету разобранный будильник, спрятал его за шкаф, а потом вошел в комнату Алексея и долго стоял там один, оглядывая мебель, потолок, стены...

Перед вечером, когда мутные осенние сумерки будто занавесили снаружи окна мягкой пуховой шалью, старики потеплее оделись и поехали на вокзал.

3

Федька блаженствовал дома один. Едва стихли за окном знакомые голоса, он поставил к гардеробу стул, достал сверху пестренький мешочек с конфетами и, набив ими карман, развалился на ковре читать «Остров сокровищ». Временами он прислушивался, как в тишине за окнами тонкой бурливой струйкой льется с крыши дождевая вода.

Часа через полтора Федька вспомнил, что ему велели поставить на плиту чайник. Он мигом вскочил, забыв на ковре раскрытую книгу и кучу скомканных разноцветных бумажек. И пока шумел на плите чайник, Федька, перекинув через плечо суровое чайное полотенце, доставал из буфета посуду, до блеска и скрипа протирал каждую чашку и ставил на стол. Он еще не успел закончить эту работу, как в калитку постучали. Не сняв с плеча полотенце, Федька метнулся во двор. Распахнув калитку, он на мгновение остолбенел: перед ним стояла молодая женщина в синем плаще, повязанная простенькой пуховой шалью.

— А где же наши?— выпалил Федька, забыв поздороваться.

Она с веселым недоумением молча глядела на него.

— Наши ушли встречать вас на вокзал. Дедушка с бабушкой,— добавил Федька.

— Не видела. Не знаю,— спокойно ответила молодая незнакомка. И вдруг спросила быстро:— А вы разве меня уже знаете?

Федька хмыкнул:

— Мы телеграмму получили.

— Тогда... пропусти меня. А то все-таки дождь,— сказала она и вошла во двор.

Федька выхватил у нее из рук чемодан, спросил:

— А больше вещей нет?

— Нет.

Они вошли в переднюю. Федька поставил чемодан на пол, в самом проходе, и снова посмотрел на красивую незнакомку. Она положила на чемодан изящную красную сумочку и стала снимать с головы шаль.

Федька вдруг засмеялся, чайное полотенце так и болталось у него на плече.

— А я думал... вы с сундуками.

— С сундуками? Это почему же? С какими сундуками?— весело спросила она и с интересом поглядела на него.

Федька покраснел, взъерошил волосы.

— Ну, как почему?!— сказал он смущенно и вдруг заметил у себя на плече полотенце. Он сдернул его с плеча, метнулся в столовую и снова принялся расставлять на столе посуду.

— Но почему же все-таки ты думаешь, что у меня должны быть сундуки?— спросила она опять, следом за ним входя в столовую.

— Ну...я не знаю, может, у вас есть пианино... Или еще какие-нибудь вещи...— произнес он, вконец смутившись.

Она немного помолчала, с любопытством глядя на него, потом сказала, притворно вздохнув:

— Нет, у меня только один чемодан. Что поделаешь?..

Понемногу Федька оправился от смущения, заговорил о том, что бабушка с дедушкой, должно быть, разминулись с ней на вокзале. Потом он рассказал ей много интересного: о том, что будущим летом он с группой старшеклассников отправится в туристский поход на Чимган, что у них в школе есть теперь свой слесарный цех, который оборудовал шефствующий над школой завод, и все ребята страшно этому рады, о том, что у соседского мальчишки Вовки есть очень умная собака Мальва, которая бегаёт на трех ногах, а четвертая, задняя, перебита и болтается, как тряпичная, о том, что сейчас во дворе у них еще цветут хризантемы, и еще многое, многое другое.

А она в это время снимала плащ, потом стояла посреди комнаты и, не глядя в зеркало, поправляла пышные волосы.

Сначала Федька следил за ней украдкой, но быстро осмелел и, продолжая болтать, сказал невпопад:

— Красивая вы.

— Да что ты говоришь?!— засмеялась гостя.

Едва вошла она в комнату и стала говорить, смеяться, как тотчас же весь дом для Федьки словно заполнился звуками музыки и какими-то новыми неведомыми запахами. Федьке нравилось, что от ее плаща пахло дождем и хвоей, нравилось, что на лице ее долго искрились дождевые блестики.

Быстро, как это может быть только у детей, он почувствовал к ней привязанность и уже не отставал от нее ни на шаг. Даже когда она пошла в ванную комнату умыться с дороги, Федька сунулся было за ней следом, но вовремя опомнился, постоял немного и спросил через дверь:

— А как вас зовут?

— Дора.

«Красивое имя!»— подумал Федька.

Через несколько минут, когда она снова появилась в столовой и Федька принялся рассказывать ей, как дедушка целыми днями сидит за починкой будильника, в передней послышался шорох. Они притихли. В комнату вошел Николай Кузьмич.

— Вот он и дедушка!— радостно сказал Федька.

Николай Кузьмич с фуражкой в левой руке остановился у порога и, пристально вглядываясь в незнакомую женщину, другой рукой торпливо разглаживал усы.

Чуть запрокинув голову, Дора светло и приветливо взглянула на него, быстро шагнула навстречу, пожала руку, сказала мягко:

— Дора.

— Оч-чень... Ну да... Быть может, я не расслышал.... отчество?..— сбивчиво заговорил старик.

— Зачем отчество?— сказала Дора, заметив в дверях Надежду Филипповну и быстро направляясь к ней.— Просто Дора.

— Ну ведь как же?

— Просто.

Она подала Надежде Филипповне руку, улыбнулась, и та вдруг стала что-то шептать сквозь слезы тихое, невнятное...

Федька глядел на женщин и, обеими руками зажав рот, давился от смеха. Николай Кузьмич шевельнул усами, строго погрозил ему пальцем.

— Как же это мы с тобой, Дорушка, разминулись?— наконец внятно заговорила Надежда Филипповна, глядя на молодую женщину все еще мокрыми, счастливыми глазами.

После чая Дора с Надеждой Филипповной ушли в комнату Алексея, закрыли за собой дверь и долго о чем-то разговаривали, временами переходя на шепот. Изредка, перебивая их спокойные голоса, за дверь раздавался мягкий стук крышки захлопнувшегося чемодана, слышалось легкое встряхивание белья и скрип гардеробной двери, потом шаги и снова тихие голоса.

Когда Надежда Филипповна наконец вышла и стала ложиться спать, Николай Кузьмич был уже в постели и не отвечал на ее вопросы.

Надежда Филипповна тихонько толкнула его локтем.

— Ника... Спишь что ли?..

— Чего тебе?— грубовато отозвался он в темноте, видно занятый своими мыслями.

— Спишь, что ли, спрашиваю?

— Ну?!

— Видно, ответственный работник. Все бумаги какие-то разбирала, складывала в портфель,— еще тише зашептала Надежда Филипповна.— Такая смелая... Ну и обходительная тоже...

— А ты бы не мешала ей. Чего пошла?

— И ничего-то ты, Ника, не понимаешь!

Николай Кузьмич только вздохнул, и оба они долго молчали, каждый занятый своими мыслями, прислушиваясь к шорохам, которые еще слышались за дверью, счастливые от этих тихих уютных шорохов.

Каждую ночь они засыпали теперь с тем сознанием счастья, когда даже сквозь сон ясно чувствуешь, что в твоей жизни есть что-то очень хорошее, оно есть сегодня и завтра будет опять. С самого утра Дора, захватив какие-то бумаги, уходила по своим командировочным делам. (Она сказала Надежде Филипповне и Николаю Кузьмичу, что приехала в командировку, да и Федьке тоже говорила, только никто из них не верил этому, то есть верил, но думал при этом: «Только ли в командировку?») И были убеждены, что главное, конечно, не командировка). Как только Дора уходила, Надежда Филипповна брала листок бумаги, карандаш, садилась рядом с мужем, и вдвоем они обсуждали сегодняшнее меню: что бы такое приготовить на обед, чтобы невестке понравилось. Потом Надежда Филипповна уходила на рынок, а Николай Кузьмич вооружался шваброй, метелочкой, веником и принимался за уборку, чего раньше никогда не делал. Иногда случалось, что Дора неожиданно и скоро возвращалась, чтобы дома, в тишине, поработать над какими-то документами. Но застав Николая Кузьмича в пестром ситцевом фартучке со шваброй и ведром, волосистой метелочкой и веником, отчего старый прославленный машинист приходил в состояние крайнего смущения, молодая женщина немедленно отбирала у него всю эту «амуницию» и весело бралась за дело сама. Все в ней нравилось Николаю Кузьмичу: и простота, и умение держаться, разговаривать, одеваться, и веселый приветливый взгляд, и большие лучистые глаза, и пышные волосы, и мягкий голос. Одно только не нравилось Николаю Кузьмичу: так же просто и приветливо, как со взрослыми, держалась Дора и с Федькой. Однажды они даже вдвоем отправились в кино.

Трудно описать, с каким нетерпением ждали старики возвращения Алексея. Никогда так не ждали его, как в этот раз. И как это часто бывает, он все-таки приехал неожиданно. И мать и отец никогда еще не были так взволнованы встречей с сыном. Надежда Филипповна, вся трясущаяся от волнения и радости, то принималась расстегивать на Алексея пальто, не в силах сдержать льющиеся сле-

зы, то бралась за чемодан и смеялась, что не может его поднять. Николай Кузьмич топтался тут же, что-то урчал себе под нос, шевелил усами, добродушно хмурил и распускал брови.

Только Федька, остолбенев, молча смотрел на них из столовой через открытую дверь.

Когда старики немного успокоились, Федька, улучив минуту, шмыгнул в комнату Алексея и оттуда украдкой поманил его пальцем.

— Я везде вместе с ней был,— шепнул он Алексею на ухо. — Она ни с кем... Ни даже!..

— Ладно. Помолчи.

— Мы в кино вместе с ней ходили,— не унимался Федька.

Алексей, не слушая его, снова направился было в столовую, но вдруг приостановился, строго посмотрел на Федьку, спросил:

— Вы что?..

— Кто?

— Вы!

— Мы?

— Да, вы. Вы тут...

Но он не договорил. В передней громко хлопнула дверь и послышался знакомый веселый голос.

— Алексей приехал? Ой, как хорошо,— говорила Дора.— А я сейчас уезжаю в Самарканд.

— То есть... как так в Самарканд?— растерявшись, спросил Николай Кузьмич.

— У меня еще есть дела в Самарканде, Николай Кузьмич. Сейчас я еду в Самарканд, а оттуда прямо домой.

Алексей, Надежда Филипповна, Николай Кузьмич, Федька — все собрались в передней вокруг Доры.

— Дорушка,— дрожащим голосом проговорила Надежда Филипповна.— Значит, из Самарканда ты сюда... домой приедешь?

— Да, да, Надежда Филипповна. Прямо домой. В Москву.

— В Москву?!

— Конечно. Там меня уж заждались — Сергей большой да Сергей меньшей.

— Это кто же такие?— уже совершенно преобразившись, сердито, даже зло спросила Надежда Филипповна.

— Муж Сергей да сын Сергей.

Надежда Филипповна переводила недоуменный взгляд с Доры на Алексея. Старческие глаза ее наполнились слезами. Наконец она закрыла лицо фартуком, всхлинула и запричитала:

— Ба-тюш-ки!.. Да когда же нам-то... доведется увидеть невестушку!..

4

Утром Николай Кузьмич встал хмурый, насупленный. Молча позавтракал и, несмотря на дождь, так же молча стал куда-то собираться: надел брезентовый плащ с капюшоном, яловые рабочие сапоги.

— Далеко, отец?— спросил его Алексей.

— Далеко. Отсюда не видать.

— Не в депо ли собрался?..

— В депо.

— Зачем?

Николай Кузьмич помолчал, взялся за ручку двери, сказал:

— Безобразие это! Вот что!

Алексей насторожился.

— Ты о чем, отец?..— спросил он с подчеркнутым спокойствием.

— Ладно. Идешь?— сказал Николай Кузьмич вместо ответа.

— Иду.

По дороге оба долго молчали.

— Так что это ты сказать хотел, папа?— не выдержал наконец Алексей.

— То, что сказал!

— Не понимаю я тебя.

Николай Кузьмич резко остановился, посмотрел на сына в упор:

— Это ты не понимаешь?!

— Не понимаю. Если ты всерьез решил, что будешь вместо меня выбирать невесту...

— Хватит,— грубо оборвал его Николай Кузьмич.

Они снова молча зашагали рядом.

— Ведь только подумай!— неожиданно заговорил опять Николай Кузьмич.— Мне ли было заниматься этими никчемными делами— толкаться по дому из угла в угол с венчиками, с метелочками, искать паутину да невест тебе подыскивать. Блажь от безделья нашла, уж точно блажь... Ведь это... Ведь этак... помрешь раньше собственной смерти... Большие дела, государственные дела на мелочи променял... А?.. Что?..

— Нет, я ничего.

— Может, думаешь, не так говорю?!

— Наоборот. Думаю, что как раз так.

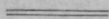
— Вот видишь. А то чем занялся, чем жить-то стал?! Мещанскими интересами, безделицей. И не совестно было. Тут такие дела кругом разворачиваются, а я пыль с комода сдуваю, да сам в паутине запутываюсь. Хоть бы ты меня выругал.

— Зачем? Ты и сам все понял.

— Дора помогла. Ей спасибо.

— Так ты, что же теперь?.. Куда?..

— В депо. Не могу больше дома сидеть. Претит. Поезда, конечно, водить не буду; ну а... работа найдется. Так-то. Может, и других... подобных пенсионеров мобилизую... А?

Евг. БЛОК

АФРИКА РАСПРАВЛЯЕТ ПЛЕЧИ

Много лет в цепях рабства изнывала Африка.

Одну пятую часть суши, равную 30 миллионам квадратных километров (что в три раза больше Европы), с населением в 245 миллионов человек, колонизаторы в течение десятилетий старательно оттесняли от цивилизации и прогресса и жестоко эксплуатировали.

Африку буржуазная печать именovala «таинственным» континентом без настоящего и будущего. Презрительными кличками называли колонизаторы африканцев.

Империалисты в течение многих десятилетий смотрели на Африку как на часть света, которую им, как выразился бывший вице-президент США Никсон, «годовалый бог оставил про запас». Тот же Никсон, посетивший Африку в 1957 году, в своем отчете о поездке писал:

«Обеспечить контроль над Африкой — это значит обеспечить контроль над всем миром...»

Стремление американских монополий захватить богатства Африки, использовать ее территорию как военный плацдарм лежит в основе той политики, которую проводит монополистический капитал США вместе с Англией, Францией и другими империалистическими державами.

Активную борьбу за Африку ведут и западногерманские империалисты.

Летом 1960 года в Западном Берлине была открыта школа «будущих министров новых государств Азии и Африки». Характерно, что школа открыта в том самом здании, где некогда помещалась школа фюреров СС. В этой школе преподают не только

высокопоставленные сподвижники Аденауэра, но и ряд деятелей НАТО.

Джон Гантер, автор книги «В Африке», пользующийся в США славой знатока этой части света, пишет: «Этот сказочный, бросающий свой вызов континент, имеет жизненно важное значение для западного мира не только из-за своего стратегического положения и избытка важного сырья, но и потому, что он является нашей последней границей. Большая часть Азии потеряна, Африка остается. Но Африка широко открыта, как вакуум, и почти полностью беззащитна. Это самая богатая добыча на земном шаре».

Так было. Но ныне Африка не беззащитна, ее защищает народ.

В столицах стран, владеющих колониями, и в городах Африки проходят многочисленные съезды, конференции и совещания. Печать Запада пишет о «пересмотре политического курса», «новом подходе к Африке», о «ликвидации колоний» и даже о «мирном и добровольном освобождении» стран Африки. Более того, буржуазные пропагандисты пытаются доказать, что якобы с колониализмом уже покончено.

Но кто поверит, что хищники, много лет извлекавшие из крови и пота народов Африки колоссальные прибыли, добровольно от них откажутся?! На самом деле колонизаторы предпринимают отчаянные попытки удержать колонии в своих руках. В ход пошли демагогия и маневрирование, кнут и пряник.

Буржуазия Запада идет на то, чтобы

формально предоставить народам Африки самостоятельность, оставив фактически все по-старому. Расчет заключается в том, чтобы, предоставив тем или иным колониям «самостоятельность», вырвать знамя из рук восставших народов, лишить их лозунга борьбы за национальное освобождение.

Конечно, получение политической независимости есть большая победа народов колоний. Но это только начало. Народы Африки хотят создать свою индустрию, развитое сельское хозяйство, значительно поднять свой культурный уровень, покончить с тяжелым наследием колониализма.

Империалисты, пытаясь задержать освобождение стран Африки, заявляют о том, что эти страны «не подготовлены» к самостоятельному развитию. На самом деле под этим предлогом колонизаторы пытаются прикрыть тот факт, что им не удалось подготовить такие послушные себе политические силы, которым они бы могли передать власть.

Ярким подтверждением этому является положение, сложившееся в Конго.

75 лет властвовали в стране бельгийские колонизаторы, и за это время в результате чудовищного режима рабства и угнетения, население Конго сократилось с 20 миллионов до 14 миллионов человек. Все эти годы конголезский народ героически боролся за свою самостоятельность и добился победы.

30 июня 1960 года была провозглашена независимость Конго. Но бельгийские колонизаторы и их покровители стали организовывать многочисленные провокации, имеющие целью подорвать авторитет нового правительства Конго во главе с премьер-министром Патрисом Лумумбой.

Империалисты осуществляли свой заговор против Конго настойчиво и методично. Сперва провозглашение «независимости» провинций Катанги и Касаи, затем переворот изменников Мобуту и президента Басавубу. Наконец арест главы законного правительства Конго Патриса Лумумбы и его соратников и их убийство.

Советский Союз и другие демократические страны требовали от ООН восстановления порядка в стране и содействия законному правительству. Но колонизаторы, вступив в гнусный сговор с генеральным секретарем ООН Хаммаршельдом, проводили тактику затяжек и проволочек в решении конголезского вопроса. В результате—

кровавое злодеяние, потрясшее весь мир своей циничностью и жестокостью.

Хаммаршельду не смуть со своих рук кровь Лумумбы и его соратников. Убийство Лумумбы — это акт отчаяния умирающего колониализма, свидетельство слабости и обреченности его. Убив Лумумбу, колонизаторы и их лакеи рассчитывали втоптать в грязь знамя борьбы народов Африки за свое освобождение. Но смерть Лумумбы еще теснее сплотила ряды борцов. На место павшего в борьбе народного героя пришли тысячи новых.

Далеко в глубине Африки находится Конго, но к нему сейчас прикованы взоры всех народов земли. Простые люди понимают, что в Конго идет борьба между колонизаторами, мертвой хваткой вцепившимися в ускользающую из их рук колонию, и народом этой страны, который, завоевав свободу, не отдаст ее колонизаторам.

Позорную игру затеяли империалисты, но в этой игре они будут вновь жестоко биты жизнью.

Колонизаторы действуют и против Гвинейской республики, пытаясь свергнуть законное правительство во главе с Секу Туре. Недавно состоялись встречи между гвинейскими предателями, бежавшими из страны, и их французскими покровителями. В ходе этих совещаний заговорщики, действующие с сенегальской территории, договорились приблизить свой центр к гвинейской границе. Они решили усилить переброску оружия в страну. Имеет место также подозрительная активность французских дипломатов, которые часто посещают район сенегало-гвинейской границы.

Колонизаторы заявляют о том, что они заботятся о благосостоянии слаборазвитых народов и несут им цивилизацию. Какова же эта цивилизация, которой они так хвалятся?

Во французской Западной Африке на каждые 110 тысяч человек населения приходится один врач, а на 35 миллионов населения насчитывается 10 зубных врачей! В Конго 280 тысяч прокаженных. В Алжире 200 тысяч человек больны туберкулезом. Средняя продолжительность жизни африканцев не превышает 30 лет.

В отчете английского министерства по делам колоний указывается, что ежегодно на развитие экономики, здравоохранения

и образования в британских колониях расходуется всего лишь 10 шиллингов на человека. В то же время прибыли одной лишь монополии «Юнайтед Африка корпорейшн» составляют в год.. 25 миллионов фунтов стерлингов, то есть столько, сколько правительство Англии затратило в течение 10 лет на нужды 47 подвластных территорий.

Миллионы жителей колоний обречены на неграмотность и невежество. Подсчитано, что при существующих темпах ликвидации неграмотности жители Нигерии смогут стать грамотными... через семь тысяч лет!

За изнурительный труд на плантациях, в рудниках и на лесозаготовках африканцы получают жалкие гроши, на которые нельзя прожить. Известный камерунский писатель Бенжамен Матил писал, что по официальной статистике на одного жителя Конго приходится в год полкилограмма мяса.

Коренные жители колоний лишены элементарных человеческих прав и подвергаются чудовищной дискриминации и физическому уничтожению. За шесть лет войны в Алжире от руки французских колонизаторов погибло 700 тысяч алжирцев. Массовые расстрелы происходят в Южно-Африканском Союзе.

До сегодняшнего дня в Африке все еще процветает позорнейшее для человечества явление — работорговля.

По настоянию СССР в Устав ООН введена 73 статья, дух и буква которой требуют, чтобы колониальные державы обеспечивали политический, экономический и социальный прогресс несамостоятельных территорий и информировали ООН о положении дел на этих территориях.

Но нечего доложить ООН господам колонизаторам. О фактах, указанных выше, докладывать неудобно, а положительных фактов нет.

Капиталисты получают из Африки 90 процентов всех добываемых здесь алмазов, более половины потребляемого в мире кобальта, 59 процентов золота, 40 процентов хрома. В Африке в большом количестве добывается атомное сырье, 90 процентов которого идет в США.

Несколько лет назад в Сахаре были открыты колоссальные месторождения нефти, не уступающие океану черного золота на Ближнем Востоке. Но все эти богатства вывозились из Африки. Из общего

количества добываемого сырья только восемь процентов остается на континенте, а остальные 92 процента вывозятся в Европу и Америку.

Никогда еще за всю свою историю Африка не занимала такого большого места в международной жизни, какое занимает сейчас. Великая битва, которую ведут здесь силы национально-освободительного движения против колониализма, вышла далеко за пределы африканского материка. Почти весь мир принимает в этой борьбе то или иное участие. В настоящее время в Африке существует 27 независимых стран с общей площадью 19 миллионов квадратных километров и населением 180 миллионов человек. Таким образом, вне колониальной системы находится уже две трети территории материка и более чем три пятых его населения.

Но 65 миллионов африканцев все еще продолжают жить в ярме колониального рабства. Англия имеет в Африке 14 колоний, Франция — 3, Португалия — 5, Бельгия — 1, Испания — 3 и Южно-Африканский Союз — 1.

В Африке есть районы, за которые империалисты держатся особенно цепко. К таким районам относятся: Британская Восточная Африка, Федерация Родезии и Ньясаленда и португальские колонии Ангола и Мозамбик. Англия проявляет особый интерес к Кении, Уганде и Танганьике. Кению британские колонизаторы рассматривают как ключевую позицию в этом районе Африки. На территории Кении размещены военные базы, входящие в систему НАТО. Но народ Кении все более активно сопротивляется колонизаторам.

Уходит из английских рук и Танганьика — подопечная территория. В 1961 году английская опека над страной должна быть снята. Ширится и борьба народов английских колоний Восточной Африки, где еще нет ни одного независимого государства.

Накалена обстановка и в Федерации Родезии и Ньясаленда. В 1961 году на пороге независимости Сьерра-Леоне, Танганьика, Занзибар, Уганда. Должна решиться судьба английской части Камеруна, Руанда-Урунди. Давно уже пора покончить с длящейся седьмой год войной французских колонизаторов против наро-

да Алжира. Назревают грозные события в Анголе и других португальских колониях.

В противовес растущему национально-освободительному движению колонизаторы предпринимают попытки создать движение «за независимость» среди европейских поселенцев. Такое движение, например, имеет место в Федерации Родезии и Ньясаленда. Расчет заключается в том, чтобы захватить власть в Федерации, объявить ее независимой, вступить в члены ООН и тем самым отрезать путь стране к государственной самостоятельности.

Хотя многие государства Африки получили самостоятельность, но ряд из них настолько зависит от иностранных монополий, что практически пока не может осуществлять самостоятельную политику.

Многие африканские, ныне независимые, страны имеют очень мало населения, например, Габон, насчитывающий около 500 тысяч человек. Маленьким государствам трудно бороться против империалистов в одиночку. Но когда Чад, Конго, Центральная-Африканская республика, ранее входившие во французское сообщество, предложили создать Федерацию вместе с Габоном, Габон воспротивился этому.

Многие государственные деятели Африки, хорошо сознавая опасность раскола, энергично борются против него, предложив проект создания региональных объединений, а позднее — Федерации африканских государств.

Наиболее активно за осуществление этого плана выступают Гана и Гвинея. Но есть немало сил, в частности, в Либерии, Нигерии и других районах континента, выступающих против объединения африканских стран. А когда объединение становится фактом, эти силы помогают империалистам разваливать его. Возьмем для примера федерацию Мали. Первоначально в эту федерацию вошли четыре государства — Сенегал, Судан, Верхняя Вольта и Дагомея. Сперва из федерации вышли эти две последние страны, а затем и Сенегал. Под давлением Франции федерация развалилась. Применяя старый принцип «разделяй и властвуй», империалисты делают все для того, чтобы не дать народам объединиться.

Коммунистическое движение на континенте пока слабо организовано. Хотя за последние 20 лет численность коммунистов в Африке возросла в 10 раз, но

коммунистические партии еще малочисленны. Численность рабочего класса на континенте точно не известна, но по приблизительным данным составляет около 10—11 миллионов человек. Это в основном труженики добывающей промышленности.

Африканский рабочий класс уверенно идет к тому, чтобы возглавить национально-освободительное движение трудящихся.

В Северной Африке компартии, за исключением Туниса, находятся в глубоком подполье. В Южной Африке также. Марксистские кружки создаются в Южной Родезии, Ньясаленде, Кении, Занзибаре. В Сенегале действует с 1957 года марксистская организация — Африканская партия независимости Сенегала. Есть рабочая партия в Нигерии.

В Конго создана коммунистическая группа, которая ведет переговоры с другими политическими партиями о создании единой рабочей партии. В Конго очень много, более 50, политических партий, которые являются партиями племен. Глава племени — это и глава партии. Есть коммунистическая организация в Комеруне, компартия в Мальгашской республике и в других районах Африки.

В основном марксистскую программу имеет демократическая партия Гвинея.

В Африке создается единое профсоюзное объединение — Всеобщая Федерация профсоюзов Черной Африки.

Особенностью Африки является также и то, что в большинстве стран национальная буржуазия еще не сформировалась как самостоятельный класс. Это понятно, если учесть, что и нации в Африке либо еще не сложились, либо находятся в периоде становления. В африканских государствах множество племен, часто враждующих между собой. Например, в Конго насчитывается 5—6 тысяч племен. Этим пользуются колонизаторы. Они раздувают и используют племенную рознь, культурную и экономическую отсталость разрозненных племен.

Очень трудной является в Африке проблема языка. Во многих странах Африки, ставших свободными, говорят еще на языке изгнанных колонизаторов. Своя письменность имеется далеко не у всех народностей, а языков и диалектов на континенте огромное количество. Например, пятимиллионное население Ганы говорит на 17 языках, но письменность имеют

только пять народностей; в Конго население говорит на двухстах языках.

Прогрессивные силы независимых стран Африки понимают, что нельзя создать национальную культуру на базе чужого языка, тем более языка колонизаторов. Поэтому в ряде стран развернулось движение за создание единых национальных языков и письменности.

Новые черты национально-освободительного движения выражаются в том, что рабочий класс, сыгравший выдающуюся роль в борьбе за национальное освобождение, выступает за последовательное доведение до конца задач национальной, антиимпериалистической, демократической революции.

Ближайшим союзником рабочего класса являются широчайшие массы крестьянства. Крестьянство, составляющее подавляющее большинство населения колоний, как никто другой, испытывает на себе гнет феодализма и феодальных пережитков. В лице феодалов-помещиков империалисты имеют в колониях свою опору. Поэтому антифеодалная борьба здесь является частью национально-освободительного движения.

Крестьянский вопрос — главный вопрос национально-освободительного движения в Африке. Африканское крестьянство еще слабо организовано, но процесс создания крестьянских союзов и партий ширится.

Без глубоких аграрных преобразований нельзя решить продовольственную проблему и уничтожить остатки феодальных отношений, сковывающих развитие производительных сил этих стран. В то же время передовые представители африканских народов осознают необходимость создавать государственный сектор в экономике, в особенности в промышленности, что является залогом экономической независимости стран, освободившихся от ига колониализма.

В деле завоевания и защиты национальной независимости и обеспечения социального прогресса важнейшую силу представляет союз рабочего класса и крестьянства. Этот союз призван быть основой широкого национального фронта.

Одним из путей развития африканских стран, освободившихся от ига колонизаторов, является путь создания государств национальной демократии.

Борьба за создание государства национальной демократии выдвигает конкретные и реальные задачи. Это — укрепление по-

литической самостоятельности, проведение аграрных преобразований в интересах крестьянства, ликвидация остатков и пережитков феодализма, ликвидация последствий империалистического хозяйничанья, создание и развитие национальной промышленности, повышение жизненного уровня населения, демократизация общественной жизни, осуществление независимой миролюбивой внешней политики, развитие экономического и культурного сотрудничества с социалистическими странами и другими дружественными государствами.

Образование государств национальной демократии — важное условие некапиталистического пути развития освободившихся стран, на котором только и могут народы добиться национального возрождения и в кратчайший срок ликвидировать тяжелое наследие колониализма.

Положительным примером в этом смысле является путь Гвинейской республики. Она последовательно добивается не только политической, но и экономической независимости.

Гвинейской республикой разорваны все кабальные соглашения со странами капитала. 1 марта 1960 года проведена денежная реформа. Установлен контроль над внешней торговлей. С 1 июля 1960 года вступил в действие трехлетний план развития экономики страны. Этот план, в частности предусматривающий значительное расширение государственного и кооперативного секторов, успешно претворяется в жизнь. В сельском хозяйстве проводится кооперирование труда крестьян. Созданы коллективные участки, на которых земля обрабатывается сообща. Успехи Гвинейской республики, как и других молодых африканских стран, радуют всех честных людей земли.

Но есть, к сожалению, и такие африканские государства, которые путь к преодолению отсталости видят в том, чтобы привлечь частные капиталы извне. Но этот путь очень опасен, ибо он ведет к потере завоеванной с большим трудом независимости.

Используя экономическую отсталость стран Африки, капиталисты охотно вкладывают сюда свои капиталы, извлекая огромные прибыли.

С 1945 по 1960 год капиталовложения США в Африке возросли в 20 раз, достигнув двух миллиардов долларов. Английские капиталы увеличились за последнее

время в два с половиной раза и равняются ныне двум миллиардам фунтов стерлингов. Вложения из Франции выросли до четырех миллиардов долларов. Западная Германия в 1945 году совсем не имела капиталовложений в Африке. Теперь они достигли 150 миллионов марок.

Если государства капитала используют свои капиталовложения для порабощения стран Востока, то государства социалистической системы во главе с СССР с искренней симпатией относятся к усилиям слаборазвитых стран, к их стремлению добиться экономической независимости. Экономическое сотрудничество СССР со странами Африки и Азии расширяется в области внешней торговли и помощи этим странам в деле создания независимой экономики.

Московское Совещание представителей коммунистических и рабочих партий выразило неизменную солидарность социалистических стран и всего коммунистического движения с национально-освободительным движением.

Народы Советского Союза считают своим интернациональным долгом оказывать всемерную моральную и материальную поддержку народам, борющимся за освобождение от колониального гнета, за национальное возрождение.

СССР ведет торговлю более чем с 20 странами Азии и Африки на сумму более чем 3 миллиарда рублей в год.

СССР заключил соглашения с Объединенной Арабской республикой, Эфиопией, Ганой, Гвинеей и другими странами об экономическом и техническом сотрудничестве. СССР помогает этим странам в изучении природных ресурсов, в строительстве промышленных и сельскохозяйственных объектов, в развитии науки и организации производства, в подготовке кадров.

Созданный по решению Советского правительства в Москве Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы готовит специалистов для стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Кроме того, большое количество молодых людей из стран Востока учится в других вузах СССР, в том числе и в вузах Ташкента.

О значении помощи, оказываемой СССР странам Африки, говорит хотя бы тот факт, что с помощью СССР в ОАР создаются металлургические, машиностроительные, нефтеперерабатывающие, химические,

судостроительные и другие предприятия.

СССР также помогает ОАР в строительстве высотной Асуанской плотины — давнишней мечты египтян.

97 процентов территории Египетского района ОАР — это мертвые пески. Единственный способ оживить их — орошение. Но воды Нила почти без пользы уходят в Средиземное море. «Чем выше Нил, тем больше урожай», — говорил еще Шекспир в «Антонии и Клеопатре».

Высотная плотина поднимет воды Нила на 100 метров. Она увеличит полезную площадь района вдвое. Национальный доход возрастет на 40 процентов. Строительство плотины было начато 9 января 1960 года, а закончится в 1970 году.

Товарищ Н. С. Хрущев в своем послании президенту ОАР указал: «Пусть сооружение Асуанской плотины будет символом прочной дружбы между народами наших стран, пусть она будет памятником сотрудничества народов во имя великого и близкого сердцу каждого человека дела мира».

СССР расходует на дело помощи странам Африки большие средства, делая это совершенно бескорыстно. Так, за 1959—1960 годы СССР предоставил ОАР на строительство второй очереди Асуанской плотины 900 миллионов рублей, Эфиопии — 400 миллионов рублей, Гане — 160 миллионов рублей, Гвинее — 140 миллионов рублей и т. д.

С каждым годом расширяются личные контакты между руководителями СССР и стран Африки. Недавно состоялся визит Л. И. Брежнева в Гвинею и Гану. Приезжают и к нам руководители молодых африканских государств. В этом году посетят СССР король Ливии Индрис I, Председатель Верховного Совета Вооруженных сил и премьер-министр Республики Судан генерал-лейтенант Ибрагим Аббуд, состоятся также и другие визиты. Все это будет способствовать расширению и упрочению дружественных отношений между СССР и африканскими странами.

Советский Союз, искренний друг африканских народов, с чувством глубокой симпатии следит за их борьбой. Наша страна не имеет в Африке никаких корыстных интересов. Нам не нужны ни военные базы, ни африканское сырье.

Народы стран Африки, как и всех других континентов, жаждут мира. Они не хо-

тят быть поставщиками пушечного мяса и сырья для осуществления планов империалистов. Своей борьбой за национальную независимость народы Африки вносят крупный вклад во всемирное движение народов за мир.

Советский Союз постоянно выступает как верный защитник населения Африки в ООН и на международных конференциях. Он всегда поддерживал и поддерживает слаборазвитые страны, когда империалисты пытаются схватить их за горло.

Мы хотим только того, чтобы все африканские государства завоевали свободу, ликвидировали тяжелое наследие колониализма и стали на путь счастливой жизни.

На XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН пять африканских государств — Гана, Гвинея, Мали, Марокко и Эфиопия внесли предложение о превращении Африки в безатомную зону и ликвидации всех военных иностранных баз на африканском континенте.

Советское правительство горячо поддержало эти предложения, заявив о том, что «давно пора некоторым державам перестать рассматривать территорию Африки как площадку для размещения военных баз или полигонов для атомных испытаний».

Состоявшийся 27 декабря 1960 года атомный взрыв в Сахаре французской атомной бомбы ярко говорит о том, что некоторые западные державы намерены использовать территорию Африки в качестве плацдарма для подготовки ядерной войны.

Во многих странах Африки расположены сейчас иностранные военные базы. По данным камерунской печати, США, Англия, Франция и Бельгия имеют сейчас в Африке 25 военно-воздушных и военно-морских баз. В их числе в Марокко — 8, в Танганьике — 3, в Ливии — 4 и т. д. Расположенная около Триполи в Ливии американская военно-воздушная база Уиллс Филд выросла из учебно-тренировочной вначале в крупнейшую заграничную базу США.

В настоящее время, по сообщениям иностранной печати, на этой базе находятся склады атомных бомб. 15 тысяч американцев проживающих на этой базе, пользуются правом полной экстерриториальности и неподсудны ливийским судам.

По словам французского журнала «Ревю миллигер д'информасьон», эта база «уди-

вительное и грандиозное сооружение с технической и военной точек зрения». Здесь множество подземных и наземных ангаров, вспомогательных сооружений. На бетонированных дорожках в готовности к старту стоят бомбардировщики с ядерными бомбами. Патрули истребителей постоянно находятся в небе над Триполи. База Уиллс Филд рассматривается военным ведомством США как «краеугольный камень» военной системы США в Северной Африке.

Военные базы не только превращают Африку в плацдарм войны, но и угрожают свободе африканских народов.

Кровавая история подавления французскими и английскими войсками восстания мальгашского народа и народа Кении, война в Алжире, трагедия конголезского народа — все это ярко свидетельствует о том, что колонизаторы используют свои военные базы для подавления национально-освободительных движений.

Вот почему народы Африки так энергично борются за ликвидацию иностранных военных баз на своих территориях, за превращение Африки в безатомную зону.

Сформулированные товарищем Н. С. Хрущевым положения о неразрывной связи борьбы против колониализма с борьбой за мир активизируют все демократические силы Африки, как и других районов земли.

Многие страны Африки неоднократно выступали в поддержку ряда предложений Советского Союза на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В частности, они горячо одобрили внесенную СССР на рассмотрение сессии «Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам». В своей речи делегаты стран Африки выразили самую искреннюю признательность, сердечную благодарность Советскому Союзу и главе его правительства Н. С. Хрущеву за постановку колониального вопроса на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. «ООН должна принять меры к тому, чтобы власть в колониях была передана народу», — так закончил делегат Ливии свою речь.

Во время голосования предложения о полной и окончательной ликвидации колониализма за него было подано 89 голосов, против 9. Это голосование показало,

что колонизаторы оказались в состоянии изоляции.

Навсегда прошли времена безнаказанной эксплуатации, времена, когда судьбы народов колоний решались в кабинетах государственных деятелей Вашингтона, Лондона, Парижа, Мадрида.

Теперь свою судьбу решают сами африканские народы. Лозунг народов Африки «Независимость при жизни нашего поколения» был недавно заменен новым лозунгом: «Независимость немедленно». Есть старая африканская легенда, в которой рассказывается: враги пробили пулями кувшин, в котором племя хранило воду. Спасти воду можно было только усилиями многих племен, позабыв споры и распри. И вот тысячи черных рук протянулись к кувшину и закрыли отверстия, пробитые пулями. Вода была сохранена.

Этот кувшин, покрытый сотнями братских рук, на фоне карты Африки является любимой эмблемой народов этого континента, ибо только объединенные усилия могут привести африканские народы к самостоятельности и независимости.

В начале этого года в Касабланке состоялась конференция глав ряда африканских государств. Конференция приняла резолюции и текст «касабланской хартии».

В хартии провозглашается стремление африканских государств, участвовавших в конференции, к освобождению всего континента от иностранного господства, их решимость ликвидировать колониализм во всех его формах. В ней говорится о решении создать, при наличии необходимых условий, африканскую консультативную ассамблею с участием всех африканских государств, а также следующие четыре комитета: Политический африканский комитет, объединяющий глав африканских государств в целях координации их общей политики; Экономический африканский комитет в составе министров экономики независимых африканских государств в целях экономического сотрудничества между ними; Африканский комитет по вопросам культуры; Общее верховное африканское командование, объединяющее начальников генеральных штабов независимых государств Африки для обеспечения ее общей обороны в случае агрессии против какой-либо части кон-

тинента, для защиты независимых африканских государств. Создается также бюро связи для обеспечения эффективной деятельности указанных органов.

Эта конференция — важный этап на пути выковывания единства африканских народов и стран.

Западная реакционная печать подняла отчаянный шум по поводу того, что якобы конференция в Касабланке является «конференцией раскольников». Вызывает удивление «забота» империалистов о единстве Африки.

В конце 1960 года в Конакри было опубликовано совместное коммюнике президентов Ганы, Гвинеи и Мали о создании Союза этих трех стран Западной Африки. В коммюнике сказано, что эти страны решили также «содействовать проведению совместной экономической и валютной политики» и пришли к соглашению относительно совместного дипломатического представительства.

В Лондоне, на углу улиц Грейт-Смит и Литтл-Смит находится здание, где размещается английское министерство колоний. Оно существует более ста лет, но за все эти годы аппарат министерства не был таким большим, как сейчас, и никогда он не работал так напряженно, как сейчас. Но все это напряжение имеет одну цель: сохранить хотя бы некоторую часть той английской колониальной империи, «над которой никогда не заходило солнце».

Еще недавно на одного англичанина приходилось по 10 колониальных рабов. Но век колониализма подошел к концу. Никакие силы не остановят девятого вала могучей национально-освободительной борьбы, сокрушающей многовековые колониальные империи.

«Досада антилопы не помешает лесу стореть», — так гласит старая африканская поговорка. И чтобы ни делали империалисты, им не остановить процесса распада колониальной системы.

12 февраля 1961 года на митинге в столице Гвинеи Конакри выступил Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежнев. Он сказал: «У

вас, в Африке, говорят, что мир стоит на трех столпах — вчера, сегодня и завтра. Ваше вчера было тяжелым и безрадостным. Ваше сегодня полно надежд и первых успехов свободного народа. Ваше завтра — это свободная и процветающая Гвинея, с развитой промышленностью, сельским хозяйством и культурой.

Можете быть уверены, что Советский

Союз и впредь будет всячески содействовать расширению сотрудничества с независимой Гвинейской республикой во всех областях, всемерно укреплять дружбу наших народов».

В этих словах — чувства и воля советского народа, горячо желающего, чтобы над всеми поработченными странами поднялось солнце свободы.

ЛИЦОМ К БУДУЩЕМУ

О проблемах градостроительства в Узбекистане

Представьте себе, читатель, что вы получили возможность взглянуть на родную землю с высоты птичьего полета. Вы, конечно, не откажетесь от заманчивого предложения и, хотя вы хорошо знаете свою республику и, может быть, совсем недавно побывали в этих местах, которые проносятся сейчас под крылом самолета, вы все же всюду заметите немало радостных перемен. В одном месте завершено строительство завода, в другом — большой, занимающий чуть ли не целый квартал, многоэтажный дом принимает новоселов, в третьем — закладывается новый город... Это обрадует, но не удивит, ибо всенародное творчество и созидание — привычные черты наших дней.

Под нами древняя Бухара. Как каждый город, она имеет свою поучительную историю. Мелкая сеть кривых узких улочек и тупичков, глинобитные строения с земляной кровлей, «слепые» дома без окон на улицу — все это осталось от прошлого. Но прошлое вынуждено отступить. Его теснят выстроенные в наше время просторные и светлые здания, утопающие в зелени широкие улицы. Их пока еще много меньше, чем нужно, но количество их с каждым днем растет.

Вот показался Самарканд. Его азиатская и европейская части не только различны по внешнему виду и планировке. Они находятся в некотором удалении друг от друга. И не случайно. Так царские колонизаторы еще раз напоминали о разнице между жителями разных частей одного города.

Объединить разнородные части городов «двойников» в единое органическое целое — эта задача поставлена перед советскими градостроителями. Задача нелег-

кая! Ее успешное решение связано с творческими поисками, с неизбежными материальными и трудовыми затратами. Но трудности никого не останавливают, и реконструкция будет осуществлена!

А вот проплывают под самолетом Беговат, Чирчик, Ангрен, Алмалык. Растут, хорошеют и благоустраиваются эти молодые советские города-труженики, города металлургов и химиков, угольщиков и рудопромышленников. Прямые широкие улицы, отделанные в жизнерадостные тона здания, нарядные площади и скверы. Все задумано и сделано так, чтобы людям жилось удобно и хорошо.

33 города насчитывается сейчас в Узбекистане. Если же к ним прибавить поселки городского типа, которые не сегодня — завтра также превратятся в города, получится внушительная цифра — 101. Каждый из них имеет свои нужды, требования, и, если хотите, свои желания.

О том, чтобы нужды горожан были обеспечены, требования удовлетворены, желания наилучшим образом исполнены, думают градостроители — многочисленная армия создателей, объединенная благородным стремлением сделать жизнь людей красивой и благоустроенной. В эту армию входят представители многих профессий — архитекторы, инженеры, врачи-гигиенисты, озеленители, рабочие различных специальностей. Они настойчиво ищут новых решений, разрабатывают эффективные методы строительства, стараются заглянуть в завтрашний день.

Чем же занимаются узбекские градостроители? Каковы их думы и тревоги?

НА МНОГО ЛЕТ ВПЕРЕД

На одной из реконструированных магистралей столицы Советского Узбекистана — улице Навои стоит новое четырехэтажное здание, на фасаде которого — вывеска с надписью «Узгоспроект». Это проектный институт Комитета по делам строительства и архитектуры при Совете Министров Узбекской ССР. Его задача — вести неустанную разведку будущего, раздвигая горы времени, заглядывая далеко вперед.

Будущее... Его величавые контуры здесь можно увидеть в многочисленных схемах и чертежах на белых листах ватмана, над которыми склонились проектировщики, в колонках строгих цифр, составленных экономистами. Все тут озабочено тем, чтобы строительные объекты были правильно размещены, чтобы ошибки и просчеты были доведены до минимума, чтобы народные деньги были вложены с наибольшей пользой, чтобы мы строили быстро, дешево и добротно.

Все это входит в будничное понятие «высокое качество проектирования». От чего же зависит качество проектирования?

— Прежде всего от всесторонней комплексной разработки перспективных планов развития производительных сил, — убежденно заявляет руководитель архитектурной мастерской № 1 «Узгоспроекта» Александр Николаевич Зотов. — Только она обеспечит возможность составления рациональных схем планировки строительных объектов.

Проиллюстрирую свое утверждение поучительными фактами из недалекого прошлого. Когда строился город Ангрен, границы залежей угля не были точно установлены. Это сделали значительно позже. Вет тогда-то и выяснилось, что некоторые промышленные предприятия и жилые дома сооружены там, где вскоре предстоит интенсивная добыча угля открытым способом. В итоге за последние четыре года снесено 1450 домов, а в ближайшее десятилетие такая же участь постигнет большую часть старого города Ангрена.

Чтобы увеличить масштабы угледобычи, дважды переносилось русло реки Ангрен, на что затрачены многие десятки миллионов рублей. Сейчас уже ясно, что дальнейшее развитие угледобычи потребует переноса русла в третий раз...

В настоящее время в Фергане сооружаются нефтеперерабатывающий завод и завод азотных удобрений, а в ближайшее

время начнется строительство завода искусственного волокна. Есть основания полагать, что все они войдут в состав единого нефтехимкомбината, однако каждый проектируется и строится почему-то отдельно, а многие весьма важные для будущих предприятий вопросы решаются не комплексно.

— Только на основе глубоко и всесторонне продуманных схем районной планировки, — продолжает Зотов, — могут быть составлены генеральные планы развития городов. Этот важнейший документ, определяющий будущее города, должен четко разработать его структуру, наметить места промышленного и жилого строительства, резервной и пригородной зон.

Большинство генпланов городов Узбекистана устарело и требует значительной переработки. Что же следует учитывать при корректировке генпланов? Прежде всего перспективы экономического развития на достаточно длительные сроки. При этом проектировщики должны твердо помнить, что чрезмерно большие города неудобны для населения и неэкономичны, ибо приходится затрачивать много средств на коммунальный транспорт и городские инженерные сооружения. Опыт показывает, что экономика города улучшается, пока число его жителей не более 200—250 тысяч. Вывод ясен: малые и средние города нужно развивать, а рост больших — ограничивать.

За последние годы наши города развивались в основном за счет освоения свободных территорий. Разумеется, такое решение вполне оправдано, ибо давало возможность, сохранив существующий жилой фонд, значительно его расширить. Однако уже пришло время радикально решать проблему реконструкции неблагоустроенных старых городов и старых частей городов — «двойников». Тут должно быть снесено большое количество ветхого малоценного жилья и на его месте начато сооружение многоэтажных жилых домов со всеми коммунальными удобствами.

В этой части в каждом случае придется искать свои разумные приемы. Хотелось бы только высказать твердое убеждение в том, что в городах — «двойниках» не следует браться в первую очередь за реконструкцию европейской, относительно благоу-

роенной части города. Именно она привлекает кое-кого из архитекторов, ибо тут имеются уже готовые инженерные сооружения. При этом, однако, упускается весьма важное обстоятельство — многие тысячи советских людей лишены элементарного комфорта, и наш святой долг, по возможности скорее, — благоустроить их жизнь.

— Попутно отмечу нерациональность чрезмерной удаленности строящихся жилых массивов от центра города. Составители генпланов, — говорит Александр Николаевич, — могут сделать соответствующие выводы на примере Ташкента, где 82 процента новых жилых домов размещается в районе Чиланзар, значительно удаленном от многих предприятий и центра города. Кстати, такое неудачное планировочное решение было раскритиковано на Всесоюзном совещании по градостроительству.

Составление схем районной планировки и генпланов городов (кроме Ташкента) сосредоточено в «Узгоспроекте». Уже закончена разработка предварительных данных по перспективному развитию весьма важного для Узбекистана Ташкент—Ангрен—Чирчикского промышленного района. На его территории расположено 7 городов и 12 поселков городского типа. Он занимает первое место в республике по объему промышленной продукции и численности городского населения.

При составлении схемы районной планировки ставится задача определить перспективу комплексного развития производительных сил. При этом мы добиваемся наиболее эффективного использования всех ресурсов и имеющихся предприятий. Естественно, учтено, что ряд отраслей промышленности — энергетика, транспорт, заводы строительных материалов и др. — должны развиваться раньше других, чтобы создать материально-техническую базу, способствующую развитию всего производственного комплекса.

Большое внимание уделяется кооперированному развитию промышленности. Так, на базе ангренинских месторождений полезных ископаемых возможно создание не только электростанций, предприятий по добыче и переработке угля, но и обогащательной фабрики, которая будет извлекать ценные металлы. Из каолинов же можно организовать производство глиноземов, алюминия, керамики, фарфора, а отходы

этих производств использовать для изготовления цемента, стекловаты и стеклопластиков.

— Ангрен взят мною лишь в виде примера, — заметил Зотов. — Комплексное использование полезных ископаемых намечено также в Алмалыке. Учтите, что развитие промышленности Ангрена и Алмалыка требует в основном применения мужского труда. Для пропорционального же вовлечения женщин в производство необходимо строительство предприятий легкой промышленности. Вот тут и напрашивается предложение о строительстве крупной швейной фабрики в Ангрене и камвольного комбината в Алмалыке. Эти предприятия намечалось соорудить в и без того перегруженных промышленностью городах — Ташкенте и Самарканде. К тому же, в Ангрене и Алмалыке имеется вполне подходящая свободная территория для удобного размещения новых промышленных, культурно-бытовых и жилищных объектов.

Анализируя схему районной планировки, еще раз убеждаешься, насколько неоправданно перенасыщение Ташкента промышленностью. А между тем в этом городе, в котором уже сейчас сосредоточено 70 процентов населения области, планируется строительство крупной парфюмерной фабрики, мясокомбината, кроватной фабрики и ряда других предприятий. Право, их куда лучше было бы разместить в Янгиюле или Беговате.

Чтобы закончить с анализом рассматриваемого промышленного района, отмечу чрезвычайное разнообразие природных условий. Тут, к примеру, имеются также места весьма благоприятные для создания загородных мест отдыха и спортивных баз. Особенно перспективно для этих целей Ангренинское плато, расположенное в 25 километрах от города на высоте 2100 метров над уровнем моря. Климат здесь близок к климату средней полосы СССР, а устойчивый покров снега держится с декабря до апреля. Обрадую наших лыжников: тут намечено создать основную базу

зимнего спорта. Не останутся в обиде также любители водного спорта. Для них будут сооружены базы на Чарвакском и Тьюбугузском водохранилищах.

Опыт работы над созданием схемы планировки Ташкент—Чирчик—Ангренского района убеждает в необходимости форсированной разработки таких схем еще по пяти промышленным районам республики — Бухарскому, Самаркандскому, Ферганскому, Голодностепескому и Каракалпакскому.

— Огромным преимуществом нашего строя,— заключает архитектор Зотов,— является его плановое начало. К сожалению, не всегда и не везде оно стало основой нашего градостроительства. Схемы районной планировки и генпланы развития городов, составленные на много лет вперед, должны обрести силу закона. Только тогда наши города, новые и реконструированные, станут удобными и здоровыми, экономичными и красивыми.

ТАШКЕНТ, ГОД 1965...

Нашу беседу с главным архитектором Ташкента членом-корреспондентом Академии строительства и архитектуры СССР Митхатом Сагадатдиновичем Булатовым неоднократно прерывали то настойчивые телефонные звонки, то посетители, приходившие со своими неотложными делами. По всему чувствовалось, что большая многосторонняя жизнь почти миллионного города тесно связана с деятельностью его главного архитектора. И дело, конечно, не только в высокой должности...

Вот уже свыше двадцати лет как Булатов связал свою творческую жизнь со столицей Советского Узбекистана. Ее жителям этот видный узбекский зодчий известен как один из создателей ряда оригинальных архитектурных сооружений — отделанной в светлые тона пятиэтажной гостиницы «Ташкент», крупнейшего на Советском Востоке стадиона «Пахтакор», здания Министерства сельского хозяйства, ансамбля жилых домов на Бешагаче и других. Булатова знают как человека, которому дороги судьбы города, который знает каждый его камень.

Разговаривая со мной, Митхат Сагадатдинович поглядывает на огромный, занимающий всю стену, генеральный план развития Ташкента.

— За годы Советской власти облик нашего города неузнаваемо изменился,— рассказывает он.— Возникли жилые массивы при крупных промышленных предприятиях, выросли новые здания театров, клубов, дворцов культуры, кинотеатров, корпуса высших учебных заведений, больниц, школ, детских учреждений. Появились также новые улицы, по которым проложены трамвайные, троллейбусные и автобусные линии. Впрочем, все это вы знаете и без меня. Поговорим лучше о недалеком будущем Ташкента.

Что наиболее характерно для развития города в годы семилетки? Прежде всего, массовое жилищное строительство, проводимое индустриальными методами. Коммунистическая партия и Советское правительство наметили, как известно, грандиозную программу, рассчитанную на решение жилищной проблемы в стране за 10—12 лет. Достойное место в этой программе отведено также столице Узбекистана.

За семь лет в Ташкенте будет введено в эксплуатацию 2 миллиона 800 тысяч квадратных метров жилья. В юго-западной части города усиленными темпами застраивается Чиланзар и примыкающий к нему район Актепе. Здесь разместится около полтора миллионов квадратных метров благоустроенного жилья при весьма незначительном сносе существующего жилого фонда.

Разумеется, в ансамбли крупных массивов входят не только жилые дома, но и общественные здания. Так, в районе Чиланзара запроектирован кинотеатр на 800 мест, универсам, ресторан, кафе, чайханы, комбинат бытового обслуживания, отделения связи и госбанка, сберкасса, клуб со спортивным залом. Одним из главных компонентов планировки является озеленение. Бульвары, скверы, тенистый парк — обязательные элементы вновь рождающихся районов города.

Чиланзар не единственный жилой массив. Крупное строительство намечено также на Северо-Восточном и Карасуйском

массивах. Здесь много свободной и удобной для освоения земли.

Огромным подспорьем в решении жилищной проблемы является индивидуальное строительство. Оно развернуто в городе и пригородах. За семилетку намечено построить за счет личных сбережений трудящихся и государственного кредита около миллиона квадратных метров жилья.

Рост города, его благоустройство неразрывно связаны с развитием коммунального транспорта, увеличением мощности водопровода, развернутым строительством водопроводных и канализационных магистралей. В этой части немало будет сделано.

Новым для нашего города и его огромной территории является использование вертолетов. Вскоре будет оборудовано несколько посадочных площадок для этого удобного и весьма перспективного вида воздушного транспорта. Он поможет связать отдельные промышленные районы с центром.

В генеральном плане Ташкента значительное место отведено сооружению школьных зданий, детских садов и ясель, больниц, прачечных, культурно-бытовых учреждений, призванных обслуживать широкие слои населения.

Но архитектура города — это гармоничное сочетание массовых зданий, благоустроенных площадей, зеленых массивов и уникальных сооружений. Чтобы пополнить впечатление о внешнем облике Ташкента недалекого будущего, кратко расскажем еще о некоторых крупных строительных объектах семилетки.

Прежде всего, о первом в Средней Азии студенческом городке на 20 тысяч человек. Он разместится на северной окраине Ташкента на площади в 170 гектаров. Тут будут воздвигнуты учебные корпуса Ташкентского университета, Политехнического института, Института физической культуры, четырехэтажные студенческие общежития, уютные коттеджи для профессорско-преподавательского состава, спортивный павильон, комплекс открытых спортивных сооружений, культурно-бытовые учреждения... Не исключено, что в дальнейшем городок разрастется и примет также другие высшие учебные заведения столицы Узбекистана.

Через два-три года на улице Навои вновь сооруженной площади против здания

Центрального телеграфа вырастет монументальное здание Узбекского драматического театра имени Хамзы. Кроме зрительного зала на 1200 человек, в нем разместятся просторные фойе, удобные репетиционные помещения и артистические уборные. Здание будет оборудовано по последнему слову современной театральной техники. Проектом предусмотрены установки искусственного климата, централизованный пульт управления, радио- и телевизионный трансляционный пункт и многое другое. При сооружении театра им. Хамзы впервые в нашей практике будут применены алюминиевые сплавы. Это позволит сократить вес строительных конструкций и, следовательно, сократить транспортные расходы на их доставку к месту монтажа. Фасад здания решено облицевать тонкими алюминиевыми пластинами с выштампованными узорами узбекского национального орнамента, а вход — традиционной бирюзовой майоликой.

Много внимания будет уделено благоустройству и обводнению оврага Чорсу. Верхний его участок — от стадиона «Пахтакор» до здания Облсполкома войдет в территорию спортивного комплекса. Здесь разместятся новые площадки для игр, стоянки для автомашин и зеленые аллеи. Часть оврага будет засыпана. Тут появится большой сквер с тенистыми деревьями, ковровыми узорами цветников и каскадом фонтанов.

С восточной стороны сквера предполагается строительство здания планетария со зрительным залом на 500 человек. С противоположной же стороны расположится искусственное озеро с живописными очертаниями берегов и нависающими над водной гладью плакучими ивами.

Второй такой же водоем задуман между улицей Алмазар и Ходрой. Тут будут сооружены плотина и тоннельными проходами, одетые в камень набережные, на которых вырастут выставочные залы, магазины, ажурные торговые павильоны.

До сего времени в зимний период ташкентцы были лишены возможности заниматься водным спортом. Вскоре они получат такую возможность. По улице 1-го Мая уже строится зимний плавательный бассейн. Длина его чаши равна 50, а ширина — 21 метру. Его глубина будет от 1,2 до 5 метров. Это даст возможность выделить достаточно места для тех, кто только

учится плавать, и для маститых пловцов, для ватериюлистов и для прыгунов в воду. К дуслугам последних оборудуются вышки с трамплинами. Не забыты и зрители: по сторонам бассейна расположатся трибуны на 600 мест.

Здание плавательного бассейна будет отапливаться подземными горячими водами. Ими же время от времени станет пополняться и чаша бассейна. Кроме того, здание оборудуется установками для кондиционирования воздуха. Они обеспечат в помещении заданную температуру и влажность.

В живописном уголке города, недалеко от зеленого массива парка культуры и отдыха «Победа» разместятся новые корпуса Узбекского государственного научно-исследовательского института курортологии и физиотерапии имени Семашко. В его ансамбль входит поликлиника, рассчитанная на 500 посещений в смену, стационар на 250 коек, водо- и грязелечебница. В этом «Городке здоровья» будут созданы все условия для эффективного лечения больных.

Столица Узбекистана привлекает к себе все больше и больше туристов из разных уголков нашей необъятной Отчизны и зарубежных стран. Имеющихся гостиниц для приема возрастающего потока приезжих явно не хватит. Вот и решено уже в этом году начать строительство гостиницы на 400 мест вблизи аэровокзала.

Во второй половине нынешнего года начнется сооружение еще одной, 11-этажной гостиницы на 710 мест. Она расположится в центре города. Каркас этого здания железобетонный, а для перекрытий и перегородок будут использованы панели, выпускаемые Ташкентским домостроительным комбинатом.

Кроме торговых учреждений, проектируемых в новых районах, в Ташкенте намечено строительство пятиэтажного здания Центрального универсального магазина на Комсомольской площади и большого универмага «Детский мир», фасад которого будет выходить на Театральную площадь. Эти здания будут сооружены с учетом последних достижений современной техники и организации торговли. Они оборудуются различными автоматами, двигающимися лестницами-эскалаторами, вертикальными подъемниками и т. д.

— Как видите, фронт строительных работ немалый, — не без гордости говорит главный архитектор Ташкента. — Впереди

нас ожидают неизбежные трудности и радости побед. Постараемся, чтобы последних было возможно больше.

НОВЫЕ ПРИЕМЫ, НОВЫЕ РЕШЕНИЯ

И до революции наша страна славилась выдающимися зодчими, создавшими замечательные образцы архитектурного искусства. Были у нас и виртуозные мастера строительного дела, но градостроительная наука в целом не отличалась высоким уровнем. Да и нужна ли была такая наука? Частные предприниматели строили, как считали для себя наиболее выгодным, не заботясь о других, не заглядывая на многие годы вперед. Каждый строил в меру своих сил и материальных возможностей.

Лишь после установления Советской власти, когда сооружение городов стало делом государственной важности, появились исследовательские учреждения, обобщающие опыт практиков, ищущие пути создания новой архитектуры, разрабатывающие методы индустриализации строительства. Позже эти учреждения объединились в мощную научную ассоциацию — Академию строительства и архитектуры СССР.

Где же разрабатываются научные проблемы градостроительства в Узбекистане? Таких очагов науки несколько — проектные институты, строительный факультет Среднеазиатского политехнического института и недавно организованный в Ташкенте Научно-исследовательский институт Академии строительства и архитектуры СССР.

— Строительство городов в нашей республике имеет свои особенности, — поясняет руководитель сектора градостроения Ташкентского НИИ АСИА Антон Павлович Бушуев. — Тут нужно в первую очередь учесть весьма разнообразные географические условия. Посмотрите на карту Узбекистана. Его территория охватывает обширные горные районы, предгорные равнины и песчаные пустыни Кызылкумов. Оазисное размещение освоенных и обжитых земель в долинах рек с искусственными системами орошения — вот, что характерно для Узбекистана. Трудности в выборе типов жилья и решении ряда других проблем вызывают особые климатические условия, а также почти повсеместное распространение зон сейсмической активности.

Есть еще одна особенность, вызванная наличием старых городов и городов-«двой-

ников». Необходимость реконструкции старых городов ни у кого не вызывает сомнений. Каждому очевидно, что с этим наследием прошлого нельзя вступать в коммунизм. Реконструкция связана, естественно, с большими материальными затратами, ибо вызывает необходимость сноса большого количества примитивных, устаревших домов. Главная же трудность в том, что всех вселяемых нужно обеспечить благоустроенным жилищем.

Как это осуществлялось в недалеком прошлом? Городские Советы обеспечивали сселяемых индивидуальными участками и денежными ссудами. В итоге одноэтажные постройки перекочевывали с центра на окраины, а города чрезмерно вытягивались. Если учесть, что индивидуальные массивы, как правило, застраивались беспорядочно, без предварительного сооружения дорог, прокладки водопроводных и канализационных магистралей, линий электропередач, то станет очевидным, что реконструкция превращалась в своеобразный «тришкин кафтан».

— Где же выход? — спрашиваем мы Антона Павловича.

— Выход лишь один — организовать скоростное строительство крупных многоэтажных домов индустриальными методами. В этой части, как известно, уже немало сделано. Новые жилые массивы, сооружаемые на свободных землях, дадут возможность удовлетворить острый недостаток в жилье и частично разгрузить старые районы. На месте же снесенных ветхих и аварийных построек в старых районах постепенно вырастут благоустроенные многоэтажные дома, которые гостеприимно раскроют свои двери перед новоселами.

— Итак, — еще раз подчеркнул архитектор Бушув, — строить мы должны многоквартирные многоэтажные дома. Опыт их заселения в Ташкенте и ряде других городов убедительно опровергает мнимую непригодность населения Узбекистана к жизни в таких домах.

Специфические природно-климатические условия требуют настойчивых поисков соответствующих типов жилых домов и наиболее рациональных приемов застройки. К примеру, для улучшения условий проживания населения во время летней жары озелененные внутридворовые пространства должны быть достаточно большими. С другой стороны, нельзя особенно транжирить весьма ценную для хлопководства землю. Таким образом, следует всячески

обиваться разумного уплотнения жилых построек. Последнее позволит также ограничить чрезмерную растянутость городов и даст возможность сэкономить много средств при сооружении водопроводных, канализационных, электро- и теплофикационных сетей.

Основой нового метода планировки, принятого на строящихся жилых массивах, является микрорайон. Микрорайон — это маленький «город в городе». Тут все продумано с учетом наилучшего удовлетворения потребностей человека. Внутри микрорайона есть все необходимое — магазины и столовые, детские сады и ясли, предприятия бытового обслуживания. Коммунальный же транспорт выведен на крупные магистрали, окружающие микрорайон.

Такая прогрессивная планировка стала популярной в практике советского градостроительства. Она принята также проектировщиками Чиланзарского жилого массива.

Какую этажность можно считать наиболее приемлемой? Ответ на этот вопрос должен быть дифференцированным. Накопленный опыт показывает, что дома для холостяков и малосемейных целесообразно строить 4—5-этажными, для многодетных же семей и престарелых наилучшими являются одно-двухэтажные многоквартирные дома с небольшими приквартирными садиками.

Жизнь настойчиво требует упорядочения индивидуального жилого строительства. В ряде городов почти половина территории занята частными домовладениями. Думается, что усадебные застройки следует сокращать, заменяя их многоквартирными блочными двухэтажными домами, построенными на кооперативных началах. Бесспорным преимуществом таких домов является возможность их сооружения индустриальными методами.

На Всесоюзном совещании градостроителей, состоявшемся в прошлом году в Москве, немало говорилось о пригородных зонах. Их называли «легкими» городов, резервуарами свежего воздуха. Скажем прямо, до сего времени в Узбекистане уделяли мало внимания пригородным зонам больших городов. Тут такистенько велись бесплатные работы, строились предприятия, склады, размещались поселки индивидуального строительства. При этом в ряде случаев уничтожались зеленые насаждения. Хаотичное использование пригород-

ных зон во многом объяснялось тем, что они находились в ведении облисполкомов.

Целесообразность передачи пригородных зон под контроль главных архитекторов городов очевидна. Освоение этих зон должно предусматриваться генеральными планами развития городов. Оптимальный размер пригородной зоны — 25—30 километров. Тут нужно создавать молочные хозяйства, овощно-фруктовые базы для снабжения горожан, ветрозащитные зеленые полосы. Среди садов с искусственными водохранилищами следует строить спортивные базы, пансионаты, где трудящиеся и их семьи смогут проводить дни отдыха и отпуска.

— Успех творческих поисков зависит не только от научно-исследовательских учреждений, но во многом и от практиков, чей опыт и ценные предложения ускоряют выбор наиболее правильных решений. Не может остаться в стороне и население. Его пожелания и практические замечания, вне сомнения, будут учтены. Да это и естественно, ведь наша цель — обеспечить советским людям максимум удобств и радости.

КВАРТИРА — СЕМЬЕ

— С каждым годом в нашей республике будет строиться все больше жилья.

В одном только Ташкенте жилой фонд увеличится с 5.400 тысяч квадратных метров в 1959 году до 8.200 тысяч квадратных метров в 1965 году, — рассказывает руководитель сектора жилища НИИ АСИА СССР Илья Аронович Мерпорт — один из авторов типовых проектов жилых домов, получивших признание и широкое практическое применение.

— Сейчас в расчетах мы ориентируемся на 9 квадратных метров на человека, но недалеко время, когда норма будет доведена до 12—15. Впрочем, метры жилья — только одна сторона вопроса. Не менее важно сделать так, чтобы жилая площадь соответствовала растущим духовным и материальным потребностям советского человека.

Квартира — семье — такую задачу поставил XXI съезд КПСС перед строителями. Это заставило нас отказаться от проектирования больших многоэтажных квартир. Одновременно больше внимания уделяется планировке всех элементов квартиры, весьма важных для каждой семьи, ведь она пользуется не только комнатой, но и передней, кухней, сани-

гарным узлом. Естественно, новые задачи вызвали коренную ломку привычных строительных норм и правил. Пришлось искать не только новые планировочные решения, но и задуматься о применении новых материалов.

Дело оказалось не таким простым: жизнь требовала большого количества различных вариантов, ведь семьи бывают самые различные по количеству их членов, возрасту и полу. Все это нужно учесть проектировщикам, не забывая также о необходимости поисков наиболее экономных и рациональных решений.

Взять к примеру одиноких, молодоженов и бездетных. Для них предусмотрены дома с однокомнатными квартирами со всеми удобствами.

Для семей, состоящих из трех человек, проектируются двухкомнатные квартиры. Тут возможны различные варианты: например, жилые комнаты, кухня и прочие подсобные помещения; затем кухня-столовая, удобно связанная с передней и общей комнатой, и спальня и др. Наиболее распространенное жилье рассчитано на 3—5 человек. Для них предназначены двух-трехкомнатные квартиры соответствующей площади и планировки.

Нас все больше и больше привлекает принцип «свободной» планировки. Это даст возможность при одной и той же общей жилой площади (соответственно количеству членов семьи) получать разное количество комнат. Разумеется, они не изолируются друг от друга наглухо. Раздвижные перегородки или специальные звуко-непропускаемые портьеры дают возможность менять количество комнат и их назначение в зависимости от состава семьи и желания жильцов.

Многих жителей Узбекистана, вероятно, привлекут двухэтажные дома с размещением каждой квартиры на обоих этажах: например, общая комната, кухня и санитарный узел — внизу, а спальня и детская комната — наверху. Такие квартиры смогут иметь два выхода: на улицу и в сад.

— Не скрою, — говорит с огорчением Илья Аронович, — частенько приходится выслушивать критику в адрес тех, кто проектирует малометражные квартиры. Дескать, неудобно и малы они — мебель никак не вмещается и т. д.

— Я далек от мысли, что наши проекты идеальны. Наоборот, убежден в необхо-

димости упорно искать лучшие решения, создавать возможно больше разнообразных вариантов. Однако подчинять планировку новых квартир старым образцам мебели никак нет смысла.

Мебельная промышленность должна перестроиться, организовать массовый выпуск легкой малогабаритной мебели. Кроме того, нужно шире проектировать встроенные шкафы для посуды и хозяйственного инвентаря в кухне; для одежды, белья и книг — в жилых комнатах.

Думается, что пора также «переоценить» явно устаревшее понятие «жилая площадь». Оно имеет смысл в общих квартирах, в которых проживает несколько семей. В условиях же посемейного заселения для жильцов важна вся полезная площадь квартиры. Скажем прямо, жилая площадь — печка, от которой проектировщики сейчас продолжают танцевать, стала явной помехой делу. Ведь, чего греха таить, мы частенько урезаем до минимума кухню, переднюю, санузел, боясь хоть сколько-нибудь затронуть «святую» жилплощадь...

И, наконец, еще один весьма важный вопрос — стоимость квадратного метра жилья. Забота о ней — это забота о том, чтобы больше людей в ближайшие годы получили благоустроенные квартиры. Однако рациональная планировка — только один из путей удешевления. Главное — индустриализация строительства. Вот в этой части далеко еще не использованы все возможности.

СТИРАЮТСЯ ГРАНИ

— Если исходить из буквального значения слова «градостроительство», нетрудно прийти к выводу, что оно не имеет отношения к селу, — с улыбкой говорит главный инженер республиканского проектного института «Узгипросельстрой» Иван Корнеевич Земский. — А между тем в условиях нашей действительности, когда все более и более стираются грани между городом и селом, градостроительными проблемами интересуются широкие массы тружеников сельского хозяйства.

И это вполне естественно. Выросли материальные и духовные потребности советских крестьян, их запросы теперь ничем не отличаются от запросов горожан. Вот почему XXI съезд партии поставил задачу — превратить колхозную

деревню в благоустроенные населенные пункты городского типа.

Каковы же первоочередные задачи сельских строителей Узбекистана?

Сейчас в нашей республике имеется около 500 колхозов и совхозов, имеющих хутора, и свыше 5 тысяч мелких поселков с количеством дворов не более 20. Такая система расселения не отвечает требованиям дальнейшего развития сельскохозяйственного производства и не создает условий для благоустройства. Поэтому мы стремимся прежде всего ликвидировать хутора и мелкие поселки. Их жители подлежат переселению в крупные населенные пункты с развитой сетью культурно-бытовых учреждений.

Еще в предвоенные годы в Узбекской ССР было начато составление генеральных планов застройки сельских местностей и реконструкции старых кишлаков. Теперь эта работа интенсивно продолжается.

В настоящее время строительство в колхозах и совхозах ведется, как правило, по заранее составленным проектам. Одним из ярких примеров застроек нового типа является поселок имени Ленина Янгйульского района, Ташкентской области. Вряд ли кто-либо узнает в нем старый кишлак Ниязбаш с его узкой и запутанной уличной сетью, без элементарного благоустройства. От старого кишлака ничего не осталось, разве только грустные воспоминания у стариков!

Мы планируем сельские поселки двух типов — центральные с населением 2—2,5 тысячи человек и поселки на производственных участках, рассчитанные на 800—1000 человек. Размер поселка в каждом конкретном случае определяется объемом сельскохозяйственного производства и перспективой его развития. При определении численности населения учитывается комплексная механизация и внедрение прогрессивных методов труда.

При строительстве сельских населенных пунктов и реконструкции старых селений предусмотрена сеть дорог с улучшенным дорожным покрытием, оросительные каналы, зеленые насаждения, водопровод, канализация, электрификация, а в некоторых местах также теплофикация и газификация.

Примером поселка, в котором заложены новые принципы строительства, является усадьба совхоза № 5 в Голодной степи. Тут выстроены двухэтажные школа-

интернат, больница и ряд восьмиквартирных домов. В поселке имеется столовая, продовольственный и промтоварный магазины, баня с прачечной, детский сад и детские ясли. Строится водопровод, пекарня, центральная котельная для отопления культурно-бытовых зданий. Вдоль покрытых гудроном дорог ведутся посадки деревьев. В поселке совхоза № 5 вскоре начнется строительство клуба с парком и стадионом.

Современное сельское строительство отличается широким применением индустриальных методов. Строительство, как правило, ведется по типовым проектам специально организованными межколхозными организациями. Такие организации располагают машинами и механизмами, материалами и квалифицированными кадрами.

Все больше внимания уделяется благоустройству сел нашей республики. Об этом свидетельствуют также растущие ассигнования: за 1959—1965 годы на застройку и реконструкцию сел выделена огромная сумма — больше миллиарда рублей в новых деньгах.

— Советское село недалекого будущего — это тот же город в миниатюре, — заключает Земский. — Прямые широкие улицы, благоустроенные дома со всеми удобствами, нарядные здания общественных учреждений, обилие зелени...

* * *

Наш разговор с зодчими Узбекистана, конечно, не уложился в рамки вышеизложенного, а далеко вышел за их пределы. Нередко они вступали в полемику, высказывали диаметрально противоположные мнения, но в одном взгляды сходились: строить нужно так, чтобы не стыдно было перед потомками из коммунистического завтра.

Естественно, зашла речь и о судьбах советской архитектуры, о путях ее развития.

— Наша архитектура отличается от буржуазной своей народностью, она проникнута заботой о человеке, созданием для него максимальных удобств в труде и быту, — говорит Булатов.

С ним перекликается замечание Зотова о том, что красота в нашем понимании — это, прежде всего, красота простоты. И

дело не только в дороговизне пышных фасадов, а в том, что излишество, на котором держится парадная архитектура, глубоко чуждо коммунистической идеологии.

— Индустриализация строительства в корне изменила материальную основу архитектуры, — подчеркивает Бушуев. — Теперь мы строим не одиночные здания, а целые микрорайоны, поэтому архитектор должен думать об облике всего ансамбля, о том, как он вписывается в окружающий ландшафт.

— А не будут ли наши улицы и кварталы серыми и скучными, похожими друг на друга.

— Нет и еще раз нет! — таков единодушный ответ архитекторов. — В нашем творческом арсенале множество возможностей. Во-первых, различное сочетание разных объемов, т. е. разных типов жилых домов. Во-вторых, разное расположение в микрорайонах общественных зданий. В-третьих, широкое использование зелени. И, наконец, массовое применение цвета. Весьма важно, что последнее можно осуществить индустриальными методами.

Немало интересных мыслей высказано о путях развития современной национальной архитектуры.

— Узбекская советская архитектура имеет свои национальные особенности, — горячо утверждает архитектор Зотов. — Возьмите-ка для примера здание гостиницы «Ташкент». В его легкости и жизнерадостности, в пропорции объемов и выборе цвета проявляется южный колорит. Такое здание, право, не поставишь ни в Мурманске, ни в Свердловске. А наши площади? В большинстве они проектируются, как площади-скверы с живописными фонтанами или скульптурными монументами. И в этом, мне кажется, особенность, присущая национальному стилю...

...Юдиус Фучик как-то сказал:

«Повар живет часом, газетчик — днем, сапожник, может быть, годом, но наш архитектор... должен жить столетиями. Он обязан уже сейчас жить в будущем».

Справедливые слова! Они ярко подтверждаются реальными делами советских градостроителей, их планами и мечтами.

Г. МИХАЛЕВИЧ

В. И. ЛЕНИН В ПЕРСИДСКОЙ ПОЭЗИИ

Образ Ленина близок и дорог трудящимся всего мира. Передовые деятели искусства всех стран — художники и композиторы, писатели и поэты, деятели театра и кино создавали и продолжают создавать произведения, посвященные величайшему вождю человечества.

В литературах зарубежного Востока, в особенности в поэзии, тема, отражающая русскую революцию, деятельность Ленина и влияние его учения на все страны, воплотилась в различные формы в зависимости от состояния той или иной литературы. Кроме того, в силу неодинаковых внутренних и внешних условий развития этих стран эта тема развилась с разной степенью интенсивности.

Великая Октябрьская революция и тесно связанный с ней подъем национально-освободительного движения в Иране благотворно отразились на развитии персидской прогрессивной литературы. Персидская поэзия насыщается новыми темами и идеями, поэты-демократы получают возможность гораздо шире распространять свои стихи через журналы и газеты, круг читателей расширяется.

Революционные события в России, подписание в 1921 г. советско-иранского договора нашли широкий отклик у целого ряда общественных и литературных деятелей Ирана. Они восторженно приветствуют революцию и подчеркивают огромное значение деятельности В. И. Ленина для всего Востока, и, в частности, для Ирана.

Известный поэт и общественный деятель Малек-уш-Шуара Бахар, очень образно определяя позиции империалистических держав по отношению к Ирану и роль Советской России, писал в своей книге, вышедшей в 1944 г.: «Два врага с обеих сторон набросили на нашу шею веревку, чтобы нас задушить, и тянули каждый в свою сторону... Тот человек, который освободил наше горло, был Ленин»¹.

Многие революционные и передовые поэты начала 20-х годов пишут о Ленине в своих стихах — они подчеркивают величайшую миссию Ленина как вождя, как самую большую надежду человечества. Несмотря на встречающуюся иногда религиозную образность, стихи полны живого, искреннего чувства. Один из известных поэтов-демократов Ареф Казвини, критикуя иранскую действительность в одной из своих поэм, сравнивает Ленина с пророком Хизром, который, по преданию, выводил путников из пустыни к оазисам:

Чтобы исчезла в мире без следа
Злодейств и предрассудков череда,
Иди за новым Хизром, в чьей деснице
Горит освобожденная звезда.
О Ленин, светлый ангел милосердия,
Приди в селенья наши, города!

¹ М. Бахар. Краткая история политических партий Ирана. Тегеран. 1944. стр. 27.

Мой дом — твой дом, зрачок моей
зеницы!
В душе твой образ навсегда!¹

О Ленине пишут поэты Мирзаде Эшки в поэме «Идеал», Хабиб Ятмаи, Фаррухи Пезди. В своих стихах они тесно связывают деятельность Ленина с современными событиями, обращаются к нему с призывом помочь борющемуся народу Ирана.

С 1911 по 1919 год Вахид Дастгарди, известный персидский поэт, издававший литературно-общественный журнал «Армаган», создает цикл стихов на социальные злободневные темы и среди них мы видим строки, посвященные Советской России и Ленину. Позднее эти стихи вошли в книгу «Путевой гостинец Вахида», выпущенную в качестве приложения к журналу «Армаган». Книга представляет интерес как выражение в поэтической форме взглядов типичного представителя передовой интеллигенции Ирана на мировые политические события.

В разделе, посвященном Великой Октябрьской социалистической революции, В. Дастгарди приветствует ее как новую мирную эру для всех народов и воспевает ее вождя — Ленина.

О счастье! Ленин потоком возмездия
Срыл до основы дворец угнетения.
Он украсил весь населенный мир
Подобно саду, где уничтожен бурьян.
Он — буря для династий царей,
Он — молния для урочая богачей,
Отныне место гибели — Сибирь
Для всех потомков Петра — цветущий сад².

Перевод подстрочный

Однако образ Ленина не получил достаточного развития в официальной персидской литературе 20-х годов. Известно, что с 1922 г. национально-освободительное движение в Иране жестоко подавляется и идет на убыль, наступают годы реакции, тогда, когда из литературы постепенно изгоняется ее революционный дух. Судьба многих поэтов была трагична — Эшки убит из-за угла, Фаррухи Пезди посажен в тюрьму, где и умерщвлен в 1939 г., поэт Яхья Рейхани, написавший в 1921 г.

поэму, где воспеваются Ленин, упрятан в сумасшедший дом.

Но кроме литературы центральной, тегеранской, существовала в это время и литература отдельных местностей, провинций, небольших городов, в которой зачастую подвизались поэты-непрофессионалы, горячо и непосредственно откликавшиеся на происходившие тогда в Иране и вне его политические события. Очень немногие дошедшие до нас образцы такой литературы свидетельствуют о том, что образ Ленина был дорог простым, неискушенным в политике людям, до которых разными путями дошли известия о русской революции.

Благодаря работам советского ираниста Ю. Н. Марра до нас дошла поэма «Книга о голоде», написанная Мирзой Мухсеном Дастгарди — жителем небольшого села, находящегося неподалеку от Исфагана.¹ М. Дастгарди — по роду занятий земледелец — был большим любителем и знатком литературы и очень начитанным человеком. Его в основном привлекала политическая, социальная тематика. «Книга о голоде» — поэма, представляющая большой интерес, ибо в ней отразилось непосредственное и очень своеобразное восприятие Великой Октябрьской революции простым персом, деревенским жителем. В поэме несколько наивно смешаны в одно целое события 1905 и 1917 гг., в ней рассказывается о голоде, охватившем Россию, о тяжелой жизни трудящихся масс, о войне и разрухе. Мухсен Дастгарди показывает Ленина как вождя, объединившего массы, появившегося в России в тот исторический момент, когда эти тяжелые условия доходят до невозможного предела.

Словом, народ был при последнем
издыхании,
Он поднялся, чтобы избавиться от беды.
Вокруг мудрого Ленина
Создалось общество преобразователей,
Группа из разумных и сведущих людей,
Из трудящихся, полных сил и
способностей.
Стали они обсуждать вопрос
О голоде и чрезмерных притеснениях.
Тогда Ленин первый произнес речь
О том, как достигнуть порядка.

Перевод подстрочный

¹ Ареф. Диван. т. 2. Тегеран, 1924, стр. 256.

² В. Дастгарди. Путевой гостинец Вахида. Вып. 2. «Армаган». Тегеран, 1933, стр. 9.

¹ Ю. Н. Марр. Отрывок из «Книги о голоде» Мирзы Мухсена Дастгарди. Изд. АН СССР. Отделение гуманитарных наук, 1928, стр. 213.

В уста Ленина Дастгарди вкладывает рассказ о событиях, связанных с народным движением Маздака и происходивших в Иране в древние времена, в эпоху шаха Кавада. Ленин показан в поэме мудрым вождем, руководителем народа, человеком, который умеет смотреть вперед, предвидеть ход исторических событий. Обращаясь к руководителям трудящихся, он учит их всегда быть осмотрительными, не совершать необдуманных поступков.

Для того, чтобы перебраться через
источник,

Надо отойти назад для разбега.

Да, это условие — отойти назад,

Чтобы легко преодолеть препятствие.

Перевод подстрочный

Мухсен Дастгарди сумел удивительно тонко связать все случившееся в России с внутренним положением Ирана, со многими событиями начала 20 века. «Кончай, Мохандес, эту песню, — говорит он, — довольно и одного слова для человека понимающего».

В это же время в 1925 году, в годовщину смерти Ленина, другой народный поэт из Исфагана Мирза Мамед Али Мукрем пишет свое стихотворение «Памяти Ленина». О поэте нам известно немного — он писал стихи в основном на социальные темы, разоблачая в них реакционное иранское духовенство, выступал за дружбу с Советским Союзом. Стихи его расходились в рукописях и лишь некоторые печатались в местных органах печати. Стихотворение о Ленине вошло в специальный выпуск газеты «Седае Исфаган», посвященный годовщине его смерти.

Мукрем пишет о Ленине как о человеке, заслужившем право на бессмертие, идеи и мысли которого пережили его и будут всегда жить. Автор тесно связывает ленинскую внешнюю политику с вопросом об освобождении стран Востока от колониального гнета, воспекает Ленина, как человека, чьи дела несут Ирану освобождение от империалистической кабалы.

И будет любовь поколений остра

К тому, кто единственный в жажде
добра

За Персию сердцем великим болел,

Кто царским захватам поставил предел,

Кто крикнул бесстрашно всем царским
хлопам:

«Персия — персам, не хищным
Европам!»¹

Совершенно особое место в персидской демократической литературе принадлежит выдающемуся пролетарскому поэту Аб-улькасеми Лахути. Известно, что с 1922 г. он жил и работал в Советском Союзе. Раскрыть образ Ленина, показать иранскому народу все величие и значимость его идей — было задачей, всегда привлекавшей поэта. Его стихи «Ленин жив» (1924 г.), «Венок на могилу Ленина», поэмы «Кремль» и «Пери счастья», написанные в Советском Союзе и ставшие известными иранскому читателю по материалам демократической прессы, а также благодаря изданному в 1941 году «Тавризскому дивану», оказали огромное влияние на умы широких кругов иранского народа.

Однако произведения Лахути на эту тему требуют специального исследования, и, кроме того, наш интерес сосредоточивается, в основном, на той литературе, которая создавалась непосредственно в Иране.

Конец 20-х годов — начало 30-х были периодом, крайне неблагоприятным для развития в Иране демократической литературы вследствие наступившей реакции и усиления цензуры.

Новый подъем литературы наступает после 1941 года, когда начало второй мировой войны и изменение политического курса иранского правительства способствуют демократизации общественно-политической жизни страны.

Большую роль в сближении иранского и русского народов, в ознакомлении иранского народа с идеями и деятельностью основателя большевистской партии в России сыграли переводы марксистско-ленинской литературы на персидский язык.

Еще в 1934 г. известный персидский общественный деятель доктор Таги Эрани основал журнал «Дунуйя», благодаря которому в Иране впервые начали знакомиться с марксистской литературой. Доктор Таги Эрани был широко образованным человеком, прекрасным популяризатором. Он в доступной форме излагал на страницах своего журнала основные положения марксистско-ленинской философии,

¹ «Известия», 1925 г., № 58.

материалистического учения об общественных формациях.

Однако этот журнал просуществовал недолго — в 1938 г. он был закрыт, а Таги Эрани посажен в тюрьму, где и погиб.

В 40-е годы в Иране впервые начинают издаваться переводы работ В. И. Ленина. Газета «Парвареш» в 1944—1946 гг. печатает переводы статьи «Царскому правительству»,¹ труда Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма»,² печатаются отрывки из Краткого курса истории ВКП(б)³, в газете «Мардум» в 1944 г. появляется работа «Три источника и три составных части марксизма». В 1946 г. выходит перевод книги Горького «В. И. Ленин», сделанный талантливым писателем и переводчиком русской литературы Керимом Кешаверзом.

Таким образом, передовые поэты-демократы обогащаются конкретными знаниями ленинских идей, ленинской деятельности, получают ориентир для своего поэтического творчества.

В общем потоке передовой демократической литературы тех лет важную роль играет творчество поэтов Южного Азербайджана, писавших не только по-азербайджански, но и по-персидски. В силу революционных традиций и под влиянием неустанной борьбы за национальную независимость и демократические права, азербайджанский народ выдвигает целую плеяду прекрасных поэтов, страстных обличителей империалистического гнета и насилия.

Поэты Южного Азербайджана — Ашуг Гусейн («Бессмертный Ленин»), Жале («Мавзолей», «Привет вождю»), Ибрагим Закир и Гусейн Бахрами («Ленин») создают прекрасные стихи о Ленине, связывая эту тему с событиями в родном Азербайджане, их герои — люди мужественные и преданные идеям революции, вдохновляются образом Ленина, помнят о нем, учатся у него. Поэтесса Жале, описывая свое посещение Мавзолея Ленина, говорит:

Своими глазами увидела вблизи,
Как спокойно и величаво спит Ленин —
Гений эпохи социализма,
Создатель нового мира.

Минуто я стояла без движения,
Перед целым миром величия:
В лице Ленина я увидела
Гениальность, талант, любовь и мощь.
Перевод подстрочный

Естественно, что поэты Южного Азербайджана устремляют свои взгляды на Советский Союз, туда, где в непосредственной близости от них живет и трудится родственный им народ, светлую жизнь которому принес великий Ленин.

Звезда, что Ленин зажег, над всею
землей горит.

Нет на свете огня ярче этой звезды!
Советский вольный народ счастливую
жизнь творит,

Цветут искусства сады и щедро дают
плоды.¹

— писал азербайджанский поэт Гусейн Бахрами.

Демократическая литература 40-х годов, обогащенная прошлым революционным опытом, развивалась в условиях, когда иранский народ особенно сильно ощуществовал свою близость с советским народом и гораздо лучше узнал его жизнь, дает более совершенные по сравнению с 20-ми годами образцы стихов, посвященных В. И. Ленину.

Когда персидские поэты обращаются к теме второй мировой войны, то победы советского народа прежде всего связываются у них с образом Ленина, с бессмертием его идей. Об этом пишет известный поэт Кахраман в стихотворении «Падение Берлина»², которое начинается и заканчивается именем Ленина.

Молодой поэт Насер Амели в стихотворении «Его имя вечно будет жить», рассказывая о событиях 1917 года в России, развивает мысль о тесной связи судьбы иранского народа с деятельностью и идеями Ленина.

Из Ирана жали соки с двух сторон
когда-то,

Был он пленником, в двойную кабалу
закатым,

Был двумя концами связан, словно
жертва, он

¹ «Поэты Южного Азербайджана». Баку, 1950, стр. 186. Пер. П. Железнов.

² «Пеяме ноу», № 6, 1945 г.

И веревку ту тянули сразу с двух
сторон.

Вдруг пришла, как солнце, помощь,
сляя узду пленения.

Руки, что спасли страдальца,— это
руки Ленина.

В 1944 году Али Асгар Муиниан пишет стихотворение «Великая Октябрьская революция» и выступает с чтением его на первом съезде иранских прогрессивных писателей. С большой любовью и уважением, в приподнятых торжественных тонах рисуется поэтом образ вождя революции, взявшего на себя опромятый труд повести к свету и счастью нищую Россию. У Муиниана Ленин — человек-богатырь, с железной волей и огромной мудростью, наделенный всеми качествами, необходимыми для вождя народных масс, вождя первого в мире социалистического переворота.¹

В том же году в январе в Тегеране был устроен траурный митинг по поводу годовщины смерти Ленина. Поэт Кахраман прочел на нем свое стихотворение «Памяти Ленина»². Повествуя о гениальности Ленина, о его великой преданности делу революции и готовности идти на любые жертвы ради этого дела, поэт рассказывает о борьбе Ленина за справедливость, за уничтожение пережитков феодализма в России, за народную власть, за мир.

Ленин не хотел, чтобы великие народы
Подчинялись вора-грабителям,

Ленин не хотел, чтобы в 20-м веке
человечество

Жило как в каменном веке.

Ленин не хотел, чтобы людьми
просвещенными

Управляла кучка безрассудных

безумцев.

Ленин не хотел, чтобы в распрах,
войнах и лицемерии

Даром пропадала сила мыслей
человечества.

Перевод подстрочный

Кахраман раскрывает и подчеркивает такое замечательное свойство Ленина-вождя, как его теснейшую связь с народом, веру в творческие силы масс, тех масс, которые оплакивают его после смерти как своего отца. В завершающей части

стихотворения Кахраман показывает интернационализм ленинского учения, огромное значение его для судеб всего человечества, говорит, что это и послужило причиной бессмертия Ленина как человека и вождя народов всего мира.

Не умирает тот человек, которого от
всей души

Угнетенные мира считают своим
руководителем.

Не умирает тот человек, слова которого
Во всем мире учат наизусть

трудящиеся.

Ленин не умрет до тех пор, пока
любовь к свободе

Будет гореть в груди угнетенных.

Перевод подстрочный

В небольшом предисловии к этому стихотворению, помещенному в одном из номеров газеты «Мардум», говорится, что оно написано «прекрасным стилем ранних мастеров Хорасана и Мавераннахра». В какой-то степени это объясняет нам ту причину, по которой ни в этом стихотворении, ни в целом ряде других поэты не сумели полностью отразить облик Ленина. Несмотря на горячее и искреннее чувство, которым проникнуты эти произведения, несмотря на правильные идеи, сама форма персидской классической поэзии не позволила сделать это. За абстрактными определениями, образами, ставшими традиционными (такие, как «мудрый садовник», «великий богатырь»), за чрезмерным пафосом и гиперболизацией исчезает образ Ленина — «самого земного из всех прошедших по земле людей». Кроме того, известный схематизм этих стихов приводит часто к тому, что деятельность Ленина оторвана от изображения тех революционных событий, вдохновителем и организатором которых он был.

В этом отношении более значительной творческой удачей явилась поэма «В. И. Ленин», написанная видным иранским общественным деятелем, писателем и поэтом Эхсаном Табари. Широта мировоззрения, горячее революционное чувство, тщательное изучение трудов Ленина — все это помогло Табари в работе над поэмой. Поэма, оконченная в 1953 году, завершила собой цикл стихов, в которых Табари писал о Ленине, связывая с его именем различные события из жизни Советского Союза («Партия Ленина», «Имя Ленина украсило канал» и др).

¹ «Первый съезд иранских писателей». Тегеран, 1946, стр. 95—97.

² Газета «Мардум», № 4, 1946.

В 1952 г. в стихотворении, посвященном Ленину, Табари писал:

Все надежды, что гибли века
От далеких времен Спартака,
По его великим заветам
Стали явью в стране Советов.

И на всех языках вселенной
Воздается ему хвала,
Воспевают народы Ленина,
Сына гор — великана орла.

В отличие от этих небольших зарисовок в стихах поэма «В. И. Ленин», состоящая более чем из трехсот строк, носит повествовательный характер. Это широкое историческое полотно, создавая которое, Табари проявил большие познания в истории России начала 20-го века и проникновение в суть этих событий. Перед нами проходит жизнь Ленина от гимназических лет до свершения Октябрьской революции, показана его борьба против «экономистов» и «народников», его неустанная работа, направленная на укрепление целостности и единства партии.

Табари умеет пользоваться материалом — он вводит в поэму высказывания Ленина, даже цитирует его, не нарушая при этом стиля произведения, например:

В одно кровавое воскресенье у народа
Была расстреляна вера в царя.

В поэме Табари сильно сказались влияние творчества В. Маяковского. Табари занимался изучением поэзии Маяковского, перевел несколько его произведений на персидский язык, ему был близок страстный пафос поэта — борца и агитатора. Об этом свидетельствует композиционное сходство поэмы Табари с одноименной поэмой Маяковского, использование Табари некоторых образов, созданных В. Маяковским. Например:

Ленин был кормчим революции
в этой борьбе,
Он вел к берегу победы и славы
Корабль счастья в бушующем океане,
Как вождь — он зорек и хладнокровен.
В борьбе с насилем
бесстрашен и суров.

Перевод подстрочный

Однако и этой поэме, которая во многом превосходила все то, что было написано о Ленине в персидской поэзии, присущи многие недостатки. Основной из них — поэт не сумел индивидуализировать образ вождя, передать его неповторимость простыми художественными средствами. В некоторых местах В. И. Ленин представлен как существо, обладающее магическими силами, выделяющими его из числа земных людей:

Встанет богатырь среди людей,
Среди темных сердец —
звезда лучезарная.

Сосуд жизни дьявола угнетения
Он разобьет камнем истории.
В ладонях его будет мелодия истории.
Его рука бьет булавой,
толкущей врага.

Перевод подстрочный

Наряду с растянутостью поэма имеет ряд неудачных мест, в которых Табари, стремясь к буквальному изложению событий, не учел особенностей поэтического изображения и создал нечто вроде краткого изложения истории партии в стихах. Таковы места, подобные следующему:

С железной логикой доказал он,
Что даже в общину проник капитал,
Что там, где народник видел идиллию,
Путь не через общину, а через бой,
Через разрушенье и революцию
К свободе придет народ трудовой,
Ленин не дал подавить движенье,
Не дал в заблужденье ввести народ
Меньшевикам и экономистам,
Таким, как Мартов и Аксельрод.

Перевод подстрочный

Такие неудачи Табари были естественны — они связаны с ростом персидской поэзии, с ее стремлением выйти из тесных рамок классической формы, что было особенно необходимо в таких сложных темах, как тема Ленина — вождя, революционера и вместе с тем простого и обыкновенного человека.

Таким образом, персидская поэзия 40—50-х годов дала гораздо больше произведений, рассказывающих о Ленине и Советском Союзе, чем это было в 20-е годы.

Пер. В. Качаев.

Но надо помнить, что политические условия в Иране не давали и не дают широкой возможности для опубликования таких стихов — мы не найдем стихов о Ленине ни в одной из многочисленных антологий, сборников, школьных хрестоматий по поэзии, которые издаются в Иране. Весь материал, в основном, был сосредоточен в газетах, издаваемых Народной партией Ирана, распространялся в списках

и устно, и, конечно, многое из такой литературы осталось нам недоступно или просто затерялось.

Однако и дошедшего до нас материала достаточно, чтобы, с волнением вчитываясь в эти бесхитrostные строки, судить, как много любви и подлинного живого интереса вкладывают персидские поэты в стихи, посвященные Владимиру Ильичу Ленину и Советскому Союзу.

ИНДИЯ И ЛЕНИН

В апреле прошлого года под редакцией известного индийского литератора Ананда Гупта в Дели вышла книга, посвященная великому вождю пролетарской революции В. И. Ленину. С задушевной дарственной надписью А. Гупта направил свою книгу в наш журнал. Это небольшое издание включает много интереснейших, заботливо подобранных материалов. Книга сделана любовно и — что особенно важно — рассчитана на массового читателя и народные библиотеки (эта целевая установка нашла свое отражение и в общедоступной цене книги, и в ее формате). Задача этой алой книги — сделать светлый образ Владимира Ильича понятным и родным каждому индийскому труженнику.

Книга делится на две части. В первой из них собраны документальные данные, высказывания и воспоминания виднейших индийских общественных деятелей о В. И. Ленине, Октябрьской революции, Стране Советов. Здесь каждая строка согрета любовью и глубоким преклонением перед В. И. Лениным, которого в Индии чтут как великого мыслителя и вождя человечества.

В книге помещена статья Дж. Неру о В. И. Ленине, написанная им через 10 лет после Октябрьской революции, и написанная совсем недавно статья одного из руководящих деятелей Коммунистической партии Индии Б. Т. Ранадайва, а также интересная работа Р. Санкритьяйна «Ленин и Индия», напечатаны воспоминания о поездке первой индийской делегации в революционную Москву в 1918 г., рассказ Р. М. Пратапа о его встрече и беседе с В. И. Лениным в Кремле, рассказы гостей из Индии о посещении Мавзолея и Музея В. И. Ленина в Москве, о первом подарке индийских рабочих Владимиру Ильичу. Завершается первая часть книги стихами одного из крупнейших поэтов Индии — Валлатхола.

Вторая часть включает в себя работу В. И. Ленина о революционном движе-

нии в Азии — заметку «Культурные европейцы и дикие азиаты», приветственное послание В. И. Ленина съезду индийских революционеров и статью кандидата исторических наук Е. Н. Комарова «Ленин об Индии».

Ленинизм оказал сильнейшее влияние на молодых индийских революционеров 20—30-х гг., искавших новые пути освобождения своей родины. Ленин был для них великим борцом за свободу, вождем великого народа и вождем мирового пролетариата.

Б. Т. Ранадайв рассказывает о том, как д-р Висманатх Мукерджи, один из обвиняемых по делу о Мирутском заговоре, создавал свою книгу «Махатма Ленин или Глава истории революции в России». Книга появилась в 1928—29 гг. Она была написана на основе тех материалов, которые в это время можно было собрать в Индии. Британская цензура свирепствовала, и автору приходилось о многом говорить намеками. Но он сумел выразить главное: дружеское расположение В. И. Ленина к забытым и неграмотным крестьянским массам Азии, идею революционного преобразования и диктатуры трудящихся.

Начиная с 1929 г. учение Ленина становится столь распространенным среди индийских революционеров, что колонизаторы начинают рассматривать его как «врага № 1», угрожающего британскому владычеству в Индии. В качестве одного из тягчайших «обвинений» подсудимым на Мирутском процессе (здесь 33 профсоюзных руководителя и общественных деятеля, большую часть которых составляли коммунисты, обвинялись в подстрекательстве к войне против Англии) предъявлялось обвинение в приверженности к ленинизму. Книги и статьи В. И. Ленина, многие из которых были изданы за пределами Индии, представлялись на суде в качестве вещественных доказательств. Поводом для обвинения служили

даже речи, произнесенные обвиняемым в годовщину смерти В. И. Ленина.

Особое значение в Индии имели работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Государство и революция».

Ленинский анализ империализма давал индийским революционерам реальное представление о деятельности английских колонизаторов в Индии, о неотвратимой гибели империализма, о роли Индии и индийского революционного движения в борьбе мирового пролетариата за свое освобождение.

Книга В. И. Ленина «Государство и революция» буквально открыла глаза индийской революционной молодежи, глубоко неудовлетворенной результатами сатяграха (пассивного сопротивления). Теперь революционеры, возглавлявшие борьбу масс, имели научное теоретическое обоснование вооруженной борьбы против британского колониализма. В эту эпоху в стране молодежь, жаждущая активной борьбы, повсюду образовывала небольшие разговорческие группы. Знакомство с учением Ленина помогло этим людям понять, что есть иные, верные пути национально-освободительной борьбы. Многие бывшие участники тайных групп изменили свои взгляды и примкнули к Коммунистической партии.

Даже менее передовые, но прогрессивно настроенные слои находились под сильным влиянием идей Ленина. Партия Индийский Национальный Конгресс поставила на своем знамени требование о полной независимости Индии. Радикалы начинают сочетать национально-освободительную борьбу с программой общественных преобразований. Требование упразднения лендлордизма (крупного помещичьего землевладения) непосредственно связано с влиянием идей ленинизма.

Учение Ленина заставило индийских революционеров повернуться лицом к массам и увидеть именно в этих массах реальных творцов истории. Причем, следует отметить, что если движение 20-х годов и было массовым, то происходило это, в основном, за счет крестьянских общин. Ознакомившись с учением Ленина, индийские революционеры осознали великую историческую миссию пролетариата и изменили тактику борьбы. Именно в это время (20—30-е гг.) по Индии прокатывается волна стачек, активность рабочего класса возрастает. Индийский пролетариат поднимает красное знамя борьбы, организует свое профсоюзное движение и свою собственную Коммунистическую партию, программа которой включала требование национальной независимости, упразднения феодально-империалистического управления и учреждения республики рабочих и крестьян. Первые рабочие революционеры Индии вдохновлялись

идеями ленинизма и непосредственно опытом Октябрьской революции.

Огромную роль в укреплении молодых марксистских кадров в Индии сыграла работа В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Ленинизм учил индийских революционеров непримиримой идеологической борьбе, борьбе со всеми и всякими пережитками старого умирающего общества, что так жизненно важно в стране, где очень сильно влияние религии, общины, кастового деления.

Колоссальную популярность завоевала в Индии ленинская идея планирования, подтвержденная успехами планового хозяйства молодой Советской страны. В 1938 году Национальный Конгресс учредил Национальную плановую комиссию. Правда, в стране еще господствовали англичане, так что проводить экономическое планирование по своему усмотрению комиссия не имела возможности, но это была заявка на будущее.

Особо следует отметить то, что неотъемлемой частью индийской государственной политики стала замечательная идея Ленина о мирном сосуществовании различных социальных систем. Индия гордится тем, подчеркнуто в книге, что великие принципы Панча Шила являются конкретной формой ленинской идеи, вселяющей надежду и дающей уверенность в своей силе всему миролюбивому человечеству. Индия гордится тем, что, как указывал В. И. Ленин, — наряду с Россией и Китаем — именно ей принадлежит решающая роль в окончательной схватке с империализмом.

Индийскому народу В. И. Ленин дорог тем, что относился к Индии с глубокой, бескорыстной симпатией и что симпатия эта не была пассивной, что в своих статьях он разоблачал жестокость «цивилизованных» британских капиталистов, протестовал против комедии суда над индийскими патриотами, указывал английским рабочим, что те жалкие подачки, которые им уделают их империалистические хозяева, делаются за счет угнетения их братьев в колониях.

Ленин верил в великое будущее свободной Индии.

Иногда, казалось бы, мелочи упоминаются в книге, но какие трогательные мелочи!

При посещении Музея В. И. Ленина Инбал Сингх особо отмечает, как глубоко изучал Владимир Ильич различные источники, готовясь к написанию своей книги об империализме. Его, индуса, особенно тронуло то, что Ленин использовал при этом книгу Б. Фуллера «К вопросу о быте индусов и их характере».

Б. Н. Датта рассказывает, что при посещении Ленина Р. М. Пратапом и сопровождавшими его лицами с ними был слуга Ибрагим, выходец из кре-

стьянской среды. Владимир Ильич, узнав об этом, обратился именно к нему и в течение получаса беседовал с ним об условиях жизни крестьянства в Пенджабе, ибо считал, что для понимания положения в Индии беседа с индийским крестьянином даст ему больше, чем беседа с его высокими гостями — либеральными буржуа. Призная роль либеральных деятелей в национально-освободительном движении, В. И. Ленин никогда не отступал с позиций сторонника классовой борьбы. Поэтому он лишь посмеялся в ответ на слова своего гостя Р. М. Пратапа о том, что «природа избрала его (Ленина) своим орудием для принесения блага обществу». Когда же Пратап преподнес Ленину свою книгу «Религия любви», Владимир Ильич, уже прочитавший ее, сказал:

— Это толстовство. Толстой и толстовцы пытались проделать то же самое в России, но безуспешно. Религия не спасет индийский народ. Возвращайтесь в Индию и займитесь классовой борьбой, и путь к освобождению Индии станет намного короче.

В. И. Ленин пристально следил за событиями в Индии. Индийские трудящиеся видели в нем своего самого большого друга. Первая делегация индий-

ских рабочих прибыла в Москву уже 5 декабря 1918 г. (это они и доставили в подарок Ленину ту сандаловую палочку, которая хранится сейчас в Музее) на съезд в Колонный зал Дома Союзов приветствовать Октябрьскую революцию от имени своей страны. Делегатам пришлось преодолеть огромные трудности, они добирались до России в течение долгих месяцев. Зато какими горячими аплодисментами встретил зал появление на трибуне «товарища Мохаммеда Хади, представителя угнетенной Индии и индийских трудящихся». Вся аудитория, как один человек, встала, когда делегат Индии произнес: «Индия смотрит на Советскую Россию с любовью и надеждой!».

Индийских делегатов тепло приняли В. И. Ленин и Я. М. Свердлов. Это дружеское тепло ощущают и по сей день те многочисленные прибывающие к нам друзья из далекой Индии, которым как бы передала эстафету этой замечательной традиции первые индийские делегаты.

Книга «Индия и Ленин» — дань уважения и любви великому вождю трудящегося человечества — во многом содействует укреплению дружбы двух великих народов — советского и индийского.

Л. Гершберг

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ПЕРЕВОДЕ

В конце минувшего года издательство «Советский писатель» порадовало наших переводчиков ценным и интересным изданием — объемистым сборником высказываний русских писателей о различных проблемах перевода¹. Книга ограничена рамками XVIII—XX веков и включает более четырех десятков имен — от Антиоха Кантемира (1709—1744) до А. М. Горького. Содержанием сборника отнюдь не исчерпан весь материал, затрагивающий тему: как нам известно, вошедшие в книгу цитаты составляют меньше половины запаса, имеющегося в распоряжении составителей.

Вступительная статья к сборнику, написанная одним из его редакторов, крупным специалистом в области теории перевода А. В. Федоровым, дает сжатый обзор истории вопроса, т. е. возникновения, эволюции и трактовки на русской почве с первых лет XVIII века и до нашего времени самой проблемы сначала научного, а потом и художественного перевода. Если в первой стадии развития самым актуальным был воп-

рос — что переводить, то уже очень скоро переводчиков начинают тревожить и другие заботы — о терминологии, языке и манере перевода научных сочинений.

Почти одновременно встает на очередь и проблема художественного перевода, при котором выбор оригинала тоже играет существеннейшую роль. Уже в XVIII веке появляются переводчики-профессионалы, деятельность которых рассматривается как чисто творческий труд; создается даже специальная организация — «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», — просуществовавшая 15 лет (1768—1783 г.) и насчитывавшая 114 членов, в числе которых был А. Н. Радищев. Следует прямо сказать, что такое «собрание» было бы отнюдь не лишним и в наше время; существующие при Союзе писателей секции переводчиков, на наш взгляд, не избавляют от нужды в подобной организации.

Дальнейшие страницы статьи А. В. Федорова представляют собой краткий комментарий к книге, отмечающий «основные вехи в истории русской переводческой мысли». К некоторым его высказываниям нам еще придется ненадолго вернуться в дальнейшем.

¹ Русские писатели о переводе. XVIII—XX вв. Советский писатель. Ленинград, 1960. Под редакцией Ю. Д. Левина и А. В. Федорова. 696 стр. Тираж 2500 экз.

Специфический хрестоматийный характер входящего в сборник материала не позволяет пересказать его содержание. Из «древних», так сказать, авторов в нем, кроме Кантемира, представлены еще В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, В. В. Капнист и несравненно менее значительные литераторы В. И. Лунин и М. И. Попов. (М. В. Ломоносов и А. Н. Радищев, жившие в том же веке, все еще настолько близки нам, что их как-то не хочется зачислять в «древние»). Из множества писателей XIX века, естественно, следует прежде всего отметить В. Г. Белинского, чьи мысли о переводе и о задачах переводчика до сих пор удивительно свежи, а также столь крупных переводчиков-практиков, как Н. И. Гнедич, В. А. Жуковский, А. В. Дружинин, предтеча последующих «буквалистов» А. А. Фет, М. Л. Михайлов и стоявший на совершенно своеобразных переводческих позициях убежденный апологет «отсебятины» И. Введенский. Огромный интерес, естественно, представляют немногочисленные, но ценнейшие суждения Пушкина; большое значение, и не только для своего времени, имели критические высказывания И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. Немало примечательного можно найти и в рассуждениях менее выдающихся литераторов-переводчиков — П. И. Вейнберга, В. С. Курочкина и других.

В двадцатое столетие вводит нас В. Я. Брюсов — признанный виртуоз в области «техники» стихотворного перевода, неумолимо требовавший от переводчиков выполнения порой неосуществимых задач. Из других писателей нашего века в сборнике представлены только А. М. Горький и А. А. Блок.

Уже этот неполный перечень показывает, какую массу интересного материала найдет в сборнике историк и теоретик перевода. Материал этот, однако, имеет отнюдь не только историческое значение. Многие проблемы, вставшие перед русскими пионерами переводческого дела в XVIII веке, продолжают нас волновать и сейчас; не прекращающиеся и по сей день споры ведутся, по существу, вокруг тех же узловых вопросов, что и двести лет тому назад. При чтении рецензируемого сборника возникает множество старых и новых мыслей, каждая из которых могла бы дать материал для особой статьи. Мы остановимся лишь на некоторых важнейших. «неувядаемых» проблемах нашего искусства, нашедших отражение в сборнике.

Подчеркнем, прежде всего, самое слово «искусство». «Переводчик от творца только что именем рознится» — писал еще В. К. Тредиаковский (стр. 36).¹

¹ Здесь и в дальнейшем ссылки указывают страницы рецензируемого сборника.

Быть творцом призывает переводчика и А. П. Сумароков, справедливо указывая, что ремесленный, буквальный перевод никому не нужен («хотя перед тобой в три пуда лексикон, не мни, чтоб помощь дал тебе велику он» — стр. 52); Сумарокову вторит и В. А. Жуковский, называющий поэта-переводчика «оригинальным творцом» (79) и соперником автора.

Доказывать в наше время, что перевод есть искусство, требующее прежде всего одаренности, таланта, значит как будто ломиться в давно и широко открытые двери. А между тем... Если одна из первых наших книг по вопросам перевода называлась «Искусство перевода», а другая даже «Высокое искусство», то в дальнейшем некоторые работники в этой области сочли за лучшее трактовать теорию перевода лишь в чисто лингвистическом аспекте.²

Спецификой переводческого труда, требующего прежде всего творческого дара, объясняется и полная безнадежность всех поисков «философского камня», способного превратить бесталанного переводчика-ремесленника хотя бы в полезного работника. Никакая «теория», даже если бы она уже была разработана (пока что этого, как известно, нет) не пойдет впрок, если нет таланта; обучить можно, пожалуй, только «технике», которая лучше всего усваивается переводчиком при работе с квалифицированным, опытным редактором.

Переоценка роли техники при чисто художественном переводе отразилась и в отношении тех или иных переводчиков к до сих пор не нашедшей единодушного решения проблеме «переводимости». Этот вопрос тоже издавна волнует наших переводчиков, и нам трудно согласиться с утверждением А. В. Федорова (22), будто «у русских писателей в их теоретических размышлениях о переводе подобные мотивы (т. е. мотивы невозможности вполне адекватной передачи при переводе иноязычного подлинника — М. С.) почти вовсе не слышны». Наоборот, многие и многие писатели (из упомянутых в настоящем сборнике первым оказывается П. А. Катенин), ставя вопрос о переводимости, отвечали на него категорически отрицательно. «Передать создание поэта с одного языка на другой — невозможно; но невозможно и отказаться от этой мечты», — утверждает, например, В. Я. Брюсов (536), столь свободно владевший всеми техническими средствами поэтического перевода. За много десятков лет до Брюсова то же самое говорил и

¹ К. И. Чуковский и А. В. Федоров. Искусство перевода. Л. 1930; К. И. Чуковский. Высокое искусство. М., 1941.

² А. В. Федоров. Введение в теорию перевода. (Лингвистические проблемы). М., 1958.

В. Г. Белинский. «Напрасно переводят басни Крылова на другие языки: все то, чем сильна басня, исчезает в переводе. — писал он в 1839 г., мечтая даже об издании закона, запрещающего переводить басни (211—212, 238). Привести и другие аналогичные высказывания нам не позволили бы рамки рецензии, однако мы можем смело утверждать, что вопрос о «полной» переводимости разрешался в XIX веке отрицательно далеко не одним Белинским.

Острота споров вокруг «переводимости» в значительной мере связана с недостаточной ясностью самого этого понятия. Действительно, что же, по сути дела, следует разуметь под словом «переводимость»? Если оно означает, что всякая мысль, изложенная на том или ином языке, может быть выражена средствами другого языка, то что же станет против этого спорить? Но здесь мы опять сталкиваемся с двумя подходами к переводу — «техническим» и творческим. Если механические возможности языка достаточны для осуществления «переводимости» с другого языка, принадлежащего к любому языковому семейству, то его художественные, так сказать, средства далеко не всегда достаточны для того, чтобы сохранить в переводе и дух и формальные особенности оригинала. Оттого так курьезно, почти комично, звучат, скажем, упреки В. Брюсова по адресу Г. Шенгели, который при переводе поэм Верхарна не сохранил по-русски звуковой строй подлинника (544) и, в частности, не передаст чисто французские носовые звуки (548), которых в русском языке и вообще нет.

Такие чрезмерные требования к переводчику заставляют вновь и вновь поставить вопрос: в чем же, в конце концов, состоят реальные цели художественного перевода, каковы практические пути, чтобы их достигнуть? О разнообразии мнений на этот счет говорил еще в конце восьмидесятых годов прошлого века известный переводчик Гейне и других западно-европейских поэтов П. И. Вейнберг (498).

На первый вопрос цитируемые в нашем сборнике писатели отвечают, однако, более или менее единодушно: их господствующая мысль блестяще сформулирована Белинским: «Правило для перевода художественных произведений, —

пишет великий критик (197), — одно — передать дух переводимого произведения... Чтобы так передавать художественные произведения, надо родиться художником» (197). «Близость к подлиннику состоит в передаче не буквы, а духа создания. Кажется язык имеет свои, одному ему принадлежащие свойства, до такой степени, что для того, чтобы передать верно иной образ или фразу, в переводе иногда их должно совершенно изменить... Надо, чтобы внутренняя жизнь переводимого выражения соответствовала внутренней жизни оригинального» (199). Не будучи переводчиком, В. Г. Белинский в выделенных нами словах с гениальной простотой определил основную задачу переводчика. Конечно его цель удачно выразил, на наш взгляд, уже упоминавшийся выше П. Вейнберг, по мнению которого «обязанность хорошего переводчика — стараться произвести на читателя своих такое же впечатление, какое производит и подлинник, дать об этом последнее полное, или, в тех случаях, когда это по условиям языка оказывается невозможным, приблизительно полное понятие...» (501).

Против такого пожелания едва ли кто-нибудь рискнул бы возражать. Ведь даже самые отчаянные буквалисты и «звукописцы» — и те называли свои упреждения «приближением к подлиннику». Разногласие вызывают лишь способы и средства достигнуть этой цели. Прицелив Шенгели за отсутствие в его переводе носовых звуков, Брюсов забывает, что эти звуки, обычные для французского языка, чужды русскому, и даже если бы их можно было как-нибудь передать, произвели бы в русских стихах совершенно странное впечатление. А ведь достоинство хорошего перевода как раз в том и состоит, чтобы он не был похож на перевод и звучал на русском языке так, как бы написал его по-русски сам автор, если бы он был русским (Белинский, 197). Следование этому золотому правилу забывали бы наших переводчиков от злосчастного буквализма, развываяло бы им язык, привело бы к исчезновению проклятого «переводческого» языка, против которого с таким пылом восставал в свое время К. И. Чуковский в книге «Высокое искусство».

Бывают, правда, и случаи, когда отступление от требования В. Г. Белинского как будто оправдано. Это в первую очередь относится к переводам древних и средневековых авторов, если переводчик пытается воспроизвести индивидуальный стиль и чисто-формальные особенности оригинала. Однако такие образцы переводческого искусства стоят совершенно особняком и выполняют иную функцию, чем обычные переводы. «Всякий перевод, — справедливо указывал И. С. Тургенев, (264) — назначен преимущественно для лиц, не знающих подлинника. Переводчик не

1 Ограничимся лишь еще одной цитатой (494), принадлежащей Д. И. Писареву: «Гейне непередадим; наши поэты, даровитые и бездарные, берут у Гейне идеи и образы, пишут свои стихотворения на эту заимствованную тему, потом ставят в заголовке: «Из Гейне» и воображают себе, что они его перевели». Добавим от себя, что подобные казусы относятся не только к прошлому веку, и пострадал от них не один Гейне.

должен трудиться для того, чтобы доставить знающим подлинник случай оценить верно или неверно передал он такой-то стих, такой-то оборот, он трудится для «массы». А «стилизированные» под оригинал переводы (например, «Жизнь Бенвенуто Челлини» в переводе М. Л. Лозинского), очевидно, предназначены лишь для избранных, знающих подлинник читателей и должны, по нашему мнению, оцениваться не как перевод, а как самостоятельное произведение русской литературы.

В виду большого места, которое занимали переводы классиков на заре деятельности русских переводчиков, вопрос о том, как их переводить, вызвал уже и в те времена горячие споры, не затихающие вплоть до наших дней. О принципах перевода античных поэтов говорят Кантемир (29) и Тредиаковский; последний даже предлагает «главнейшие критерии, то есть не ложные знаки доброго перевода стихами со стихов» (39).

Утвердившийся в последующее время архаизаторский метод, принятый переводчиками Гомера Гнедичем и Жуковским, был встречен отнюдь не без возражений. Противником такого метода был, в частности, и Л. Н. Толстой, отозвавшийся о переводах поэм Гомера в «весьма энергичных и ярких выражениях». «Все эти Фоссы и Жуковские, — писал он А. А. Фету (525), — поют каким-то медово-паточным, горловым, подлым, подлизывающимся голосом, а тот черт (т. е. Гомер — М. С.) и поет и орет во всю грудь, и никогда ему в голову не приходило, что кто-нибудь его будет слушать».

Другой противник Жуковского, известный ориенталист и литератор О. И. Сенковский (Барон Брамбеус) развил целую теорию о том, что поэмы Гомера следует переводить в стиле русских народных сказок. К сожалению, высказывания Сенковского, содержащие ряд интересных, хотя и парадоксальных соображений, не приводятся в нашем сборнике и лишь вскользь упомянуты А. В. Дружининым (302—303).

* * *

Таковы лишь весьма немногие из тех мыслей, соображений и выводов, которые возникают при чтении рецензируемого сборника. Составители и

редакторы его заслуживают всяческой признательности; приходится только пожалеть, что объем книги не позволил еще увеличить количество цитат.

Не всегда оправданный подбор материала составляет, на наш взгляд, наиболее существенный недостаток книги. Не все авторы, независимо от их удельного веса в истории русской литературы, и не все цитаты из них заслуживали, думается, помещения в книгу. Учитывая ограниченность места, можно было, например, пожертвовать суждениями таких второстепенных деятелей, как В. И. Лукин и М. И. Попов, высказываниями В. К. Кюхельбекера и некоторых других авторов, как не заключающими ничего особенно интересного, и основательно сократить цитаты, скажем, из Бестужева-Марлинского. Освободившееся пространство следовало заполнить хотя бы статьями Пушкина: «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая», не нашедшей себе места в сборнике. Некоторая непоследовательность и «случайность» в подборе материала — явление, по-видимому, неизбежное при такого рода изданиях, но все же нельзя не выразить сожаления о почти полном отсутствии материалов, касающихся литературы народов Советского Союза. (Интересные высказывания В. Брюсова о подготовке сборника Пoesии Армении (559—563) — лишь в весьма малой степени заполняют этот пробел.) Следует пожелать, чтобы наши теоретики перевода нарушили наконец давнюю инерцию по отношению к национальным литературам.

Попенять на редакторов сборника следует и за крайнюю скудость примечаний. При великом разнообразии и противоречивости встречающихся в сборнике высказываний, руководящий комментарий к ним принес бы большую пользу. Далеко не лишним оказался бы и предметный указатель.

Отмеченные нами недостатки не изменяют общей оценки сборника как приятного подарка советским переводчикам. К сожалению, этот подарок достался лишь немногим счастливым: сборник издан тиражом всего 2500 экземпляров, разошелся в несколько дней и уже является библиографической редкостью.

М. Салье

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ТРУД О ПРОИСХОЖДЕНИИ УЗБЕКСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Вышедшая недавно в свет книга кандидата исторических наук М. Г. Вахабова «Узбекская социалистическая нация», несомненно, привлечет к себе внимание не только историков, но и самого широкого круга читателей. Это первый труд, в котором с марксистско-ленинских позиций прослеживается история формирования и развития узбекской социалистической нации. Вместе с тем книга освещает и более широкий вопрос, вопрос об основных закономерностях и важнейших этапах формирования и развития других социалистических наций Средней Азии, которое происходило в тесной связи и примерно в одних и тех же исторических и социально-экономических условиях.

Сам характер проблемы, которую исследует автор, требовал создания обобщающей работы, охватывающей сравнительно большой отрезок времени (примерно с X—XII вв. до наших дней) и затрагивающей многие важные вопросы социально-экономического, политического и культурного развития Средней Азии и Советского Узбекистана.

В пяти главах своей монографии автор исследует очень широкий круг проблем, в той или иной степени связанных с проблемой происхождения и развития как узбекской буржуазной, так и узбекской социалистической нации.

В первых двух главах книги автор разбирает вопросы, связанные с этническим составом узбекского народа, исследует социально-экономические и политические условия формирования узбекской народности, ее этнический облик к началу присоединения Средней Азии к России; затем показывает значение этого присоединения для хозяйственной и культурной жизни узбеков. Значительная часть второй главы посвящена такому важному и малоисследованному вопросу, как формирование общности экономической жизни среди узбеков в колониальный период, усилению территориальной, языковой и культурной консолидации узбеков перед революцией. В этой же связи во второй главе дается анализ освободительного движения трудящихся местных национальностей и антинародной, реакционной деятельности узбекской буржуазии.

Правильно ли поступил автор, уделяя такое большое внимание дореволюционной эпохе, так сказать, предистории узбекской социалистической нации? Несомненно правильно! Вопрос о формировании узбекской народности, процесс обогащения этнического состава узбекского народа, а затем формирование узбекской буржуазной нации,

начавшийся с периода присоединения Узбекистана к России и проникновения в край буржуазных отношений, все это органически связано с проблемой происхождения узбекской социалистической нации. Нужно подчеркнуть, что автор давно и плодотворно работает над вопросом происхождения узбекской буржуазной нации, о степени ее национального оформления. В книге приведены новые и весьма убедительные материалы, которые показывают как конкретно происходил этот процесс в условиях колониального Туркестана. В книге найдено свое подтверждение известная точка зрения автора и некоторых других историков Узбекистана о том, что процесс национальной консолидации узбеков в буржуазную нацию начался в связи с присоединением к России и ростом капиталистических отношений, но этот процесс далеко не был завершен, и узбекская буржуазная нация к моменту Октябрьской революции находилась на начальной стадии своего национального оформления.

Процесс становления узбекской буржуазной нации в колониальный период автор рассматривает в связи с формированием общности экономической жизни среди узбеков в тот период. Прослеживая создание единого национального внутреннего рынка в дореволюционном Туркестане и показывая, как на этой основе происходило формирование общности экономической жизни узбекского народа, автор вместе с тем подчеркивает, что разрушение хозяйственной замкнутости отдельных районов или областей Туркестана, хотя и способствовало большему сплочению узбекского населения, все же не сопровождалось установлением тесных экономических связей между отдельными районами. Поэтому процесс создания единого внутреннего рынка в Туркестане-колонию протекал медленно. В этот период значительно более быстро происходило создание изолированных местных областных рынков, наличие которых замедляло формирование узбекской буржуазной нации.

Таким образом, автор прослеживает почти тысячелетний путь развития узбекского народа, показывает, из каких отдельных слагаемых формировался этнический костяк узбеков. В книге хорошо показано, что узбеки — один из древнейших народов Средней Азии, что они с древнейших времен являлись основными обитателями Ферганской долины, долины Зеравшана, Хорезмского и Бухарского оазисов, долины Чирчика. Основной костяк узбекской народности сложился на рубеже XI—XII веков из многочисленных тюрко-

язычных племен, которые слились с еще более древним ираноязычным и тюркоязычным населением Мавераннахра. Процесс этногенеза узбеков проходил в очень тесной связи с другими народностями Средней Азии, в особенности с таджиками, говорившими на иранском наречии. Состав узбеков все время пополнялся также их ближайшими соседями — кочевниками Семиречья и Могулистана, которые периодически вливались в районы оседлого и полуполуоседлого населения и вскоре смешивались с ним. Очень ценны выводы автора о взаимном влиянии различных этнических групп, вошедших в состав узбекской народности.

Центральной и наиболее важной частью труда М. Г. Вахабова являются третья, четвертая и пятая главы. В этих главах раскрывается сам процесс складывания и развития новой узбекской социалистической нации, возникшей на базе новых социалистических производственных отношений. Автор показывает, что весь многовековой путь развития узбекского народа не может идти ни в какое сравнение с тем новым историческим этапом его жизни, который сложился после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Только в советскую эпоху, в условиях диктатуры пролетариата узбеки окончательно сложились в нацию, в нацию новую, социалистическую.

Формирование узбекской социалистической нации автор рассматривает, как одну из важных сторон общего социалистического преобразования Узбекистана, как результат развития социализма. Узбекская социалистическая нация — детище социализма. Таков основной вывод автора.

Отдельные черты, элементы, составные части новой социалистической нации возникли постепенно. Начало этому было положено Великой Октябрьской социалистической революцией, которая заложила прочные основы небывалого расцвета материальных и духовных сил узбекского народа, освободила узбеков от национального и социального угнетения. Автор подчеркивает, что в первые годы Советской власти под руководством партии была проведена гигантская борьба народных масс Узбекистана против шовинистических элементов, против буржуазных националистов, злейших врагов национальной консолидации узбеков, препятствовавших развитию у местных трудящихся подлинно национального и классового самосознания.

В четвертой главе автор показывает историческое значение образования Узбекской ССР и дальнейшее расширение национальных связей среди узбеков на основе укрепления советского строя, развития узбекской советской государственности. Дав глубокий анализ подготовки, а затем проведения национально-государственного размежевания Средней Азии, значения образования Уз-

бекской ССР для ускорения процесса формирования узбекской социалистической нации, автор характеризует социальное и этническое лицо узбекского народа к концу восстановительного периода.

Формирование социалистических наций есть закономерный исторический процесс развития народов, и народностей в период социализма. Автор книги, не ограничиваясь общими положениями об условиях, при которых происходит формирование социалистических наций, вскрывает важнейшие факторы и черты этого процесса в конкретных условиях Узбекистана, показывает, что содействовало превращению узбеков в новую социалистическую нацию.

В чем же конкретно видит автор те важнейшие экономические и политические факторы, которые в своей совокупности способствовали формированию узбекской социалистической нации и завершению национальной консолидации узбеков? Вооруженный марксистско-ленинским методологией автор правильно начинает этот анализ с характеристики великих преимуществ советского общественного строя, экономических и политических основ многонационального советского государства, в рамках которого все народы и народности, входящие в его состав, получили все возможности и условия для культурного, экономического и национального возрождения. В книге убедительно показывается могучая преобразовательная сила национальной политики Коммунистической партии, которая подняла массы узбеков, как и все народы СССР, к самостоятельному историческому творчеству.

В книге правильно подчеркивается, что коренным условием становления узбекской социалистической нации явилась социалистическая реконструкция народного хозяйства Узбекистана, такие крупнейшие революционные мероприятия, которые провела в республике Коммунистическая партия, как земельно-водная реформа, социалистическая индустриализация и создание в Узбекистане крупной социалистической промышленности, коллективизация сельского хозяйства и культурная революция. Эти меры изменили вековой традиционный облик Узбекистана, как отсталой и аграрной окраины, превратили его в передовую социалистическую республику на Советском Востоке. Вместе с тем автор правильно подчеркивает, что наряду с теми глубокими экономическими и культурными изменениями, которые произошли в Узбекской ССР в годы довоенных пятилеток, одним из важнейших условий формирования узбекской социалистической нации явился рост коммунистического движения среди узбеков, превращение Компартии Узбекистана в массовую марксистско-ленинскую партию, всеми своими корнями связанную с рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией, неустанно иду-

щей вперед под руководством ЦК КПСС, под знаменем марксизма-ленинизма.

На огромном фактическом материале в книге раскрываются выдающиеся достижения узбекской социалистической нации, ее вклад в дело построения социализма и коммунизма в нашей стране. Автор последовательно проводит мысль, что узбекская социалистическая нация — неразрывная и составная часть всего советского народа, сплоченного братской дружбой. Свою верность социалистической Родине, Коммунистической партии узбекская социалистическая нация доказала на всех этапах социалистического и коммунистического строительства, вместе со всеми народами СССР демонстрируя свою высокую политическую сознательность, социалистический интернационализм, верность идеям марксизма-ленинизма.

Зачлительные разделы пятой главы показывают, как под влиянием победы культурной революции формируется новый духовный облик узбекской социалистической нации, как в результате победы социалистических производственных отношений узбекский народ превращается в социалистический коллектив, строящий в братской дружбе со всеми социалистическими нациями СССР величайшее здание коммунизма.

В отличие от многих исторических трудов в работе М. Г. Вахабова большое внимание уделяется вопросам развития языка, различных диалектов, культурной общности народов Средней Азии и их взаимовлиянию, состоянию и развитию литературы, народного просвещения и т. д. Автор прекрасно понимает взаимосвязь экономики и политики, экономики и культуры, как цельного процесса исторического развития. Все это делает труд М. Г. Вахабова первым крупным и капитальным исследованием истории возникновения, формирования и развития узбекской социалистической нации.

Необходимо отметить, что при создании книги автор должен был преодолеть значительные трудности. Эти трудности объяснялись не только тем, что научной литературы по вопросу об этногенезе узбекского народа очень мало, но и тем, что для обоснования своих основных положений и выводов М. Г. Вахабову пришлось глубоко изучить громадное количество общей исторической литературы и, самое главное, собрать и обобщить большой фактический материал по истории узбекского народа с древних времен до наших дней. Документальная база книги исключительно богата. Автором использованы материалы местных и московских архивов, периодическая печать, произведения старинных авторов и многие другие документальные источники. Это обстоятельство дало возможность автору не только сделать ряд новых научных выводов и об-

общений, но и опереться при этом на громадное количество фактов для их обоснования. С другой стороны, большой фактический материал, собранный и исследованный автором, придает подлинно исследовательский, оригинальный характер всей монографии. Для книги характерны не только высокий научный уровень, глубина постановки тех или иных вопросов, но и самостоятельность автора, оригинальность авторских трактовок и выводов.

В книге М. Г. Вахабова есть ряд вопросов, которые носят дискуссионный характер, требуют дальнейших исследований и разработок. Так, например, правильно отмечая, что создание внутреннего рынка в дореволюционном Узбекистане проходило в общем медленно в результате задерживающего влияния колониальной политики царизма, автор в то же время несколько недооценивает значение таких явлений, как развитие хлопководства и рост железных дорог, что, конечно, влекло за собой ликвидацию былой изолированности отдельных районов, разрушало натуральное хозяйство и способствовало процессу создания общности экономической жизни среди узбеков и формированию единого национального внутреннего рынка.

В книге устанавливается два основных этапа формирования узбекской социалистической нации (стр. 358). Нам представляется, что этот вопрос требует дальнейшей доработки и уточнения.

Дискуссионный характер носит также мысль автора, высказанная им в четвертой главе книги, о том, что с образованием Узбекской ССР и других национальных республик Средней Азии был нанесен окончательный удар по националистическим уклону в рядах партийных организаций Средней Азии. Так же дискуссионно и требует дальнейшего изучения положение автора о том, что рост национализма в Средней Азии в период социалистического строительства являлся закономерным явлением. Заслуга автора состоит в том, что он поставил эти вопросы. Дальнейшая научная марксистская разработка этих и других вопросов — важная задача не только историков, но и философов и экономистов республики.

Таковы положительные стороны труда М. Г. Вахабова, который, несомненно, будет тепло встречен всеми, кто интересуется историей трудолюбивого и талантливой узбекского народа. Книга — ценный и полезный вклад в историографию Советского Узбекистана, и в этом бесспорная заслуга ее автора.

Вместе с тем книга М. Г. Вахабова не лишена некоторых недостатков, которые было бы желательно устранить при последующих ее переизданиях. Насыщенная громадным фактическим иллюстративным материалом книга в некоторых главах и разделах (главы 2, 3 и другие) перегружена статистическими и иными цифровыми данными.

Несколько растянуты первая и вторая главы, посвященные дореволюционному периоду. Очень важные разделы пятой главы об индустриализации и коллективизации написаны сухо, в них сравнительно мало выводов и обобщений автора. Поэтому они не раскрывают полностью всех тех колоссальных экономических и культурных изменений, которые произошли в Узбекистане в период довоенных пятилеток.

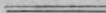
Слабо показано освободительное движение местных трудящихся в колониальный период.

В главе третьей недостаточно выпукло показана борьба против великодержавного шовинизма, который представлял главную опасность в национальном вопросе в Туркестане в первые годы установления Советской власти. В книге есть ряд не совсем удачных и точных формулировок.

В заключительных разделах книги следовало бы, на наш взгляд, полнее раскрыть международное значение исторического опыта КПСС в разрешении национального вопроса в некогда отсталых восточных республиках. Сейчас, в связи с распадом колониальной системы империализма, это приобретает большее значение.

Указывая на эти недостатки, мы считаем, что они ни в какой степени не могут поколебать основного нашего вывода: М. Г. Вахабов написал серьезную монографию, ценный труд по истории формирования узбекской социалистической нации, который твердо войдет в фонд научной литературы, посвященной разработке актуальных проблем истории узбекского народа.

В. Непомнин,
кандидат исторических наук.

Х. АБДУЛЛАЕВ

УЗБЕКСКИЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТР КИЗИКЧИ

В богатой сокровищнице древней узбекской культуры значительное место принадлежит народному театру, который делится на два вида: на театр народных комиков (их называют масхарабозы или кизикчи) и театр кукол.

История того и другого театра, а также их роль в разные периоды развития общества изучены еще далеко не достаточно. Однако известно, что в XIX и начале XX веков народный театр был очень широко распространен на всей территории современного Узбекистана.

Устная драматургия узбекского народного театра представляет собой исключительное по своему богатству явление. Имеющиеся в распоряжении историков культуры записи более чем ста пьес-фарсов наглядно подтверждают, что она чрезвычайно разнообразна по тематике и обладает большими идейными и художественными достоинствами. Как справедливо заметила А. Л. Троицкая — автор ценных работ по истории узбекского народного театрально-циркового искусства, — фарсы, например, дореволюционного времени отразили в себе почти все стороны узбекского быта.

В настоящее время лучше других нам известен народный театр Ферганской долины, выдвинувший плеяду высокоталантливых мастеров искусства, в том числе — прославленного комика Юсулджана-кизика Шакарджанова. Но ряд фактов свидетельствует о том, что не меньших высот достигло искусство и в других областях Уз-

бекистана — Самаркандской, Бухарской, Хорезмской.

Несмотря на неясность отдельных вопросов, связанных с историей происхождения и формирования этого театра, несомненно одно: узбекский народный театр глубоко самобытен и имеет древнее происхождение. Такое высокоразвитое, широко распространенное в народе и прочно вошедшее в быт искусство не могло возникнуть недавно. Для его развития нужна была целая эпоха.

Разумеется, не случайно интерес к узбекскому народному театру сейчас все больше и больше возрастает. Это — закономерный результат развития в Узбекистане науки, которая в материалах, связанных с развитием театра, находит много сведений, важных для фольклористов, этнографов, литературоведов, историков.

Особую ценность эти материалы представляют для тех, кто изучает историю узбекской советской театральной культуры. Ведь народный театр — не просто один из главных источников, обусловивших возникновение узбекского профессионального театра; именно наличие богатейших народных традиций в области театрального искусства помогает нам уяснить, в чем причина необыкновенно быстрого развития узбекской советской драматургии и сценического искусства уже в самые первые годы после свершения Великой Октябрьской социалистической революции.

Актеры народного театра — кизикчи —

накопили огромный опыт создания подлинно народных массовых представлений. Их искусство отличалось публицистичностью, остротой сатиры, злободневностью. Они были хорошими пропагандистами: — достаточно вспомнить деятельность кизикчи на фронтах гражданской войны, в период проведения в Узбекистане земельно-водной реформы и выборов в Советы, в период коллективизации. Они были отличными импровизаторами и, обладая большим запасом жизненных наблюдений, умели создавать яркие характеры, зло высмеивать лодырей, пьяниц, спекулянтов, религиозных фанатиков и тех, кто ловко использовал религиозный фанатизм в своих корыстных целях. Все это составляло ценнейшие качества искусства кизикчи, которое пользовалось огромной популярностью в народе.

Нет никакого сомнения в том, что опыт и лучшие традиции театра кизикчи полезно изучать и осваивать для того, чтобы максимально приблизить работу каждого из самостоятельных коллективов к требованиям нашего времени.

* * *

Театр кизикчи и кукол, представления которого включали в себя и другие виды искусства, — прежде всего музыку и танец — был одним из наиболее массовых развлечений народа. Этот театр возник очень давно, начало его истории теряется в веках.

Театр кизикчи, что в переводе означает «забавляющий комик», пользовался особенно большой популярностью в народе. В нем разыгрывались небольшие пьески-фарсы (кизик-чилик) сатирического или комического характера, которые всегда вызвали живой интерес зрителей.

Народные кизикчи и куколдовы, оседавшие в городах, издавна объединялись в цехи-корпорации (мехтарлик) во главе со старшиной, избиравшимся из числа наиболее талантливых, авторитетных мастеров.

В старые времена крупные узбекские города подразделялись на даха — части. Ташкент, например, имел четыре даха — Кукча, Себзар, Бешагач и Шейхантаур. Обычно актеры-кизикчи обслуживали только свою часть города и не выезжали в другие места без разрешения старшины.

Цех актеров народного театра имел

свой особый устав — рисоля, в котором, кроме легендарного объяснения истории происхождения искусства, излагались правила поведения членов корпорации. За их точным выполнением строго наблюдал старшина.

Цех обычно содержал свою чайхану. Она была своеобразным клубом актеров. Здесь они собирались для решения жизненно важных вопросов, здесь же происходили переговоры с нанимателями, распределялась работа и т. д.

Актеры-кизикчи выступали во время народных празднеств и различных семейных торжеств. Представления устраивались не на специальных сценах, а чаще всего прямо на городских площадях и проходили в присутствии большого числа зрителей. Но эти народные празднества и семейные торжества случались не часто, они приходились обычно на определенное время года — осень, весну. Поэтому актеры вынуждены были искать дополнительного заработка. Многие из них занимались каким-нибудь ремеслом.

Искусство народных актеров-кизикчи всеми своими корнями было тесно связано с жизнью трудящейся массы. Оно выражало заветные чаяния, думы и чувства трудового народа. Потому оно и было так горячо любимо народом.

Искусство народных комиков питала сама окружающая действительность, оно опиралось на широкое знание фактов жизни. Кизикчи должны были хорошо знать быт, обычаи, манеры поведения представителей самых различных слоев общества. Именно это и помогало им создавать фарсы, сценки, в которых, в большинстве случаев, очень метко критиковались пороки, типичные для представителей эксплуататорских классов.

Идейная острота искусства кизикчи была обусловлена тем, что они хорошо понимали свое общественное назначение. Очень характерно в этом смысле наставление, которое читал своим ученикам знаменитый кокандский народный актер второй половины XIX столетия Саади-Максум. Вот как передает текст этого наставления выдающийся ученик Саади-Максума Юсуф-кизик Шакарджанов:

«С большими будь большим, с малым будь мал. Держи себя с достоинством, не будь шутом повсюду на улицах. Будь кизикчи в своем месте и в свое время... Хорошо, если ты будешь высмеивать людей: первое — низких, подлых и

живых испанов, второе — развратников и тайных пьяниц — мулл, третье — ростовщиков». В этом перечне не забыты ханские и царские чиновники, а также носители различных пороков — наркоманы, воры, хулиганы и т. д.

Это замечательное по своей яркости наставление хорошо объясняет, что главную свою цель кизикчи видели в бичевании коренных зол жизни, в резко сатирическом осмеянии представителей тех классов, которые притесняли, эксплуатировали трудящуюся массу.

Конечно, подлинным мастерством сатирического обличения актер-кизикчи овладевал не сразу. Это требовало длительной идейной и художественной подготовки.

Как правило, каждый мастер-актер имел целую группу учеников, которых воспитывал по сложившейся системе в течение восьми-десяти, а иногда и более лет. Известно, например, что Саади-Максум в лавке, где он торговал изделиями своего ремесла, постоянно и подолгу беседовал с учениками, наставлял, как надо себя вести в том или ином обществе, обучал приемам актерского исполнения и заставлял запоминать сюжеты наиболее распространенных фарсов.

Репертуар кизикчи был разнообразным по своей тематике. Но основной конфликт в их пьесах всегда образовывался на основе непримиримого столкновения между бедными и богатыми, притесняемыми и эксплуататорами. Их драматургия пропагандировала глубоко оптимистический взгляд на действительность, она выражала неистребимую веру в силу народа, в его стойкость, энергию и способность одержать победу над темными силами жизни.

Очень ярко это выражается в развязках, заключительных эпизодах пьес, где сатирически осмеиваемые персонажи — представители господствующих классов — всегда терпят поражение и жестоко наказываются в присутствии зрителя.

Не случайно актеры народного театра за свои выступления постоянно преследовались властями и духовенством, а иногда даже расплачивались за свою смелость жизнью. Особенно враждебным было отношение к народным актерам со стороны духовенства. Поборники ислама яростно ненавидели кизикчи и добивались запрета их деятельности. Так, например,

было в Коканде, во время правления Фанатика Малляхана (1858—1862), который поставил театр кизикчи вне закона и под страхом казни запретил их выступления, как противоречащие законам шариата. Им же была учинена зверская расправа над знаменитым в те годы народным певцом Зебопаром.

Наряду с народными актерами-кизикчи, выступавшими на городских площадях, в XIX веке во всех ханствах Средней Азии были и придворные артисты — увеселители самого хана и окружавшей его придворной знати. Например, при дворе кокандских правителей почти постоянно содержались мужская и женская труппы. Искусство этих кизикчи имело чисто развлекательный характер.

Но бывало и так, что по приказу хана ко двору попадали отдельные актеры или целые труппы народных кизикчи. Так, в Коканде во время правления Худояр-хана долго работала труппа талантливых исполнителей во главе со знаменитым актером и учителем многих кизикчи — Закирджаном. В эту труппу входил и уже известный нам Саади-Максум.

Искусство актеров, руководимых Закирджаном, несло в себе прогрессивные идеи. Используя свое выдающееся мастерство, эти актеры, даже выступая при дворе, критиковали пороки, оценивали окружающую их действительность с точки зрения трудящейся массы. Труппе Закирджана постоянно приходилось выполнять задания хана, сочинять пьесы на сюжеты, подсказанные правителем. Но и в этих случаях их искусство оставалось глубоко народным. Хан приказывал осмеять кого-либо из неугодных ему сановников, но кизикчи почти всегда умели тонко вскрыть социальную сущность факта и в своих пьесах создавали сатирические образы представителей господствующей среды.

Очень показателен в этом смысле рассказ муллы Касимходжи — историка, жившего в Коканде в годы правления Худояр-хана. Этот историк, ревнитель ислама, не скрывает своей ненависти к актерам народного театра; тем не менее он точно передает содержание их острых фарсов. «Во время ханства Мухаммад Али-хана, — пишет мулла Касимходжа, — тоже устраивались легкомысленные увеселения, как сейчас часто бывает у Худояр-хана. Однажды рядом с ханским дворцом устроили саль — гуляние. На-

роду было очень много. Хан с придворными сидел в своем шатре. После состязаний богатырей и представления шутов в медвежьих шкурах на середину площади принесли большое и высокое деревянное ложе. Вышел один проклятый подражатель, надевший на себя костюм мударриса¹, и с книгой в руках важно сел на ложе между двух пуховых подушек. Вначале я поверил, что это действительно вышел ученый и будет произносить речь. А потом выяснилось, что это кизикчи, высмеивающий ученого.

К этому нищему-кизикчи пришел грязный оборванный мальчик и, заявив, что он хочет учиться, попросил себе жилья в медресе. Кизикчи-учитель сидел важно, не вникая словам мальчика. А когда мальчик стал настойчиво просить, кизикчи-учитель рассвирепел и начал его ругать на таджикском языке, сопровождая свою ругань нелепыми жестами, вызвавшими всеобщий смех публики». Историк приводил слова мударриса: «Сказал я — иди! Занимайся черной работой, куда тебе до медресе? Откуда тебе отдельную келью? Смешной ты, не смей меня! Уходи, уходи, деревенщина, невоспитанный...»

«Хорошо, если бы он этим ограничился, — сокрушался автор рассказа... — После ухода заплаканного мальчика появляется женоподобный молодой человек и сообщает, что к учителю пришел бай с сыном. Проклятый кизикчи, подражающий учителю, с большим воодушевлением встречает бая. Изображающий бая кизикчи входит с хорошо одетым сыном, неся множество подарков. Кизикчи-учитель усердно приветствует бая жестами, не свойственными ученому. Кизикчи-учитель, одев подаренный халат и закусив из принесенных яств, проводит урок с сыном бая и с подчеркнуто глубоким почтением провожает гостей».

Как видно из этого рассказа, фарс, разыгранный актерами, резко высмеивал представителей духовенства, их корыстолюбие, их презрительное отношение к простому народу. Очень характерно то, что кизикчи умели выразительно и очень лаконично показать поступки, наиболее характерные, типичные для представителей той среды, которую они изображали. Народные насмешники изображали явле-

ния, широко распространенные в жизни, и не случайно сама жизнь постоянно подтверждала правдивость изображенного в фарсах.

Например, несколько позднее того времени, к которому относится описанное представление, стало известно, что некий мударрис брал взятки с тех, кто желал поступить в медресе. История эта приобрела широкую огласку, и в труппе Закирджана был сочинен фарс. Так возник фарс под названием «Мударрис», который в нескольких эпизодах почти буквально передавал действительный факт и в то же время имел чрезвычайно близкое сходство с фарсом, пересказанным муллою Касимходжой. Интересно отметить при этом, что, изображая мударриса, кизикчи еще больше заострили идею, положенную в основу пьесы, — мударриса они наделили целым сонмом скверных пороков. Этот прием характеристики духовных наставников — воспитателей молодого поколения — типичен для кизикчи. Все их фарсы, изображающие мусульманскую духовную школу, рисуют ее учителей сводниками и вымогателями, промышляющими при помощи наглого обмана.

Можно привести множество примеров того, как выразители народного мнения — кизикчи, получив «социальный заказ» от хана, вскрывали истинный смысл частного факта и, таким образом, подчеркивали его типическое значение.

К числу наиболее ярких пьес, в которых беспощадно клеймится духовенство, относятся фарсы «Мазар» и «Заркокиль». Эти произведения были созданы актерами труппы Закирджана по приказанию кокандского правителя, который желал наказать провинившихся перед ним подданных. В их основе лежат действительные происшествия.

Случай, вызвавший появление фарса «Мазар», был следующий. В Коканде существовал мазар — могила мусульманского святого, куда на поклонение ходило много женщин и девушек. Хранителем этого мазара был шейх — один из представителей высшего духовенства. Темные люди очень почитали этого шейха и считали его самого также чуть ли не святым. Как оказалось потом, шейх занимался сводничеством и был не прочь присоединиться к любой веселой компании.

Таково было содержание факта, но актеры-кизикчи, не нарушив его правдивости, разработали содержание факта по-

¹ Учитель мусульманского духовного училища.

своему. Они углубили его смысл, а образ шейха наделили чертами, которые народ считал типичными для представителя мусульманского духовенства. Шейх жаден, сластолюбив, он презирает бедняков, от которых ему нечем поживиться.

Действие начинается с того, что к шейху обращаются женщины и просят разрешить принести жертву святому. Шейх милостиво разрешает, но в первую очередь тем, у кого живность покрупнее. Бедняков же, которые приходят затем с той же просьбой, он прогоняет, крича: «Нет тут места для непроливающих крови» — то есть для тех, кто нищ и является без жертовного животного.

В основу фарса «Заркокиль» был положен факт, имевший место в одном из селений Кокандского ханства. Местный ишан, нарушая законы, разрешал устраивать зикры — радения, которые затем превращались в вакханалии с плясками на мотив «Заркокиль» («Золотая кошечка»). В селение проверить истинность слухов был направлен чиновник, но он сам поддался соблазну, а затем доложил, что ишан обвинен ложно. Обман векоре обнаружился.

Разрабатывая сюжет фарса «Заркокиль», кизикчи, как и в других случаях, самый факт оставили неприкосновенным, но в характеры действующих лиц внесли существенные дополнения. По пьесе, например, оказывалось, что проступок чиновника не был случайным, ибо он всегда отличался распутством, и эта черта, конечно, усиливала сатирический пафос произведения.

Все эти примеры говорят о том, что народные актеры-кизикчи, даже попадая ко двору правителей, где они были вынуждены подчиняться воле ханов, оставались выразителями интересов трудящейся массы, боролись своим искусством против господствовавших классов.

После присоединения Туркестана к России, когда власть последнего кокандского правителя Худояр-хана пала, придворные кизикчи в своем большинстве слились с народными и стали обслуживать население городов и кишлаков Ферганской долины.

В конце XIX и начале XX столетия сильные труппы народных комиков существовали во многих городах Туркестанского края. Например, в Коканде жили и выступали известные кизикчи Шомат-кизик,

Мулла Нормат, Розиг-гов, Абдукадыр Максум, Бойбувакоса, Боймат-кизик и другие; в Андижане — Холик-кизик, Ашур-кизик, Башир-кизик, Калназар-кизик, Хасан-кизик; в Ташкенте — Мулладжан-кизик, Абдулла-панузчи. Немало талантливых народных актеров было и в других городах, — например, в Маргелане, где своим искусством славился Юсуджан-кизик, Шакарджанов. Мастера народного театра воспитали большую группу учеников, многие из которых выступают и поныне, пользуясь любовью широких зрительских масс.

Народные актеры-кизикчи, которых раньше преследовали местные власти, духовенство, бай, после Октябрьской революции стали полноправными гражданами свободной страны и приняли активное участие в строительстве узбекской социалистической культуры.

* * *

Как отмечалось уже, драматургия народного театра кизикчи чрезвычайно богата и разнообразна по тематике и сюжетам.

Это — устная драматургия. Ни в дореволюционное, ни в советское время она самими кизикчи не записывалась. Более того, в этой драматургии никакого точно установленного и неизменяемого текста не существовало, так как небольшие пьесы-фарсы, которые кизикчи разыгрывали, импровизировались ими на основе заранее обдуманной сюжетной схемы. Таким образом, если тему и идею драматического произведения предлагал кто-либо из ведущих мастеров труппы, оно все же являлось по существу плодом коллективного творчества.

Те из произведений, которые оказывались наиболее удачными, метко изображавшими характерные стороны жизни, не умирали. От одной народной труппы к другой, от поколения к поколению передавались «скелет» фабулы, основная мысль произведения, перечень действующих лиц, и новые труппы вновь и вновь разыгрывали его перед благодарным зрителем. Но с изменением времени и обстоятельств произведения эти также изменялись, обогащаясь новыми, метко выхваченными из жизни, штрихами. Бывало и так, что новая эпоха приносила такие существенные перемены, что на старой основе возникало по существу

другое произведение, в котором было уже нелегко распознать первоисточник. И это очень показательно для искусства кизикчи: ведь они были хорошими наблюдателями окружающей их жизни и быстро схватывали все характерное.

Что же собой представляет драматургия театра кизикчи? Их пьесы-фарсы — это небольшие сатирические и реже — комические сценки с очень динамично развивающимся действием. Все пьесы-фарсы можно разделить, как свидетельствуют сами кизикчи, на две категории: на произведения типа танкид и типа таклид или мукаллид.

Слово танкид можно перевести как критика, пародия. К этой группе относятся пьесы, осмеивающие нелепость различных, истари существовавших обрядов, дурные привычки, бытовые пороки. По-видимому, это наиболее древний род узбекских народных фарсов.

Произведения типа таклид или мукаллид возникали как бы к случаю. И это не удивительно: ведь в основе их сюжета всегда было какое-либо происшествие, «героями» которого являлись конкретные живые лица. Так как создатели этих пьес — кизикчи были выразителями народного мнения и острие их сатиры было направлено против притеснителей трудящихся масс, то, понятно, что в качестве героев мукаллид выступали ишаны, муллы, судьи по шариату — кази, баи, ростовщики и т. д.

Не нужно думать, что эти сочиненные «к случаю» фарсы забывались, умирали, как только в сознании людей сглаживалась память о нашумевшем происшествии. Дело в том, что актеры-кизикчи обладали ясным классовым сознанием и немалым жизненным опытом. Они были замечательными мастерами своего дела. Создавая характеры своих персонажей, они отбирали самые типичные для представителей данной социальной группы или класса черты. Поэтому и образы и ситуации, в которых оказывались действующие лица, приобретали типическое содержание, что и обеспечивало лучшим фарсам долгую жизнь.

Следует подчеркнуть, что у актеров народного театра было много хорошо разработанных художественных приемов и, в частности, приемов языковой характеристики.

Вообще в раскрытии драматургических образов, как известно, первостепенную роль играет язык героев. В основе языка фарсов кизикчи лежат различные глубоко национальные приемы острословия, которые узбекский народ называет словом «аския». Эти чрезвычайно популярные и любимые узбеками словесные состязания, построенные по определенным правилам, кизикчи в своих фарсах использовали с удивительным мастерством. Без преувеличения можно сказать, что опытные народные актеры были подлинными виртуозами острословия.

Обычно состязание в острословии — аския — ведется в форме диалога между двумя или более лицами, причем каждая из сторон придумывает необычайно меткие и смешные сравнения для «противника». Эти сравнения обычно соответствуют действительным характерным физическим или психическим качествам человека или же выдуманном, но присутствующим именно тому человеку, в образе которого в данный момент выступает участник состязания. Но самое интересное заключается в том, что в словесном состязании мастеров этого дела всегда содержится сатирический выпад. Как выглядит аския лучше показать на примере.

Вот, например, отрывок из диалога, который ведется между двумя кизикчи — Камилкари (он с большим зобом) и Пулатджаном (его лицо покрыто следами оспы). Каждый из них шутит по поводу физического недостатка другого, но через сравнения вдруг раскрываются характерные черты третьего лица. Это третье лицо — спекулянт, сатирический образ которого несколькими яркими штрихами набрасывают актеры-исполнители. Он-то и подвергается настоящему осмеянию в аския.

В данном отрывке кизикчи используют один из приемов острословия — «ярашиб-ти», то есть острят на тему — «очень вам идет».

Первый: Камилкари, ваш зоб вам очень идет; кто знает вас, тот скажет, что это вы, а кто не знает вас, подумает, что у этого задержанного спекулянта на шею висят его грехи.

Второй: Пулатджан, ваша физиономия вам очень идет; кто знает вас, тот скажет, что это вы, а кто не знает вас, подумает, что это спекулянт, задержанный с клетчатым платком.

К сожалению, в переводе значительно теряются динамика и острота мысли.

Для ведения подобных диалогов требовалась находчивость, умение остро, лаконично выразить мысль. Ведь второй из острословов не знает заранее, что скажет первый, а его ответ должен быть обязательно в духе начальной реплики — по правилам аския он не должен отклоняться от темы.

Как верно замечает исследователь театра кизикчи, для языка народных узбекских фарсов чрезвычайно характерны игра слов, употребление неожиданных оригинальных сопоставлений, метафор, использование в диалогах рифмы и т. п. Все эти черты язык фарсов приобретал главным образом именно потому, что кизикчи мастерски владели всеми многообразными формами и приемами аския. Вот несколько примеров.

В пьесе «Тол сотди» («Продажа та-ла») действуют представители разных национальностей, говорящие каждый на своем языке. Диалог строится на основе двух различных, но близких по своему звучанию, слов.

Действие фарса заключается в том, что таджик-каратегинец приходит на базар, чтобы купить ивовые палки (они употребляются для поднятия виноградных лоз) и торгуется с базарным старшиной-аксакалом, который промышленлет перепродажей этого товара. Торговец и покупатель не могут договориться, так как созвучия, которые они употребляют, в каждом из языков имеют различный смысл. Диалог превращается в бессмыслицу, и это, конечно, вызывает смех зрителей.

В фарсе «Эски мактаб турмишидан» («Из жизни старой школы») употребляются рифмованные диалоги. Здесь высмеивается учитель мусульманской школы — домулла, который занимается не обучением, а пустословием. На его реплику дерзкий ученик отвечает первой пришедшей в голову фразой, но в рифму. Увлечшись рифмованием, учитель отвечает так же, и, в результате, диалог превращается в бессмысленный набор слов.

Для фарсов характерно также употребление «саморазоблачительных» реплик.

Как правило, этот прием языковой характеристики употребляется в произведениях, поднимающих острые социальные вопросы. Подобный метод характеристики отрицательных персонажей сообщает фарсам публицистическое звучание, делает их сатиру еще более прямой, откровенной.

Так, например, в пьесе «Мироббоши» («Главный водораспределитель») отрицательный персонаж говорит о себе: «Без взятки я ничего не делаю. Зовут меня Турсунбаем — распределителем воды. Я всегда стою на этом месте около шлюза. Вот на правой и левой стороне от места, где я стою, шлюзы... В обе стороны я пускаю воду поочередно. Кто даст больше взятку, тому и воды пушу больше».

Или же вот как характеризует себя знахарь-ишан в фарсе «Тагиджан касал» («Большой Тагиджан»). Войдя в дом, чтобы облегчить недуг человека, он похваляется:

— О молодцы, молодцы! Мы великие ишаны-лекари!

Большие лекари, многолетний у нас опыт.

Вот у моего соседа заболела корова и немедленно послали за мной.

Пошел я к соседу, сразу же дал лекарство...

Слава богу, слава богу, из-за моего лекарства,

Трех дней не прожив, умерла корова вместе с теленком.

Если дам я лекарство твоему братишке...

Я такой знаменитый лекарь, что, бог даст, погибнете всей семьей.

Таких примеров можно привести бесчисленное количество. Причем интересно, что в употреблении каждого из приемов кизикчи не терпели однообразия. Тот же метод саморазоблачения — автор характеристики героя использовался по-разному.

В приведенных выше случаях это делалось с целью резко сатирически подчеркнуть отрицательные качества притеснителей народа, обманщиков, взяточ-

ников. Иногда автохарактеристика звучала юмористически — когда она вкладывалась в уста человека из трудящейся среды. Так, в одном из фарсов «Мардикар» («Наемный рабочий») герой похваляется в духе комического богатыря народных анекдотов: «Если я и в самом деле захохочу... то могу вытащить тыкву с корнем...» «Если как следует ударю кетменем по земле... то может он войдет в землю на целых два пальца, а может и совсем не войдет».

Любопытно отметить, что язык положительных и отрицательных героев в песках кизикчи был весьма различным. Если положительные герои говорили простым народным языком — выразительным, чистым, без примеси чужеродных слов и выражений, то отрицательные — имели часто малопонятную речь, и это также являлось средством их сатирической обрисовки. Чтобы сделать их еще более смешными в глазах народа, кизикчи наделяют отрицательных персонажей длинными монологами, зачастую совершенно пустыми, бессодержательными, вставляют в их речи множество цитат из корана, смысл которых темен не только для простого народа, но и для самих цитирующих. Особенно часто этот прием употреблялся, когда высмеивались представители мусульманского духовенства — для того, чтобы подчеркнуть их мнимую ученость и напыщенную глупость.

Так в фарсе «Югучи» («Обмыватель покойников») мулла читает молитву, содержание которой представляет собой смесь из непонятных арабских выражений, взятых из корана, и грубых проклятий в адрес покойника. Звучало это так: «Сто восьмая сура корана. Мы дали тебе изобилие богатств. Всегда ты голову морочил! Лодырь ты, вечно больншй! Раз лег — больше не вставай, из могилы не возвращайся! Во имя аллаха, аллах велик».

Совершенно ясно, что этот простой на вид прием словесной автохарактеристики муллы являлся великолепным способом сатирической характеристики представителей духовенства.

Творчество народных актеров-кизикчи, выражая думы и чаяния народных масс, помогало борьбе с эксплуататорскими силами. Но беспощадно бичуя угнетателей трудового народа, кизикчи одновременно вели борьбу с тем плохим, отрицатель-

ным, что сопутствовало быту самого народа. Их фарсы, посвященные осмеянию уродливых явлений жизни, отличались остротой и злободневностью.

В пьесе «Келин туши» («Женитьба»), принадлежащей к типу танкид, высмеивается в традиционном свадебном обряде то, что противоречило здравому рассудку народа, мешало его стремлению обрести личное счастье.

Действие фарса пародирует обряд, происходивший обычно в доме жениха в то время, когда в нем впервые появлялась молодая. Невеста приезжает верхом на осле, который разукрашен разным тряпьем. Родственники невесты хотят скорее увидеть жениха, но тот прячется — он вовсе не спешит встретиться с девушкой, известной ему лишь понаслышке. Но вот, наконец, жениха приводят, после долгих скандалов приступают к традиционному обряду вручения подарков. Жених перестает бунтовать, — видно, он примиряется со своей участью. Наконец, с лица невесты откидывают покрывало, и тут оказывается, что это вовсе не та девушка, которую сватали.

Основная группа народных фарсов того и другого типа — танкид и мукал-лид — посвящена отображению коренного противоречия в дореволюционной жизни узбекского народа — его конфликта с эксплуататорскими классами.

Что является самым характерным для этого рода произведений? Пожалуй, следующее: мы не найдем среди них ни одной пьесы, где бы представители эксплуататорских классов выступали в более или менее привлекательном виде. Наоборот — отношение к ним со стороны кизикчи резко отрицательное, и в этом, конечно, сказалось правильное понимание актерами своих классовых интересов и целей, трезвость и реалистичность их взгляда на жизнь.

Одним из чрезвычайно популярных произведений кизикчи был фарс о продаже на базаре осла. В нем ярко изображается тот грабеж, которому подвергался в прошлом человек, делавший все в соответствии с законом.

Кульминационный эпизод фарса — это момент, когда покупатель животного начинает рассчитываться с продавцом. Покупатель передает продавцу деньги — стоимость осла, а потом начинает перечислять все «законные» сборы — нало-

ги, которые должен уплатить продавец, как получивший прибыль от своей торговли. Это — налоги в пользу базарного старшины, в казну местного духовенства, в пользу хана, за место на базаре, за корм животного и т. д. Налогов оказывается так много, что владелец осла не только не получает никакого дохода, но вынужден еще приплатить из своего кошелека.

Народная сатира узбекского театра кизикчи сурово порицала суеверия, которые поддерживались муллами и ишанами, и смело разоблачала их перед зрителем. В репертуаре кизикчи было огромное количество фарсов, в которых высмеивалась «святость» блюстителей веры, их корыстолюбие и разврат, наглый обман, который они творили под видом врачевания больных и т. д.

Один из ярких фарсов изображает каландаров — нищенствующих мусульманских монахов. Как выясняется из содержания пьесы, это гнусная толпа разбойников, которые нагло грабят честных труженников. Во главе банды стоит духовный глава — шейх. Каландары обирают народ, их доходы стремится прикарманить шейх, а каландары изобретают различные способы, при помощи которых удобнее надуть жадного предводителя.

В другом фарсе высмеивается знахарь в белой чалме (белая чалма — головной убор представителя духовенства), который приходит лечить дряхлую старуху при помощи заклинаний и молитв, состоящих из бессмысленного набора никому не понятных слов. Молитвы, конечно, не помогают, и лекарь с позором, при помощи кулаков изгоняется родственниками больной.

Финал этого фарса чрезвычайно характерен для подавляющего большинства произведений устной народной узбекской драматургии, посвященных изобличению эксплуататорских сил.

Подобная развязка отдельно взятой пьесы на первый взгляд кажется условной. Но если принять во внимание постоянную повторяемость в драматургии кизикчи подобного рода развязок, то становится ясным, что в этом-то и заключается большой идейный смысл, это и характеризовало отношение народных актеров к основным жизненным конфликтам. Так или иначе, изображая физическую расправу над отрицательными персонажами, кизикчи до-

казывали победу представителей народа и поражение их эксплуататоров. Характерно, что даже те произведения, которые создавались по приказанию Худояр-хана, имели такой традиционный для драматургии народного театра финал. Здесь кизикчи, обычно стремившиеся точно использовать жизненный факт, вносили свои уточнения и дополнения. Если вспомнить происшествия, положенные в основу фарсов «Заркокиль» или «Мударрис», то следует сказать, что в действительности судьба виновников преступлений была иной. Но в пьесах действие развивалось по-другому. В пьесе «Мударрис», к примеру, немудрые студенты медресе, обозленные притеснениями корыстолюбивого наставника, который всячески угодничает перед богачами, а их держит в черном теле, врываются в его келью и учиняют над ним расправу.

Таким образом, можно сказать, что подобные развязки являлись типичными для устной народной драматургии. Они убедительно свидетельствуют о никогда не умирившем желании народа самостоятельно рассчитаться с угнетателями за все притеснения и обиды, которые народ вынужден был терпеть веками.

* * *

Театр кизикчи, игравший значительную роль в жизни узбекского народа до Октябрьской революции, оказал положительное влияние на процесс формирования и развития узбекской советской театральной культуры.

Нет ничего удивительного в том, что кизикчи вместе со всем народом радостно встретили победу Октября — они всегда были плотно от плоти трудового народа, и это была их победа, их революция. Вот почему с первых же дней существования Советской власти кизикчи — народные актеры — активно выступали как агитаторы и пропагандисты лозунгов новой эпохи.

В годы гражданской войны многие кизикчи были участниками агитбригад, выступавших перед красными бойками и командирами на фронтах и перед гражданским населением городов и кишлаков молодой Туркестанской республики.

Такие выдающиеся мастера, как Юсуп-кизик Шикарджанов, Арифджан — гармончи Тапмаматов, состояли в бригаде агитпоезда «Восток», выполнявшего ответ-

ственные поручения Политуправления Туркестанского фронта.

Не случайно Хамза Хаким-заде Ниязи, великий деятель узбекской советской культуры, коммунист, основоположник узбекской национальной драматургии и театра, постоянно привлекал в организуемые им труппы мастеров народного театра — Юсуджана-кизика Шакарджанова, Хаджи Сатдика Исламова и других. Некоторые из этих кизикчи, например Исламов, стали затем видными актерами государственных профессиональных театров — академического театра драмы имени Хамзы и других.

Драматургия народного театра должна быть названа одним из важных источников возникновения узбекской советской драмы. Она оказала очень большое влияние на творчество многих писателей. Не случайно первый и лучший из этих писателей — Хамза относился с таким вниманием к сюжетам и образам, созданным театром кизикчи, а также к приемам художественного мастерства, которые выработал этот театр за века своего существования.

Хамза стремился к тому, чтобы театр кизикчи жил и в новое, советское время, принося пользу народу. Поэтому он создавал для него новые пьесы, в которых умело использовал традиции народной драматургии, обогащая их в духе требований современной жизни.

Так, в середине 20-х годов, по свидетельству самих кизикчи, Хамза сочинил короткую пьесу «Саодатхон». В ней драматург использовал сюжет широко распространенного, очень популярного старого фарса о молодом человеке-бедняке, который нанимается работать к баю — хозяину ткацкой мастерской. Новое, что принес в сюжет Хамза, — это то, что батрак, хорошо сознающий свои права человека Советского государства, смело выступает против деспотичного бая. Он хочет учиться, стать грамотным, и работа у бая ему нужна, чтобы накопить немного денег. В пьесе находит свое выражение и одна из главных тем узбекской советской драматургии 20—30 годов, тема «Худжума» — борьбы за освобождение женщин: расправившись с эксплуататором-баем, работник покидает его дом, но не один, а вместе с дочерью бая Саодатхон, которая стремилась вырваться на свободу из-под владычества деспота-отца.

Можно привести очень много примеров того, как традиции народной драматургии использовались и развивались в лучших произведениях Хамзы и других авторов. Это хорошо видно, например, из содержания одной из лучших пьес Хамзы — широко известной комедии «Проделки Майсары». Образы ее отрицательных героев, особенно казиза, чрезвычайно близки к образам народных фарсов. Эти персонажи наделены теми же чертами (жадность, ханжество, сластолюбие, тупость), которые в народной драматургии определялись как типичные для представителей эксплуататорских классов. А некоторые сцены комедии «Проделки Майсары» — в первую очередь сцены, в которых атлям, а затем сын казиза подбираются к сундуку казиза, где хранится денежный документ, и страшно трусят при этом, — являются по сути своей развитами, драматургически обработанными народными фарсами.

В основе фабулы другой пьесы Хамзы — «Наказание клеветников» лежит также народный фарс об обманутых и наказанных жуликах и сластолюбцах, но фарс этот разработан очень глубоко и конфликт здесь уже принципиально иной, соответствующий новому времени. Главной героиней и инициатором разоблачения мошенников является передовая сознательная женщина-узбечка, а отрицательные персонажи в пьесе не только осмеяны, но и привлечены к ответственности по советскому закону.

То же самое можно сказать об очень популярной в годы гражданской войны пьесе организатора академического театра им. Хамзы, виднейшего узбекского режиссера Маннона Уйгура «Туркестанский лекарь». Эта комедия — не что иное, как старый народный фарс, высмеивающий знахарей, сюжет и идея которого значительно углублены на основе восприятия драматургом фактов советской действительности.

Таковы лишь некоторые примеры влияния творчества кизикчи на узбекскую советскую драматургию. Список таких примеров можно продолжить и указать, например, на то, что редкий современный узбекский писатель-комедиограф не использует опыт кизикчи в разработке комических ситуаций. Это хорошо видно на примере одной из последних узбекских комедий — пьесе Уйгуна «Хуррият».

Большое влияние театр кизикчи оказал

и на развитие узбекского советского актерского искусства. Уже было отмечено, что некоторые из кизикчи после Октябрьской революции включились в работу государственных коллективов и с большим успехом выступали в литературных пьесах. Этот переход был естественным, ибо актерское искусство кизикчи обладало чертами подлинной народности, и они свободно себя чувствовали в настоящих реалистических пьесах классиков и современных драматургов. Не случайно, конечно, ведущие режиссеры узбекского театра 20-х годов Хамза и Уйгур внимательно присматривались к приемам актерского мастерства кизикчи — здесь было что позаимствовать с целью постижения законов сценического реализма.

Традиции мастерства кизикчи живут, развиваются и в современном узбекском театре. Достаточно вспомнить выдающегося комика узбекской сцены, недавно умершего Миршахида Миракилова или указать на таких актеров театра им. Хамзы, как Наби Рахимов и Гани Агзамов, на актера театра им. Мухими Сайба Ходжаева. Эти мастера великолепно умеют пользоваться всеми возможностями, которые дает комедийная ситуация, прекрасно ведут аския.

Нет сомнения, что замечательные традиции искусства кизикчи принесут еще немало полезного современному театру. Поэтому их необходимо изучать и, обогащая, использовать в практике сегодняшнего дня.

Думается, что немалое значение использование этих традиций имеет для самостоятельного театра и особенно теперь,

когда этот театр приобрел такую широкую популярность в нашей стране.

Самодельный театр нельзя рассматривать только как средство развлечения или как способ эстетического воспитания самих его участников. Сегодня особое внимание должно быть обращено на другую важнейшую его функцию — на умелое использование его в качестве орудия агитации и пропаганды коммунистических идей, новой коммунистической морали, в качестве острого оружия в борьбе против того, что мешает идти нам к светлому будущему.

Исключительно богатый и поучительный материал дает театр кизикчи тем, кто поставил перед собой цель средствами самодельного театра бороться против религиозного обмана, сектантского фанатизма, суеверий.

В нынешних условиях следует обращать внимание не только на постановку самодельными театрами многоактных пьес, но и уделить большое внимание «малой» драматургии. Самодельные коллективы должны создавать собственные небольшие пьесы на конкретном материале жизни своего производства, колхоза, учреждения.

У советского театра в этом отношении имеется огромный опыт. Вспомним хотя бы живые газеты, агитационные пьески или даже «суды», которые устраивались над «героями» уходящей жизни. Все это по своему характеру и жанру очень близко искусству узбекских народных актеров-кизикчи.

Нужно как можно полнее использовать художественный опыт народа, поставить его на службу нашему времени.

Сатира и Кашгар

□ Акмаль ПУЛАТ

ТРУТНИ

Есть категория людей,
Их трутнями зовут.
Трудиться — нет ни одного, —
На плов — толпой бегут.
Их философия проста,
Не трудно разгадать:
Урвать побольше для себя,
Поменьше людям дать.
С ученым видом в чайхане
Сидит весь день Насим,
И перепелка в рукаве
Всегда и всюду с ним,
Его на ферму — он в ответ,
Мол, ферма далека,
К чему ненужный разговор,
Коль занята рука...
Еще здесь есть у нас один
(Он первому подстать) —

Уполномоченного пост
Готов годами ждать.
Бывает, что на этот пост
Он все же проскользнет,
Надувшись важным индюком,
По кишлаку идет.
Великим мастером слывет,
Но мастером болтать.
Когда начнет он поучать —
Его не удержать.
Любое дело ловко он
Утопит в море слов.
Недаром здесь его зовут
Царем всех болтунов...
Зовет их трутнями народ
(А трутьень — паразит).
Пусть слово острое мое
Их наповал разит!

Перевел с узбекского Мих. Пругер.

Живые Козыри

Рассказ потерпевшей

Откровенно: он бросил меня! Да. Несмотря на свое громадное самолюбие, я признаю, что он бросил меня, а не я его. Потерпевшей являюсь я. Но вам, вероятно, трудно понять, что значит покинуть такую женщину, как я.

Впрочем, я, кажется, еще ничего не сказала о своем прошлом. Все мужчины, которым я позволяла называть меня на «ты», боготворили меня. Знаете, почему? Им нравилось во мне то, чего у меня не отнимешь и через пятьдесят лет, — мое остроумие и профиль. Профиль Клеопарты.

И потом я вдруг увидела этого заморыша. Верите? У него живой вес равнялся пятидесяти девяти килограммам. Моши! Зато голова у него работала за двоих. Откровенно. Он подлец, но наговаривать на него я не стану. Когда он что-нибудь говорил, можно было заслушаться и забыть обо всем на свете. И я забыла обо всем.

Да, я вам не сказала, как его звать: Иван Александрович Сидоров. Не правда ли, слишком обыденно? Я согласилась на загс. Вот уж чего от себя не ожидала! А все только потому, что он умел говорить.

И вот расписались мы с Иваном.

Чудно так: гляжу в свой паспорт — его фамилия, гляжу в его паспорт — моя фамилия. Непривычно как-то.

Мой Ванечка... Извините, но тогда я называла его Ванечкой... Мой Ванечка получил прекрасную квартиру с газом. И мы стали обзаводиться вещами. Через полгода у нас было все, что можно было иметь, хотя, откровенно говоря, на его зарплату не разживешься.

Когда мы обзавелись кое-какими вещами, то стали обзаводиться и детьми. Тем более, что Ванечке прибавили оклад. Потом он написал какую-то книгу и получил за нее гонорар.

Как только у нас появился Жорик, я сказала Ванечке, что он должен подарить мне рояль — за то, что я подарила ему мальчика. Ваня сказал, что у нас его негде ставить и что я не умею играть. Тогда я объяснила, что при желании рояль можно поместить даже на ладони. Он тут же догадался, что надо делать, и перевел мне деньги на сберкнижку.

Но разве дело в деньгах? Я всегда с презрением относилась к финансовым проблемам. И даже теперь, когда мне дорога каждая

сотня, я считаю, что главное — это принцип, а деньги...

В общем, через два года у нас появилась Светлана. И — представляете? — едва я вышла из родильного дома, как этот тип закатил такой скандал, что вмешались соседи. Нет, вы подумайте: он приревновал меня к Александру Матвеевичу! Да это все равно, как если бы я приревновала его... с чем бы сравнить? Ну, к хижине дяди Тома. Главное, как получилось-то. Приходит мой Иван в роддом с передачей, смотрит, а там Александр Матвеевич сидит. Тоже с передачей. Ну, он просто, по-товарищески, принес мне торт. Все-таки муж моей подруги. Наш общий знакомый. А тут как раз вышла няня. Кто, спрашивает, к Сидоровой? Мой Иван — нерасторопный. Пока то-се, она подходит к Александру Матвеевичу, берет у него торт, потом, понимаете, так тяжело вздыхает и говорит: «Девчонка-то — чистая копия твоя!» Ну, мой Иван вылетел из вестибюля стрелой, а когда я вернулась — скандал!

Что я могла ему сказать тогда? Я была так ослаблена после роддома.

В общем, мы целый месяц не разговаривали, а если мне нужны были деньги, я посылала к нему нашу домработницу. Я была с ним очень жестока, это правда. Я игнорировала все его просьбы. Он очень страдал, я это хорошо видела. Он хотел помириться. Но я превратилась в кремневую скалу. Я решила проучить его. Я отдала Светочку в круглосуточные ясли, велела нашей тете Фросе забирать ее каждую субботу домой, а сама уехала в дом отдыха. Но разве этот эгоист мог допустить, чтобы я отдыхала? Он приехал и, конечно, ввалился в палату, даже не постучавшись. Да если бы еще один. У него на руках была моя девочка, Светик. Посмотри, говорит, на нашу дочь — ведь она почти ничего не ест!

«Ага, — думаю, — уже «наша». Признал!»

Откровенно: если говорить о плюсах и минусах, то мой Иван —

сплошной минус... Однако детей он любит. Я знала. И между прочим, никогда об этом не забывала. Даже сейчас.

Вот этот браслет он мне тогда подарил в надежде на семейный мир.

Но мира у нас не вышло. И все потому, что он буквально терроризировал меня. Представляете? Он стал за мною шпионить.

Утром он предупреждал, что придет поздно вечером, а потом вдруг заявлялся в восемь часов. Конечно, дома он меня не заставлял. Но разве замужняя женщина не имеет права отлучиться из квартиры? В конце концов, мы живем не в эпоху феодализма.

В общем, он подал на развод. Заметьте, не я, а он. Я — потерпевшая сторона. Я — страдальца!

Сначала нас хотели примирить. Но тщетно. Я не пошла на это унижение! Между прочим, он тоже не согласился. Но он-то из малодушья, а я — из гордости.

Вы думаете, чего он требовал у суда? Чтобы детей передали ему! Он принимал меня, очевидно, за ненормальную. Чтобы я лишилась таких козырей!

Слава богу, судья попалась опытная. Она поняла, с кем имеет дело, и объяснила ему, что закон — на стороне матери и защищает интересы ребенка. Тут даже его дружки из института ничего не смогли сделать.

Ну, а потом я оформила алименты. Знаете, сначала как-то стыдно было. Моя гордость... Но я примирилась. В конце концов, эти несчастные деньги положены мне по закону. Да и сумма такая, что неудобно отказываться. Значит, так: у него оклад, потом в университете у него лекции — почасовая оплата, затем чтение публичных лекций, потом рецензирование диссертаций... Теперь считайте: тридцать три процента... Вы знаете, мне хватает!

Я узнала, что мой Иван издал новую книгу. Потом будто бы ее где-то переиздали. А где? Откуда я

знаю? Но мне просто повезло. Нашлась одна добрая душа. Видимо, порядочный человек. Между прочим, пенсионер. Бывший юрист. Сергей Капитонович. Он мне это дело и предложил. Давайте, говорит, я займусь вашими делами. А то вы, говорит, женщина щепетильная и в этих самых тонкостях можете иногда и не разобраться. А я — специалист. Давайте, говорит, я упорядочу ваши взаимоотношения с мужем. Ну, я сначала подумала, что он насчет примирения, и, конечно, запротестовала. Но он,

оказывается, о другом. Он взялся за мои алиментные дела. Он сумел списаться с издательством. И теперь, как только где-нибудь издается или переиздается его книжка, туда летит копия исполнительного листа. И — будьте любезны: тридцать три процента. Ну, конечно, Сергею Капитоновичу коммиссионные.

Да, он бросил меня. Он — меня! И я, конечно, потерпевшая сторона. Вот и терплю. И никому не жалуюсь. Я гордая!

Николай СУББОТИН

Короткие Басни

Метаморфоза

Приедут на пастбище важные гости —
Овца превращается в кожу и кости,
А мясо, что было покровом костей,
В райцентр отбывает в машине гостей.

Провержение

— Ч то глуп баран, не верю, нет, —
Сказал однажды мне сосед. —
Мой брат устроиться не мог,
Повел барана — он помог.

До поры, до времени

— Не попадусь,—
Сказал Гусыне Гусь.—
Я обладаю
качеством таким,
что вылезая
из воды сухим.

Заметил

Заметив Чурку,
Удивился Пень:
— Как ей не лень
Валяться целый день?!

Самиг АБДУКАХХАР.

Две встречи

Однажды днем, весенним майским днем,
Я друга встретил.
Расскажу о нем...
Он стройным был, как тополь молодой,
Костюм на нем небесно-голубой.
А рядом — девушка стояла. И она
Была прекрасна, как ташкентская весна.
В руках у девушки букет чудесных роз,
Ей, видно, друг мой эти розы преподнес.
Я было руку другу протянул,
В глаза ему я ласково взглянул,
Но, встретив радостный ответный взгляд,
Руки не получил в ответ.
Но друг не виноват:
Он так покупками был нагружен,
Что и руки не смог подать мне он.
Но вдруг воскликнул:
Для тебя мой дом
Открыт всегда! Тебя на свадьбу ждем.
Ты будешь гостем самым дорогим.

Мы ждем тебя. Мы ждем тебя, дустим!¹
 Они ушли.
 И я глядел им вслед.
 И думал я: предела счастью нет.
 Но... Суть не в этом...
 Как-то майским днем
 Я снова друга встретил. Расскажу о нем.
 Нет, нет, не строен он, как тополь
 молодой,
 Хотя костюм надел небесно-голубой.
 Он потолстел, обрюзг, мой старый друг,
 Шел, сунув руки он в карманы модных
 брюк.
 А сзади, метрах в десяти — она.
 Да-да, та самая, теперь уже жена.
 В ее руке я не увидел роз,
 Она несла ребенка и покупок воз.
 Взор потускнел. Исчез румянца след.
 С цветком сравнить ее, увы, не смог я.
 Нет!
 Надувшись важно, будто он индюк,
 Мне руку протянул, мой старый друг.
 Но, нет, руки его я не принял...
 Они пошли. Я велел ему сказал:
 — Цветок всегда останется цветком,
 Коль мы его любовно бережем.
 А невниманием безжалостным своим
 Мы никогда цветок не сохраним.

САХРАБИЛЛА

Перевел с узбекского *Мих. Пругер*,

Из Записной Книжки

Экономя деньги, он не указывал в телеграммах фамилии адресатов.

* * *

— Надо посоветоваться с народом, — говорил директор предприятия и звонил начальству.

* * *

— Семь раз отмерь — три раза отрежь, — поучал нового продавца директор сельмага.

— Почему три? — удивленно поднял глаза новый продавец.

— Один раз себе, два раза мне, — невозмутимо ответил директор.

* * *

В правилах перевозки на станции детской железной дороги есть следующий пункт:

«Запрещается провоз огнестрельного оружия и взрывчатых веществ».

Мих. Мелкумов

¹ Дустим — мой друг.

*Читательская
рецензия*

—Его стихи,—
заметил кто-то,—

Не лезут ни в одни ворота,
Но тем не менее в печать
Им удастся пролезать!

Не всем прощается...

—Ну что ж,
читал я ваш стишок,
Сюжет нашел вконец избитым,
А этот, батенька, грешок
Прощают только знаменитым...

Приятное заблуждение

Никак не хочет он признаться,
Что зря себя считает гением,—
Конечно,
жалко расставаться
Со столь приятным заблуждением!

*Погти
по примеру Френкса*

На взятках погорел он в тресте,
Затем, в связи с указанным горением,
Работать стал на новом месте,
Из пепла возродившись с повышением...

Самонадеянный автор

Бумаги тонны исписал
В надежде на удачу.
Все думал: бог Пегаса дал,
А тот подсунул клячу.

«Старатель-Новатор»

Наукой ум не утруждая,
Не из песка, не из руды —
«Старатель» злато намывает
Из газированной воды...

Терпеливая натура

Снесет в статейках
«издевательских»
Все синяки и шишки,
Пока дает кассир издательства
На пироги и пышки.

Дмитрий КРЯТОВ

**Радикальное
СРЕДСТВО**

(Репортаж с [колхозного собрания])

Застыли деревья в ознобе,
Уснуло село уж давно,
И только в правленьи колхоза
Светится ярко окно.
Взлохматив свои шевелюры,
Вникают товарищи в суть —
Какая причина, что куры
По плану яиц не несут?

Гадали бы так до рассвета,
Но выручил старый завхоз:
— Повинны ученые в этом —
Они подвели наш колхоз.
Пускай изготовят микстуру
(Тогда б и доходы росли!),
Чтоб яйца колхозные куры
Не меньше арбузов несли!..

НОВОЕ О ЗАКИРДЖАНЕ ФУРКАТЕ

В № 9 журнала «Звезда Востока» за 1959 год была напечатана моя статья «Какую пьесу о Суворове видел Фуркат». В этой статье доказывалось, что узбекский поэт Закирджан Фуркат 5 октября 1890 года мог видеть на ташкентской сцене трехактную комедию ныне забытого петербургского драматурга Николая Куликова «Суворов в деревне, в Милане и в обществе хороших женщин», под непосредственным впечатлением от которой, по моему мнению, Фуркат и написал свое знаменитое стихотворение о Суворове. Фуркат никак не мог видеть пьесы «Измаил» и «Взятие Измаила», как это утверждают авторы 2 книги 1-го тома «Истории Узбекской ССР» и сценаристы кинокартины «Фуркат»: пьеса «Взятие Измаила» А. Черепанова была дозволена к постановке 17 декабря 1898 года, то есть через 8 лет после спектакля, который видел Фуркат.

В газетах, издававшихся в Ташкенте в 1890 году, — «Туркестанские ведомости» и «Туркестанская туземная газета» — нет подтверждений того, что Фуркат видел комедию Н. Куликова о Суворове. Не дали результатов и поиски театрального коллектива, поставившего комедию Н. Куликова...

В октябре 1890 года в Ташкенте гастролировала театральная труппа Васильева-Вятского. В ташкентских газетах имеются рецензии на постановки этой труппы и даются информации о репертуаре ее. Ни слова о комедии Н. Куликова.

По мнению научного работника Института искусствоведения Академии на-

ук УзССР В. П. Дьяченко, постановка комедии Н. Куликова могла быть осуществлена одним из кружков любителей сценического искусства — военноташкентского гарнизона, если только эту пьесу не ставила труппа Васильева-Вятского.

В Центральном Государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) хранятся дела общества драматических писателей. Среди них имеются отчеты агента этого общества по Туркестанскому краю Дмитровского. Из одного отчета выясняется, что пьеса Н. Куликова «Суворов» была поставлена в Ташкенте 5 и 17 октября 1890 года. Дмитровский приводит список пьес, поставленных в октябре, причем не указывает, в каком театре они были поставлены. Заведующая рукописным отделом Московского театрального музея имени А. А. Бахрушина Т. Ельницкая, сообщившая мне об этом отчете, делает предположение о том, что список пьес в отчете Дмитровского — это, по-видимому, репертуар городского театра, где в это время играла труппа Васильева-Вятского (справка музея от 15 июня 1960 года за № 576).

Таким образом, можно считать доказанным, что Закирджан Фуркат действительно видел в 1890 году на сцене Ташкентского городского театра премьеру комедии Н. Куликова «Суворов в деревне, в Милане и в обществе хороших женщин».

Пока не доказано, кто же поставил эту комедию на сцене. Вероятнее всего это была труппа Васильева-Вятского.

В. Л. БОГАТЫРЕВ.

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Забывшие страницы истории наших дружеских связей с Китаем и Индией

Перед нами лежат путевые записки, публицистические заметки, письма русских людей, жизнь которых была тесно связана со Средней Азией. Серая пыль въелась в пожелтевшие листы. Но время не умалило значения этих простых человеческих документов, свидетельствующих о наших давних дружеских связях с народами Китая и Индии.

Находка в Ленинграде

Более восьми с половиной десятилетий назад в песках Средней Азии умер русский инженер Д. И. Романов. «Смерть Дмитрия Ивановича, — писали в связи с этим 22 мая 1873 года «Туркестанские ведомости», — опечалила всех знавших его и высоко ценивших его энергию, познания и деятельность». Спутники Романова, похоронив в пустыне своего друга, тщетно искали камень, чтобы отметить место погребения. Могилу инженера затерялась в туркестанских песках. Всеми позабытым оказалось вскоре и имя этого замечательного человека, неутомимого путешественника, почти всю свою короткую жизнь отдавшего изучению Азии.

И вот, спустя много десятилетий, мы держим в руках тоненькую, в несколько листов, книжку «Последние события в Китае и значение их для России», обнаруженную нами в фондах Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. На ее титульном листе — никому теперь не известное имя Дмитрия Ивановича Романова. Тут же год издания — 1861-й. Уникальная книжка погребенного в среднеазиатских степях русского инженера, книжка, которой без малого 100 лет, воскрешает одну из позорнейших страниц

истории колониального разбоя европейских захватчиков на древней китайской земле.

Мы вчитываемся в страстные, полные гнева обличительные строки памфлета. Пронизанные ненавистью к агрессорам и глубокой любовью к дружественному китайскому народу, они сохранили свежесть того пламенного чувства, которое владело пером Дмитрия Ивановича Романова. Написанный в прошлом столетии памфлет кажется рожденным в наши дни, обращенным против нынешних организаторов провокаций на Дальнем Востоке, против американских империалистов.

Романов посетил Китай более ста лет назад — в 1859 году. К тому времени этот блестящий воспитанник Главного инженерного училища и Инженерной академии исколесил уже вдоль и поперек Сибирь, Дальний Восток, побывал в Средней Азии. Он исследовал реку Амур. Ему принадлежала честь создания Амурской телеграфной линии, идея строительства Сибирской железной дороги.

В Китай Романова привел его давний интерес к жизни и быту китайского народа. Он приехал туда спустя всего лишь две недели после разгрома в стране трагических событий. Найденная в книгохранилище уникальная книжка рассказывает о том, что, добившись кабального для китайцев договора, западные державы не ограничились достигнутыми соглашениями. Летом 1859 года они направили в Китай военную эскадру. Но когда английский уполномоченный Брюс и французский посланник Бурбулон потребовали пропустить эскадру по Хай-хэ к самому Пекину, китайцы ответили категорическим отказом. Горячо одобряя это решение, русский

инженер-исследователь Азии написал на родину в Россию: «Имели ли право англичане назначать путь для своего следования к Пекину и потом настойчиво требовать, чтобы их пропустили?.. Что бы сказали французы, если бы английский посланник вместо того, чтобы следовать в Париж через Кале, вздумал требовать пропуска для своих судов с пушками по Сене?.. Или что бы сказали австрийцы, если бы французский посланник настойчиво объявил, что он намерен следовать в Вену с своей военной флотилией по Дунаю! Китайцы, — заявлял Романов, — были впряме не допускать плавания по своей реке английских военных судов».

Но англичане и французы, как свидетельствовал Романов, пренебрегли волею китайского народа. Брос и Бурбулон решились силой добиться своего. Они направили против воздвигнутых на Хай-хэ укреплений свой флот. Войска, однако, натолкнулись на необыкновенное мужество и стойкость китайцев. Англичане и французы, сообщил Романов, вынуждены были поспешно отступить. Три их паровых судна с 12-ю орудиями были потоплены китайцами. Третья часть англичан осталась на поле боя убитыми и ранеными. Значительные потери понесли и французы. Так завершился очередной агрессивный акт западных колонизаторов против китайского народа.

Обо всем этом Романову поведали сами защитники китайских фортов. Посылая в Россию сделанные с их слов заметки о преступных замыслах английской и французской военщины, Дмитрий Иванович писал: «Вы получите посланные мною подробности поражения англичан в то время, когда в иностранных газетах не успевают умолкнуть толки об этом неожиданном и непредвиденном событии. Вероятно, „Times“ и прочие английские газеты будут требовать блистательного и полного отчисления китайцам; вероятно, снова начнут (как и в прошлом году) сочинять маршруты и планы кампаний для своих будущих военных операций в Китае с целью завладения Пекином; но спрашивается, справедливо ли будет вникать в этом событии китайцев?».

Вернувшись в Россию, Романов продолжал следить за развивавшимися в Китае событиями. Он встречался с приезжавшими из Китая соотечественниками, узнавал у них о новых преступлениях колонизаторов, о тяжелом положении китайского народа. Уже на родине он узнал, в частности, что значительные англо-французские войска вновь пришли в Китай, что снова запылали города и села этой древней страны, внесшей огромный вклад в сокровищницу человеческой культуры. Романову сообщили о трагедии китайского местечка Бен-тан-чжен, разграбленного и опустошенного интервентами. Жители этого местечка разбежались, женщины подверглись всевозможным насилиям и мучениям.

«Путь союзных войск от моря до Пекина, — читаем мы в найденном ныне памфлете Романова, — к стыду европейской цивилизации представлял страшные следы грабежа и опустошения... Английские начальники оправдывались тем, что во время последней войны с Индией войскам разрешалось грабить и они в два года так к этому привыкли, что остановить их теперь не было никакой возможности; кроме того, чтобы заохотить войска отправиться в Китай, им заранее обещано было разрешение на грабеж. Не довольствуясь награбленными сокровищами, которые повезли за отрядами целыми обозами, союзные войска и на обратном пути, от Пекина к Тяньзиню, несмотря на заключение мира, продолжали производить такой же грабеж и опустошение, как в передний путь. Край цветущий, обработанный, населенный обратился в мертвую пустыню; города и селения были сожжены, сады вырублены, поля до начала жатвы вытоптаны».

Клейма английских и французских интервентов, Романов вскрывал все мерзости, чинимые ими в китайских городах и селах. Ведь англо-французские вандалы, заявлял он, не только грабили народ этой великой страны. «Европейская цивилизация, — утверждал Романов, — производила самые страшные бесчинства и тиранства над мирными жителями, употребляла самые варварские способы насилия и поругания над несчастными женщинами... Их топили, вешали, убивали, наконец, им отрезали ноги, которые клали в спирт, чтобы, как образцы, привезти в Европу. Англо-французские войска, — о гневом и омерзением писал Романов, — разоряли кладбища, отрывали могилы и производили поругания над мертвыми... Религия китайцев подвергалась таким же оскорблениям и поруганиям; европейские войска опустошали и грабили кумирни наряду с прочими домами и зданиями, похищали оттуда серебряные и золотые идолы, бронзовые курильницы, утварь и проч.».

Каждая строка найденной в Ленинграде уникальной книжки обличает английских и французских интервентов в кошмарных преступлениях. Она убедительно доказывает, что государственные деятели двух западных держав, так же как и ныне, не только не удерживали войска от грабежа и насилий, а всемерно поощряли их в этом. «Английский главнокомандующий, — сообщил Романов, — отдал своим войскам на 24 часа на разграбление мирный и неукрепленный город Чжан-цзя-ван. Вскоре самые страшные опустошения, самые злодейские бесчинства вместе с пожаром разлились по беззащитному городу. Все убеждения нашего (русского — А. М.) посланника во имя европейской цивилизации, в защиту от такого поругания общечеловеческих прав были напрасны».

Неописуемому грабежу подвергли интервенты Пекин. Героем дня стал в сре-

де колонизаторов некий французский офицер, успевший захватить разных вещей на 600 тысяч франков. Сын французского главнокомандующего, он использовал для грабежа солдат своего влиятельного папаша. Этот разнузданный грабеж, опустошение страны вызвали ненависть к оккупантам со стороны многомиллионного китайского народа. Китайцы, писал Романов, смотрели на англичан и французов как на истых варваров.

Единственных защитников в страшно для своей родины пору китайцы видели в русских людях. Романов с гордостью подчеркивал это в своей публицистической книжке. Придавая огромное значение укреплению дружеских отношений русского и китайского народов, он мечтал, в частности, увидеть Россию связанной с Китаем повседневными торговыми операциями. Не случайно перед самой смертью он стал во главе комиссии Русского технического общества, в которой обсуждались проблемы развития наших торговых путей в Азии.

Так, сделанная в Ленинграде находка позволила не только воскресить незаслуженно забытое имя нашего соотечественника. Она познакомила нас еще с одной страницей русско-китайских отношений, вписанной в летопись дружбы двух великих народов Дмитрием Ивановичем Романовым.

Он мечтал о возрождении Индии

80 с лишним лет назад в захолустье Шенкурске, в крошечной, покосившейся избушке с оконцем, в которое едва пробивался луч дневного света, жил ссыльный публицист. Так же, как и друзьям его по ссылке, публицисту запрещено было выходить за черту города. Как и у прочих ссыльных, его переписку просматривал исправник. Ссылочный носил такой же, как и все, поношенный армяк, старый полушубок, шапку с ушами. И как у многих ссыльных, здоровье его с каждым днем становилось все хуже и хуже.

Но как ни тяжела была болезнь, обрамленное густой бородой лицо, большой чистый лоб, светлые, ясные глаза дышали жизнью. По многу часов сидел он за кособоким столом, склонившись над присланной с воли книгой, лихорадочно исписывая листы желтой оберточной бумаги.

Публициста, о котором идет речь, звали Серафимом Серафимовичем Шашковым. Он родился в 1841 году, в вечно нуждавшейся семье кяхтинского священника. Детство Шашкова было полно лишений, не покидавших его всю жизнь. В зрелые годы, замеченный властями в отсутствии «благоповедения», он подвергался постоянным репрессиям: опубликованные в 1858 году статьи в защиту угнетавшихся бурят вызвали негодование начальства; за участие в панихиде по убитым крестьянам с. Бездны

его исключили из учебного заведения, затем последовали арест за революционную деятельность в Сибири, заточение в Омской тюрьме и, наконец, ссылка в Шенкурск.

Человек большой культуры, хорошо знавший и литературу, и историю, и этнографию, владевший многими древними и новыми языками, Шашков проявлял интерес к самым разнообразным вопросам: В этом убеждаешься, читая огромное количество написанных им статей о русской общественной мысли XIX века, о развитии первобытной культуры, падении Рима и Византии, русском рабочем классе, творчестве Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Некрасова, Кольцова, Шевченко, эпохе Белинского, женском вопросе... В этом убеждаешься также, читая статьи Шашкова, посвященные истории, быту, культуре народов Средней Азии, интерес к которой он питал в течение всей своей жизни.

«Он был настоящим публицистом, — писал о Шашкове один из его современников. — Всегда он умел найти живую струю, подметить и установить руководящую параллель, отжившее одухотворить настоящим и извлечь из него урок для современности». Эту «живую струю», одухотворение «отжившего настоящим» мы ощущаем и в забытой всеми блестящей работе Шашкова «Индустан и англичане», повествующей о горе, нищете, страданиях индийского народа, порабощенного английскими колонизаторами. Русский читатель семидесятых годов прошлого столетия услышал с ее страниц «вопли Индии, разносимые волнами и ветрами, теряющиеся в пространствах беспредельного и глухого океана», страшные вопли миллионов людей, томившихся в кабале коварных, жестоких угнетателей.

Индия, писал Шашков, издавна разорялась чужеземцами. Здесь обогащались португальцы и голландцы, французы и англичане. Но больше всех, утверждал публицист, наживались в Индии английские колонизаторы. Вытеснив из страны своих соперников, они стали безраздельными хозяевами богатейшего края. От имени падишаха, писал Шашков, англичане собирали с индийцев подати, творили над ними суд, издавали законы, заключали договоры с другими государствами. Они вывозили из Индии весь хлеб в то время, как там росли смерть и нищенство. «Нежные и стыдливые женщины, никогда не поднимавшие покрывала перед взглядами толпы, — приводил Шашков свидетельства очевидца об одном из наиболее голодных для Индии годов, — выходили из внутренних покоев, в которых восточная ревность хранила их красы, бросались на землю перед прохожими и с громкими воплями вымаливали горсть риса для своих детей... Река Угли ежедневно сносила тысячи трупов к дворцам и садам английских завоевателей. Самые

улицы Калькутты были завалены умиравшими и мертвыми... Число погибших считали миллионами».

Шли годы, десятилетия и все более нищал угнетаемый англичанами индийский народ. Шашкова глубоко возмущало, что Индия, давшая миру высокую культуру, стала ареной беспримерных злодеяний. «Англичане,— заявлял он,— хвалятся, что прорыли великий индийский и другие каналы, проложили новые пути сообщения, прорезали страну железными дорогами; но все это,— негодовал он,— увеличив вывоз индийского сырья, и, в частности, хлеба, самым гибельным образом отозвалось на народную массу».

Изучив богатейший документальный материал, Шашков с горечью убедился в том, что миллионы индийского безземельного пролетариата— солевары, кожевники, кузнецы, гончары и другие искусные ремесленники жили под ежедневным страхом голодной смерти. Работая как вьючные животные, они, писал Шашков, получали за это мизерную плату.

До завоевания Индии англичанами, утверждал публицист, она славилась своими мануфактурами. Огромное число индийцев занималось выделкой тканей. Англичане, заявил Шашков, погубили эту промышленность, дававшую жизнь многим городам, кормившую миллионы людей. Они обложили тяжелыми налогами все машины, все орудия производства, и индийские мануфактуры были окончательно убиты.

Столь же плачевно было положение и сельского населения. С каким неподдельным сочувствием к горестной судьбе индийских крестьян писал Шашков о хижинах, в которых они жили, об их неоплатных долгах скупщикам и ростовщикам!

Английские колонизаторы не гнушались никакими средствами, вплоть до открытого грабежа, чтобы выкачать из Индии ее сокровища. Шашков воспроизвел в статье объявление, которое можно было прочесть в 1855 году в калькутских газетах.

«Гамильтон и К°

срм честь имеют объявить, что по поручению правительства они будут распродавать с аукционного торга все нагпурские драгоценности, составляющие самую обширную и богатейшую коллекцию...»

Шашков привел также ряд других, не менее красноречивых, свидетельств скачкового обогащения чужеземных пришельцев. «Масса чиновников,— с возмущением писал русский публицист,— до последнего времени приезжала сюда лишь затем, чтобы нажиться, и занималась делами лишь настолько, насколько было необходимо для достижения упомянутой цели». Приходится ли удивляться, восклицал он, что угнетение и разорение страны давно уже поселили в индийцах заклятую ненависть к британцам. «Восстания,— заявлял Шашков,— идут через всю историю английского владычества, и значительная часть двухсотмиллионного народонаселения находится в постоянном, традиционном заговоре против «рыжих варваров».

Наш соотечественник твердо верил в светлое будущее индийского народа. Он писал, что «освобождение Индустана от англичан представляется неизбежным; что будущая независимость Индии «более и более начинает входить в общее сознание вместе с идеей о возрождении Востока...»

Прозорливо увидеть будущее Индии мог только ее друг, ее доброжелатель. Другом индийского народа, его доброжелателем был Серафим Серафимович Шашков.

* * *

Необычайно расцвела в наши дни дружба советских народов с великим китайским народом, с народом Индии. Вот почему и спустя десятилетия живой интерес представляют сегодня письма и записки глашатаев этой дружбы Дмитрия Романова и Серафима Шашкова.

А. ЛЮБАРСКИЙ,
действительный член географического общества СССР.

НОВЫЕ КНИГИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ УЗБЕКСКОЙ ССР

ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

- А. Алматинская. Гнет. Роман. Книга вторая. Дыхание бури. 400 стр. Цена в ледериновом переплете 85 коп., в картонном — 80 коп.
- С. Анарбаев. В поисках красоты. Очерки («Люди семилетки Узбекистана»). На узб. яз., 140 стр. Цена 15 коп.
- М. Асимов. Послы. Повесть. На узб. яз., 120 стр. Цена 13 коп.
- М. Ауэзов. Путь Абая. Роман. Книга вторая. На узб. яз., 494 стр. Цена 1 р. 01 коп.
- А. Ахмедов, А. Талипов. Кто виноват? Пьесы. На узб. яз., 160 стр. Цена 46 коп.
- А. Бабаханов. Педагогическое и литературное наследие Хамзы Хаким-заде Ниязи. 124 стр. Цена 38 коп.
- Г. Баширов. Честь. Роман. На узб. яз., 432 стр. Цена 86 коп.
- А. Бегимов. Дочь рыбака. Роман. На узб. яз., 200 стр. Цена 51 коп.
- Е. Болотин. Рабочий человек. Очерк («Люди семилетки Узбекистана»). 28 стр. Цена 3 коп.
- С. Бородин. Собрание сочинений. Том четвертый. Звезды над Самаркандом. Роман. Книга вторая. Костры похода. 436 стр. Цена в ледериновом переплете 85 коп., в картонном переплете — 80 коп.
- А. Бурибаев. Песни молодости. Стихи. На узб. яз., 56 стр. Цена 11 коп.
- С. Волгин. Лейтенант милиции Вязов. Повесть. Книга первая. 180 стр. Цена 45 коп.
- С. Волгин. Лейтенант милиции Вязов. Повесть. Книга вторая. 298 стр. Цена 64 коп.
- Б. Горбатов. Мое поколение. Роман. На узб. яз., 416 стр. Цена 83 коп.
- Г. Гулям. Избранные стихи. На персидском яз., 104 стр. Цена 30 коп.
- Х. Гулям. Светоч. Роман. Книга первая (2-е издание). На узб. яз., 328 стр. Цена 74 коп.
- Х. Гулям. Континенты не спят. На узб. яз., 112 стр. Цена 22 коп.
- Ш. Гулямов. Цветы жизни. Очерки («Люди семилетки Узбекистана»). На узб. яз., 57 стр. Цена 6 коп.
- Т. Джалилов. Толкование «Хамсы». На узб. яз., 144 стр. Цена 25 коп.
- А. Иванов. Трепетная весна. Стихи и поэма. 120 стр. Цена 21 коп.
- П. Кадыров. Три корня. Роман. (2-е издание). На узб. яз., 428 стр. Цена 84 коп.

- Казахские рассказы (Сборник). На узб. яз., 480 стр. Цена 99 коп.
- А. Касимова. Хамза Хаким-заде Ниязи. (Библиографические и методические материалы в помощь библиотекарю). На узб. и рус. яз. 64 стр.
- А. Каушутов. У подножья Копетдага. Роман. На узб. яз., 284 стр. Цена 63 коп.
- А. Каххар. Птичка-невеличка. Повесть (2-е издание). На узб. яз., 156 стр. Цена 43 коп.
- В. Качаев. Земная тяга. Стихи. 64 стр. Цена 12 коп.
- П. Ковалев. Разведчики идут дальше. Очерк. 40 стр. Цена 6 коп.
- М. Ляховский. Разведчики будущего. Очерк («Люди семилетки Узбекистана»). 28 стр. Цена 3 коп.
- О. Мальцев. Ташкентские встречи. Литературные портреты участников Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки, 244 стр. Цена 71 коп.
- Мирмухсин. Канатоходцы. Рассказы и повести. 152 стр. Цена 40 коп.
- Мирмухсин. Ручейки. Стихи. На узб. яз., 60 стр. Цена 9 коп.
- С. Назар. Зеленое богатство. Роман. На узб. яз., 244 стр. Цена 55 коп.
- Х. Назир. Когда сливаются огни. Очерки и рассказы. На узб. яз., 152 стр. Цена 35 коп.
- Х. Назир. Окрыленная молодость. Очерк («Люди семилетки Узбекистана»). 64 стр. Цена 7 коп.
- Х. Нугманов. Рождение героя. Очерк («Люди семилетки Узбекистана»). На узб. яз., 52 стр. Цена 7 коп.
- О писательском труде. Сборник. На узб. яз., 276 стр. Цена 88 коп.
- Б. Пармузин. Девушка из древней Бухары. Стихи и поэмы. 80 стр. Цена 17 коп.
- Поэты Казахстана. На узб. яз., 168 стр. Цена 57 коп.
- И. Рахим. Оловкор. Повесть. На узб. яз., 80 стр. Цена 9 коп.
- И. Рахим. Настоящая любовь. Роман (2-е издание). На узб. яз., 284 стр. Цена 60 коп.
- И. Рахим. Хилола. Повесть. На узб. яз., 132 стр. Цена 25 коп. На рус. яз. 136 стр. Цена 25 коп.
- И. Рахим. Хислат. Очерки («Люди семилетки Узбекистана»). На узб. яз., 78 стр. Цена 9 коп.
- Ш. Рашидов. Сильнее бури. Роман. Издание дополненное и исправленное. 352 стр. Цена 74 коп.
- Р. Рза. Ленин, Поэма. На узб. яз., 248 стр. Цена 82 коп.
- Н. Сафаров. Путь Турсуной. Очерк («Люди семилетки Узбекистана»). 52 стр. Цена 6 коп.
- Н. Сафаров. Большой караван в пути. Очерки. На узб. яз., 96 стр. Цена 11 коп.
- И. Сизов. Хорошая осень. Очерк («Люди семилетки Узбекистана»). 36 стр. Цена 5 коп.
- К. Симонов. Избранные произведения. На узб. яз., 192 стр. Цена 67 коп.
- К. Симонов. Живые и мертвые. Роман. 528 стр. Цена 1 р. 01 коп.
- К. Симонов. Смелые люди. Очерк («Люди семилетки Узбекистана»). На узб. яз., 64 стр. Цена 7 коп.
- Д. Соловьев. Человек не становится на колени. 160 стр. Цена 38 коп.
- Е. Сорокин. У самого синего моря. Очерк («Люди семилетки Узбекистана»). 68 стр. Цена 87 коп.
- Х. Ташпулат. Во славу солнца. Стихи. На узб. яз., 64 стр. Цена 13 коп.
- Уйгун. Песни мира. Стихи. На узб. яз., 112 стр. Цена 19 коп.
- Уйгурские народные песни. Сборник. На узб. яз., 144 стр. Цена 35 коп.
- У. Умарбеков. Люди нашего кишлака. Очерки. («Люди семилетки Узбекистана»). На узб. яз., 32 стр. Цена 4 коп.
- М. Юсупов. Камилл Хорезми. На узб. яз., 104 стр. Цена 17 коп.
- З. Фатхуллин. Немеркнущая звезда. На узб. яз., 136 стр. Цена 37 коп.
- Я. Хаймов. Атеист. Сын. Одноактные пьесы. На узб. яз., 44 стр. Цена 14 коп.
- Хабibi. Избранные произведения. На узб. яз., 352 стр. Цена 95 коп.
- Хайрати (Салиев). Хайратнома. На узб. яз., 168 стр. Цена 13 коп.
- Ю. Шамшаров. Слава. Очерки. На узб. яз., 44 стр. Цена 5 коп.
- Ю. Шамшаров. Героический путь. Очерки («Люди семилетки Узбекистана»). На узб. яз., 80 стр. Цена 9 коп.

- Д. Шарипов. Хорезм. Роман. На узб. яз., 380 стр. Цена 77 коп.
- А. Ширванзаде. Намус. Роман. На узб. яз., 200 стр. Цена 32 коп.
- М. Шолохов. Собрание сочинений. Том 2-й. Тихий Дон. Роман. Книга первая.
На узб. яз., 480 стр. Цена 92 коп.
- Н. Шпанов. Красный камень. Повести и рассказы. 676 стр. Цена 1 р. 26 коп.
- Шукрулло. Пока бьется сердце. Стихи. На узб. яз., 64 стр. Цена 12 коп.
- С. Щипачев. Избранные произведения. На узб. яз., 212 стр. Цена 46 коп.
- А. Якубов. Мукаддас. Повесть. На узб. яз., 144 стр. Цена 26 коп.

